

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 12–3 2021 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

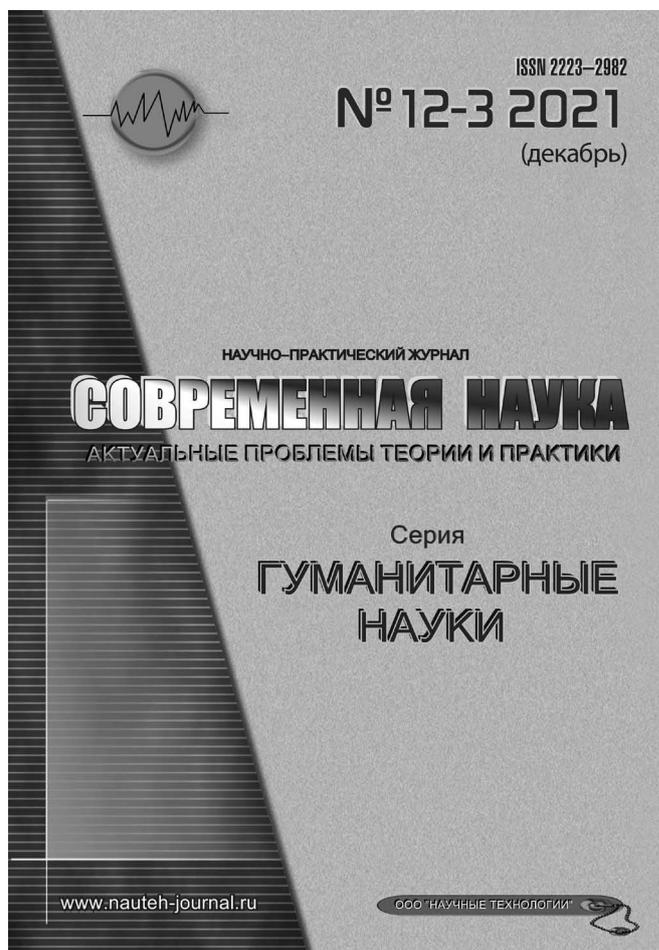
Серия: Гуманитарные науки № 12-3 (декабрь) 2021 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 28.12.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрушинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Демидов А.И. – Н.В. Устюгов и преподавание геральдики в СССР
Demidov A. – N.V. Ustyugov and the teaching of heraldry in the USSR 5

Доминик Ю.И. – Анализ эволюции взглядов в администрации Рональда Рейгана на применение невоенных мер в противоборстве с СССР
Dominic Iu. – Analysis of the development of views in the Ronald Reagan administration on use of non-military measures in struggle with the USSR 8

Красовская А.А., Митупов К.Б.-М. – Особенности пограничной политики Дальневосточной республики в вопросах обеспечения безопасности в 1920-х гг.
Krasovskaya A., Mitupov K. – Features of the border policy of the Far Eastern republic in matters of security in the 1920s 17

Мельников Н.Н., Фельдман М.А. – Становление советского танкостроения: пространственное развитие танковой промышленности в 1920-е и в начале 1930-х гг.
Melnikov N., Feldman M. – Formation of the Soviet tank industry: the spatial development of the tank industry in the 1920s and early 1930s. 22

Педагогика

Брызжева Н.В., Горская Е.А. – Географическое образование: современные вызовы и векторы развития в Тульской области
Bryzheva N., Gorskaya E. – Geographic education: modern challenges and vectors of development in the Tula region. 27

Ершова Ю.С. – Модель формирования правовой культуры студентов образовательной организации среднего профессионального образования

Ershova Yu. – Model of formation of legal culture of students in an educational organization of secondary vocational education. 31

Носова О.И. – Обучение младших школьников английскому языку с учетом особенностей клипового стиля восприятия информации
Nosova O. – Teaching English to primary schoolchildren taking into account the features of the clip style of perception of information 34

Серебренникова Н.А., Амплеева В.В. – Формирование профессиональных качеств студентов спортивных вузов: педагогическая проблема
Serebrennikova N., Ampleeva V. – Formation of professional qualities of students of sports universities: a pedagogical problem 39

Скопа В.А. – Формирование интереса у учащихся к изучению предметных областей: анализ проблемы
Skopa V. – Formation of interest among students in the study of subject areas: analysis of the problem 42

Соколовская А.Ю., Алеева Г.Х. – Влияние фонетической интерференции на обучение английскому языку
Sokolovskaya A., Aleeva G. – Influence of phonetic interference on English language learning 46

Сорокина Е.А. – Обучение цифровой финансовой грамотности как необходимое условие развития российского общества
Sorokina E. – New trends in the development of society: digital financial literacy. 49

Степанова Н.А., Куликова Т.И. – Специфика распространенности билингвизма в образовательной среде
Stepanova N., Kulikova T. – The specificity of the prevalence of bilingualism in the educational environment. 56

Хайруллин Р.Р., Туманина Н.В., Гарифуллин Р.Ш., Севодин С.В. – Анализ физических показателей студентов вузов до и после локдауна при разном подходе проведения занятий по физической культуре
Khairullin R., Tumanina N., Sevodin S., Garifullin R. – Analysis of the physical indicators of university students before and after the lockdown with different approaches of conducting classes on physical education 60

Филология

Алиева С.А. – Этимологический аспект ономастопов в русском и кумыкском языках
Alieva S. – Etymological aspect of onomatopes in Russian and Kumyk languages. 64

Алхлавова И.Х. – Бадрутдин Магомедов: начало творческого пути
Alkhlavova I. – Badrutdin Magomedov: the beginning of a creative path 67

Клецкая С.И. – Абсурд как периферийная потенция языка и явление дискурса: к постановке проблемы
Kletskaia S. – Absurd as a peripheral potential of the language and the phenomenon of discourse: to the statement of the problem 71

Левитская Ю.И. – Понятие гибридного образования в языковом поле немецкого языка в рамках англоязычного влияния
Levitskaia Yu. – Concept of hybrid word in the German-speaking world based of English 76

Павлова Е.К. – Средства выражения негативных эмоций в Твиттере Дональда Трампа: лексико-статистический анализ
Pavlova E. – Means of expression of negative emotions in Donald Trump's Twitter: lexical and statistical analysis 79

Палашевская И.В., Гогенко В.В. – Пир в Хеороте: презентемы власти в германском обществе раннего средневековья (на материале поэмы «Беовульф»)
Palashevskaya I., Gogenko V. – Feast in Heorot: Presentations of Power in Germanic Society of the Early Middle Ages (based on the poem "Beowulf") 83

Семенов А.И. – Описательная функция регионализмов
Seменов A. – Descriptive function of regionalisms 90

Соколянская Н.Н. – Оценочная лексика в диалектах Крайнего Северо-Востока
Sokolyanskaya N. – Evaluative vocabulary in the dialects of the far North-East 96

Сюй Ян – Исследование заимствованной лексики в китайском языке с XXI века на основе визуального анализа
Xu Yang – Research of borrowed lexicon in Chinese from the XXI century on the basis of visual analysis. 103

Чернова Н.М., Бородавко Е.И. – Коммуникативная актуальность англицизмов в повседневном общении
Chernova N., Borodavko Elena Ivanovna – The communicative relevance of Anglicisms in everyday communication 110

Информация

Наши авторы. Our Authors 115
 Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 116

Н.В. УСТЮГОВ И ПРЕПОДАВАНИЕ ГЕРАЛЬДИКИ В СССР

N.V. USTYUGOV AND THE TEACHING OF HERALDRY IN THE USSR

A. Demidov

Summary: The article shows the contribution of N.V. Ustyugov to the formation of the teaching model of heraldry, which became the main one in Soviet higher education. The content of N.V. Ustyugov's course at the Historical and Archival Institute and the methods used by the scientist to present heraldic information are analyzed. It was concluded that the course contributed to the preservation of heraldry as a science in the Soviet period.

Keywords: Nikolay Vladimirovich Ustyugov, heraldry, Historical and Archival Institute, teaching of heraldry, sphragistics.

Демидов Анатолий Игоревич

Аспирант, Московский Государственный
Областной Университет
demidoff2416@gmail.com

Аннотация: В статье показан вклад Н.В. Устюгова в становление модели преподавания геральдики, которая стала основной в советском высшем образовании. Анализируются содержание курса Н.В. Устюгова в Историко-архивном институте и использованные ученым методы изложения геральдической информации. Сделан вывод о том, что курс способствовал сохранению геральдики как науки в советский период.

Ключевые слова: Николай Владимирович Устюгов, геральдика, Историко-архивный институт, преподавание геральдики, сфрагистика.

Уотечественного гербоведения в советский период была сложная судьба. Официальной исторической наукой изучение гербов признавалось бесполезным, идеологически вредным и не соответствующим марксистскому пониманию прошлого. Такая ситуация не могла не сказаться на преподавании геральдики в высших учебных заведениях. К 1917 г. в этой сфере был уже накоплен определенный опыт, сложилось два подхода: культурологический, на котором основывался курс Ю.В. Арсеньева в Московском археологическом институте, и источниковедческий, на котором базировались лекции В.К. Лукомского в петербургском Археологическом институте [см.: 5, с. 190–198, 205–210]. Таким образом, еще до 1917 г. утвердилась мысль о необходимости преподавания гербов в архивном образовании.

Идея эта сохранялась и в 1930-е гг., поэтому когда был создан Институт архивоведения (затем Историко-архивный институт), то в его программу наряду с другими специальными историческими дисциплинами была включена и геральдика. В первые годы существования учебного заведения ее преподавал известный генеалог Н.П. Чулков, а затем Николай Владимирович Устюгов (1896–1963). Его вклад в становление советской модели преподавания геральдики пока не осмыслен в историографии в полной мере.

Н.В. Устюгов происходил из духовенства и первоначально получил соответствующее образование, в 1912 г. окончил Челябинское духовное училище, а в 1918 г. – Оренбургскую духовную семинарию. Затем работал учителем в Челябинске и Томске, в 1920 г. был мобилизован в Красную армию, а по возвращении поступил на историческое отделение факультета общественных наук Мо-

сковского университета, которое окончил в 1924 г. Затем Н.В. Устюгов работал в различных библиотеках, в 1935 г. был принят в Институт истории АН СССР. Как ученый он специализировался на изучении социальной и, особенно, экономической истории XVII в., в 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию «Очерки по истории преобладающих видов труда в посадах восточной части Поморья в первой половине XVII в.», а в 1956 г. – докторскую, посвященную солеваренной промышленности в XVII в., в 1959 г. получил ученое звание профессора [подробнее о нем см.: 1, 7].

С осени 1938 г. Н.В. Устюгов преподавал в Историко-архивном институте, где вел занятия по курсу вспомогательных исторических дисциплин, не во всем близкому к его научным интересам. Если палеография или метрология соответствовали тематике исследований ученого, то геральдика вряд ли серьезно привлекала его. Тем не менее Н.В. Устюгов добросовестно отнесся к подготовке занятий по этой дисциплине, разработав курс, текст которого в 1940 г. был напечатан [11] и длительное время оставался основным учебным пособием по геральдике для студентов заочного отделения Историко-архивного института. Как установил О.Н. Наумов, работа над его текстом началась осенью 1938 г., как только историк начал преподавательскую деятельность, и завершилась в июне 1939 г. [6, с. 2а]. В процессе подготовки в начальный вариант была внесена серьезная правка – как стилистическая, так и содержательная. Например, рецензент (фамилия его неизвестна) потребовал от Н.В. Устюгова объяснить, почему дисциплина называется геральдикой, а не гербологией, рассказать о методах исследования геральдических источников, объяснить замену цветов в гербах штриховкой. Подверглась критике изложенная

в пособии опознавательная теория происхождения европейских гербов (от изображений на щитах во время крестовых походов), в отзыве указывалось на терминологические ошибки при описании правил составления гербов, а родовые гербы предлагалось выделить в общей классификации в самостоятельную группу [6, с. 23–24]. Большинство из замечаний Н.В. Устюгов учел в окончательном варианте, что способствовало совершенствованию содержания курса. Лекции Н.В. Устюгова отразили познавательный уровень отечественного гербоведения, достигнутый к 1930-м гг. и, несмотря на краткость, в них заметно стремление дать студентам всестороннее представление о гербах.

Н.В. Устюгов разработал оригинальный авторский курс, не похожий на лекции по геральдике Ю.В. Арсеньева. Отчасти он опирался на программу курса, разработанную Н.П. Чулковым, но существенно ее изменил. Историк самостоятельно изучал геральдическую и сфрагистическую литературу, в частности фундаментальный труд А.Б. Лакиера «Русская геральдика» [4], а также публикации письменных источников и печатей: сочинения Г. Котошихина «О России в царствование царя Алексея Михайловича», «Акты исторические», «Полное собрание законов Российской империи» и энциклопедии. При отборе источников заметен акцент на XVII в., которым Н.В. Устюгов занимался как исследователь, что не характерно для работ о русской геральдике, поскольку в тот период она переживала период генезиса.

Курс Н.В. Устюгова в варианте 1940 г. состоял из следующих тем: понятие геральдики и герба, возникновение гербов в Европе, теоретическая геральдика (так традиционно неправильно назывался раздел о правилах составления и описания гербов), «русский государственный герб», городские гербы, родовые гербы, гербы СССР и союзных республик. Следует отметить акцент на научной стороне геральдики. В пособии Н.В. Устюгова есть самостоятельные разделы о геральдической историографии, «исторический очерк русского гербоведения», сведенный почему-то к описанию того, что сообщал о русских гербах в своем труде Г. Котошихин, а также важный раздел, озаглавленный «Геральдика как вспомогательная историческая дисциплина» [11, с. 18]. В конце учебного пособия помещен краткий список рекомендуемой литературы (работы Ю.В. Арсеньева, В.К. Лукомского и А.Б. Лакиера, а также основные гербовники).

При изложении теоретических основ геральдики Н.В. Устюгов опирался на источниковедческую концепцию герба В.К. Лукомского [11, с. 18], на работы которого прямо ссылался и высоко оценивал, особенно – его концептуальную статью о гербовой экспертизе, опубликованную в 1939 г. в журнале «Архивное дело», в то самое время, когда готовились лекции. В соответствии с этой концепцией познавательное значение гербов Н.В. Устюгов сводил к изучению исторических источников и

проведению их анализа (определению подлинности и принадлежности документов и предметов). Особенно подчеркивал историк значение гербов при исследовании бумажных водяных знаков, опираясь, видимо, на собственный опыт работы с письменными источниками. Именно связь геральдики с источниковедением, по мнению Н.В. Устюгова, определяет ее статус как научной дисциплины [11, с. 19].

Атмосфера 1930-х гг. с ее тематическими ограничениями на изучение прошлого не оказала заметного влияния на содержание курса Н.В. Устюгова, хотя перед историком стояла сложная задача. Рассказ о гербах, особенно о государственном, мог быть истолкован как пропаганда монархических идей, враждебных советскому строю. Н.В. Устюгов нашел удачный и, наверно, единственно возможный выход из ситуации. Он предложил считать исконным государственным символом России московского всадника, к которому впоследствии присоединился двуглавый орел. Причем автор ничего не сказал о его происхождении, просто назвав «византийским» и упомянув, что двуглавый орел оставался гербом России до 1917 г. Значительная часть сведений об иконографической эволюции этого символа была перенесена в лекции по сфрагистике и представлена как история государственной печати Российского государства, а не герба. История территориальной геральдики описывалась в лекциях довольно подробно, начиная с Титулярника 1672 г. К тому же столетию было отнесено автором зарождение частных гербов, история которых сводилась преимущественно к характеристике основных источников. Одновременно Н.В. Устюгов утверждал, что «нет надобности подробно останавливаться на русских дворянских гербах. Необходимо лишь знать об их существовании, т.к. историку в его практической работе над источниками придется встретиться с гербами, и он должен уметь в них разбираться» [11, с. 18].

Основным недостатком курса, на наш взгляд, была чрезмерная краткость изложения правил составления и описания гербов. Н.В. Устюгов рассказывал о структуре герба, формах гербового щита, цветах и мехах, первостепенных геральдических фигурах, но о естественных, искусственных и фантастических фигурах, которые составляют основную часть эмблематического пространства геральдики, упоминалось бегло, фактически давалось только их определение [11, с. 9]. Такой подход фактически лишал студентов возможности понимать гербы и проводить гербовую экспертизу.

В советском образовании, тем более в историческом, связанном с идеологией, изложение фактического материала должно было основываться на марксистско-ленинском понимании исторического процесса. Однако в лекциях Н.В. Устюгова соответствующие положения отсутствуют. В них не упоминалось ни о классовой борьбе, ни даже об общественно-экономических формациях (на-

пример, о феодализме). Н.В. Устюгову удалось избежать какой бы то ни было идеологизации курса, изложение фактов оказалось предельно объективным и нейтральным.

Много внимания уделял Н.В. Устюгов истории советской государственной символики, которая к концу 1930-х гг. накопила достаточный опыт, чтобы его можно было обобщить и включить в учебный курс. Н.В. Устюгов не был первым. О советских гербах упоминал в лекциях Н.П. Чулков, но он значительно расширил этот раздел. В нем перечислялись описания гербов союзных республик и СССР, заимствованные из правовых актов. Теоретически подобная новация означала расширение хронологических рамок преподавания геральдики до конца 1930-х гг.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг., в условиях политической «оттепели», стало изменяться отношение к прошлому, к краеведению, к памятникам старины. Этот процесс затронул и преподавание исторических предметов в высших учебных заведениях, в том числе вспомогательных исторических дисциплин. Появилась возможность издать массовым тиражом первое и единственное в советской историографии пособие, специально посвященное геральдике и связанной с ней сфрагистике. Оно вышло в свет в 1963 г., став своего рода сенсацией в учебной литературе [2]. На него откликнулись многочисленными рецензиями ведущие историко-научные журналы страны, все авторы отметили необходимость и полезность пособия [8–10].

Изданию пособия предшествовала напряженная ра-

бота по подготовке нового варианта текста, его редактированию и исправлению замечаний, сделанных внутренними рецензентами [см.: 6, с. 25]. Однако в целом издание 1963 г. повторяло текст 1940 г., расширен только раздел о советской государственной символике, отразивший ее развитие в середине XX в. Учебник был издан Н.В. Устюговым в соавторстве с Е.И. Каменцевой, которая как раз занималась доработкой геральдических глав. Через 10 лет, в 1974 г., тиражом в 31 тысячу экземпляров появилось второе издание [3], повторившее предыдущее и отличное от него только тем, что был исключен подробный список литературы о гербах и печатях.

Эти два издания сделали концепцию преподавания геральдики Н.В. Устюгова широко известной в СССР, на нее стали ориентироваться другие заведения, где велась подготовка историков и учителей. С 1960-х гг. и на протяжении 30 лет она была единственной в преподавании дисциплины. Только в середине 1980-х гг. появился написанный П.А. Шориным раздел геральдики в пособии по специальным историческим дисциплинам, но и он во многом повторял содержание и методические подходы учебника Н.В. Устюгова [12].

Роль Н.В. Устюгова в истории преподавания геральдики заключается в том, что благодаря его курсу дисциплина сохранилась в высшем историческом образовании, ее трансляция новым поколениям специалистов не была прервана. Студентам давался хотя и небольшой, но научно выверенный объем информации, грамотно изложенный в методическом отношении и соответствовавший традициям отечественного гербоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов Е.П. Формирование исторических взглядов Н.В. Устюгова в период обучения в Московском университете // Научный диалог. 2015. № 5. С. 77–93.
2. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: Учебное пособие. М.: Высш. школа, 1963. 224 с.: ил.
3. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: Учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Высш. школа, 1974. 264 с.: ил.
4. Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1–2. 632 с.
5. Наумов О.Н. Научная геральдика России. М.: Старая Басманная, 2013. 506 с.
6. Наумов О.Н. Неизвестные источники по истории геральдики в Архиве Российской академии наук // Гербоведение. Т. 2. М.: Старая Басманная, 2012. С. 22–40.
7. Преображенский А.А. Н.В. Устюгов // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 714–720.
8. Прошин Г.Г. [Рецензия] // Вестник высшей школы. 1965. № 4. С. 94–95. Рец. на кн.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963.
9. Троицкий С.М. [Рецензия] // История СССР. 1965. № 1. С. 176–178. Рец. на кн.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963.
10. Ураносов А.А. [Рецензия] // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 152–154. Рец. на кн.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963.
11. Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. Ч. 4. М., 1940. 25 с.: ил.
12. Шорин П.А. Геральдика // Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1984. С. 116–121.

© Демидов Анатолий Игоревич (demidoff2416@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ В АДМИНИСТРАЦИИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА НА ПРИМЕНЕНИЕ НЕВОЕННЫХ МЕР В ПРОТИВОБОРСТВЕ С СССР

Доминик Юрий Иванович

адъютант, Военная академия Генерального Штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва;
бригадный генерал, Республика Молдова
iuriedominic@hotmail.com

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF VIEWS IN THE RONALD REAGAN ADMINISTRATION ON USE OF NON-MILITARY MEASURES IN STRUGGLE WITH THE USSR

Iu. Dominic

Summary: The purpose of the article is, on the basis of US official documents, to conduct a retrospective analysis of the development of views on the use of non-military instruments in the fight against the USSR during the presidency of Ronald Reagan. Based on the official documents of the United States insufficiently studied in the Russian-language academia, the views of the Reagan administration on the use of non-military measures in the fight against the USSR within the framework of the general policy in the field of US national security are revealed. The documents confirm the course of Reagan's policy to committing the changes of the communist regime in the USSR via integrated use of tools, produced by the national power of the United States, with the obligatory avoidance of armed struggle. It also proves that all military measures were in support of Reagan's plans to reduce the national power of the opponent, cause internal chaos and force him to accept the imposed will.

Keywords: cold war, Reagan, non-military means, political warfare.

Аннотация: В статье при использовании малоизученных в русскоязычной литературе официальных документов США раскрываются взгляды администрации президента Рейгана на применение невоенных мер в борьбе против СССР в рамках общей политики в области национальной безопасности США. Целью статьи является проведение на основе официальных документов США ретроспективного анализа развития взглядов на применение инструментов невоенных средств в борьбе с СССР в период президентства Рональда Рейгана. Документально подтверждается курс политики Рейган на смену коммунистического режима в СССР путем интегрированного применения инструментов, производимых национальной мощью США с обязательным избеганием вооруженной борьбы. Доказывается, что все военные меры являлись для Рейгана вспомогательными в его планах снизить национальную мощь оппонента, спровоцировать внутренний хаос и заставить его принять навязываемую волю.

Ключевые слова: холодная война, Рейган, невоенные средства, политическое противоборство.

Введение

В декабре 2021 года исполняется 30 лет событиям, которые формально привели к окончанию многолетнего бескомпромиссного противоборства США – СССР. Тема холодной войны, ее события достаточно тщательно исследованы во многочисленных трудах в различных научных дисциплинах. Несмотря на это не утихают споры о причинах «крупнейшей геополитической катастрофы века» [1].

События и явления противостояния двух великих держав не остаются без внимания в академической среде. Появляются новые интерпретации общеизвестных событий и явлений, происходит уточнение выводов по результатам более ранних исследований. Новые прочтения событий тех лет определяет появление новых документальных данных (рассекреченных и введенных в научный оборот из архивов).

Особенную роль в «победе в холодной войне» приписывают администрации президента США Рональда Рейгана. На первый взгляд этот период действительно представляется как уникальный в сравнении со временами правления других администраций. В 1981 году, по оценкам западных аналитиков, СССР обладал самой большой военной мощью в мире, превышавшей совокупную мощь всех стран-членов НАТО. Сюда же стоит добавить паритет двух держав в ядерном вооружении. Но в течение 10 лет произошли события, кардинально поменявшие ситуацию – ослабевший экономически и раздираемый политическими и националистическими силами Советский Союз распался на 15 независимых государств. В то же время, рассматривая в совокупности весь период холодной войны, стоит отметить следование всеми администрациями единого основного курса, определенного в начальный период холодной войны как сдерживание [25] – недопущение расширения влияния СССР и создание условий для его отказа от коммунистической идеологии и смены политического строя.

Сравнительно недавняя (в период с 2006 по 2018 гг.) публикация новых документов в сборниках и на официальных сайтах госдепа¹ и ЦРУ² проливает свет на недостаточно исследованные аспекты деятельности администрации Рейгана. Стало особенно актуально рассматривать новые факты истории через призму применения невоенных средств акторами международных отношений для достижения ими своих политических целей. Данный подход, с которого практически и началась холодная война, зародился и стал операционным после окончания Второй мировой войны под брендом «политическое противоборство», отцом-основателем которого является Дж. Кеннан – всемирно известный американский дипломат и теоретик.

Со временем проблема политического противоборства приняла более сложные теоретико-концептуальные и методологические формы. В академической и профессиональной среде США закрепился концепт о «применении всех инструментов своей национальной мощи для обеспечения национальной безопасности». Вкратце, концепт реализуется в двух основных процессах: первый – приобретение инструментов национальной мощи необходимого качества в требуемом количестве; второй – их применение для оказания воздействия на актора-мишень, который в итоге должен подчиниться воле актора-инициатора. В американской системе разработки и принятия политики национальной безопасности инструменты разделяют на категории – дипломатическая, информационная, экономическая и военная [5, 6].

Также инструменты всех категорий относят либо к открытой группе, или включают в тайные операции [25].

Во время правления Рейгана четко прослеживается три этапа, выделенных на основе зависимости поставленных администрацией целей и вычлененных задач в противоборстве с СССР и всем советским блоком.

Начальный период администрации: усиление конфронтации

Президент Рональд Рейган вступил в должность в период, когда усилия по разрядке отношений между США и СССР были полностью провалены. Официально почти год действовала политика национальной безопасности – «доктрина Картера».

Вопреки всем организационным и бюрократическим перипетиям и несмотря на отсутствие опыта деятельности в области политики национального уровня в различных областях, Рейган к моменту занятия поста главы государства имел устоявшиеся взгляды на политику национальной безопасности США. Данные взгляды [31] состояли в следующем:

- СССР – основная угроза национальной безопасности и решающий фактор при ее организации;
- снижение угрозы войны и поддержание мира возможно только при наличии превосходящей военной мощи;
- экономическая мощь в противостоянии является ключевым фактором в противостоянии с коммунизмом; капиталистическая система всегда сможет сгенерировать больше богатства и приобрести больше военных возможностей;
- идеологическая составляющая противостояния является исключительно важной ввиду уязвимостей коммунистической авторитарной системы общества; идеологию надо воспринимать в качестве одного из видов оружия; при этом она остается недоиспользованной;
- финальная цель США – доведение советской системы до состояния банкротства при использовании всех инструментов национальной мощи без вступления в вооруженную борьбу.

С первых дней новой администрацией были приняты и стали внедряться в жизнь необходимые решения по реализации убеждений нового президента. Рейган, его близкие советники и кабинет протестовали против пассивной международной политики предшественников, подчеркивая, что это помогло СССР увеличить свою силу в глобальном масштабе, а США ограничивали сами себя. Такое положение дел создало «стратегический дисбаланс», который решено было устранить, применяя агрессивный наступательный подход.

США не собирались «разжигать военный конфликт», но это не означало отсутствие воли и, в случае необходимости, они были готовы предпринять необходимые действия. В этих целях следовало содержать достаточную военную силу для поддержания превосходства, а наличие такой силы увеличивало шансы на то, что она никогда не будет использована [29].

Также было уделено значительное внимание ино-

1 Foreign Relations of the United States, 1981–1988, Volume III, Soviet Union, January 1981–January 1983. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03>; Foreign Relations of the United States, 1981–1988, Volume IV, Soviet Union, January 1983–March 1985. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v04>; Foreign Relations of the United States, 1981–1988, Volume V, Soviet Union, March 1985–October 1986. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v05>; Foreign Relations of the United States, 1981–1988, Volume VI, Soviet Union, October 1986–January 1989 <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v06> (дата обращения 02.12.2021).

2 <https://www.cia.gov/readingroom/collection/reagan-collection>.

странной помощи, в первую очередь, военной. Регионом сосредоточения основных усилий была определена Центральная Америка ввиду возрастающего влияния там коммунистических сил. Расчет делался на увеличение военных возможностей дружественных США режимов и увеличение финансирования антикоммунистических проектов в регионе [8]. Также было решено оказать помощь союзникам в Азии: Южной Корее, Египту, Израилю, Саудовской Аравии и ряду других стран. Сделано это было с очевидной целью оказания воздействия на Советский Союз [9].

Такие отдельные решения множились, вылившись в директиву национальной безопасности NSDD-5, изменившей порядок передачи обычного вооружения другим странам и группам [30]. Обеспечение оружием других стран перестало быть исключением из общих правил. Оно стало не только служить национальным интересам США – борьбе с коммунистическими силами – но также способствовать проектированию мощи в ответ на угрозы, исходящие от основного противника, и увеличению «региональной и внутренней стабильности» [30]. Для поддержки бенефициаров военной помощи в администрации применили механизмы выделения грантов для приобретения такого специфического товара. В этих целях был установлен механизм включения финансовых расходов такого рода в федеральный бюджет [2].

В то же время, в администрации продолжили переговорный процесс по вопросам стратегических вооружений несмотря на несостоявшуюся ратификацию ОСВ-2. Для придания нового импульса переговорам по контролю над вооружениями в мае 1981 года Рейган утвердил предложение по подготовке соглашения по сокращению стратегических наступательных вооружений, ставших впоследствии договором СНВ-1 [10].

Военно-политическое руководство США стало активнее применять экономические меры. Санкции против СССР были усилены после жестких мер властей Польши в ответ на протесты и забастовки, организованных движением «Солидарность». Активно обсуждалось с союзниками в Европе и Японией введение согласованного финансово-экономического воздействия.

В рамках взглядов Рейгана по усилению идеологической борьбы произошла активизация программ информационного противодействия. С этой целью конгресс утвердил повышение бюджета Информационного Агентства США (United States Information Agency, USIA, ЮСИА) на 1982 год. В этом контексте тема прав человека в начальный период деятельности рейгановской администрации еще не была наполнена концептуальным содержанием. А без этого было невозможно операционная деятельность [12] ЮСИА.

Начальный период деятельности администрации следует считать завершенным с момента решения Рейгана по консолидированному и комплексному подходу к политике национальной безопасности [24]. Для реализации этого 20 мая 1982 года была принята Стратегия национальной безопасности [19], которая содержала основные показатели, необходимые для организации деятельности исполнительной власти. Документ стал интегрирующей платформой для выработки последующих решений-компонентов единого взгляда, включая «дипломатические, информационные, экономические... и военные» [19].

Для снижения главной угрозы – СССР, его влияния в мире и распространения коммунизма – наряду с военными в документе были определены цели по укреплению существующих и созданию новых союзов из дружественных США государств. Предписывалось сдерживать и реверсировать экспансию Советского Союза во всем мире и заставить его увеличить расходы на поддержку деятельности различных прокси-режимов. Применение «дипломатии, передачи вооружения, экономического давления, политических действий, пропаганды и дезинформации» [19] должно было нейтрализовать усилия СССР по расширению его влияния. Необходимо было принимать меры, чтобы затруднить выделение средств Советским Союзом для собственного военного строительства. Предполагалось ослабить советский блок путем создания условий, при которых на СССР будет «возложена основная ноша экономических проблем» его союзников, а также путем поддержки либеральных и националистических тенденций в странах блока [19]. Планировалось добиться снижения военных возможностей СССР посредством увеличения военной силы США, реализацией договоров по контролю за вооружениями, предотвращением доступа СССР к технологиям и ресурсам. Также обращалось внимание на осуществление поддержки стран третьего мира в социально-экономическом развитии и укреплении политической системы.

Проникновение за «железный занавес»: новый концепт администрации

Выступление Рейгана в британском парламенте 8 июня 1982 года анонсировало новое направление деятельности администрации по применению невоенных средств, которое вписывалось в общий подход к противостоянию великих держав: военные столкновения с СССР должны избегаться, но следует осуществлять борьбу идей и ценностей. Администрация, таким образом, заявляла о намерении бороться и атаковать коммунистические идеи, прямо противоположные основным ценностным установкам США. Они были определены достаточно общими концептами: демократия, свобода и воляность. Также США собирались поощрять разви-

тие «инфраструктуры демократии – систему свободной прессы, общественных объединений, политических партий, университетов» [27]. Наступала пора «решительных действий» американских государственных и частных организаций по «поддержке развития демократии» во всем мире [27].

Особо следует отметить появление нового направления в информационном воздействии на СССР, которое внесло изменения в такие инструменты, как пропаганда, культурный и образовательный обмен, публичная дипломатия, тайные информационные операции и другие. Были заданы не просто новые темы, но также появилась новая область приложения усилий, которая не практиковалась ранее. Данная область включала развитие общества, политической системы стран, государственных институтов. Это, естественно, требовало новых методов, форм и способов применения классических инструментов невоенных средств.

Администрация наполняла новым содержанием политику в сфере развития демократии в коммунистических и некоммунистических странах и создавала соответствующую инфраструктуру для ее реализации. Процесс включал изучение различных моделей организации деятельности по продвижению проектов политической помощи, в первую очередь, для выбора наиболее приемлемой формы финансирования из федерального бюджета США. Первоначальные попытки внедрить программы не увенчались успехом, поскольку конгресс не утвердил предложенный ЮСИА «Проект демократия» [4]. Поэтому администрации пришлось активно привлекать частные фонды для финансирования, подключая консервативные радикальные организации.

Ряд шагов был сделан в организационном плане для поднятия уровня приоритета инструментов информационной категории. Президентская директива NSDD-45 повышала приоритетность программ международного вещания и предписывала «обеспечить модернизацию и расширение вещания в период 1984 – 1989 годов» с учетом скорейшего перехода на «коротковолновое вещание», ставя главной целью преодоление глушения радиопередач [20].

Для обеспечения поддержки конгресса и привлечения частных фондов был установлен комплексный подход, закрепленный в директиве NSDD-77. В данном документе формулировались положения об улучшении организации, планирования и координации различных аспектов публичной дипломатии, как части деятельности правительства США в области национальной безопасности. Речь шла, в частности, о выполнении задач

по «продвижению демократии» [14]. Директива установила довольно четкое распределение функций ответственности различных правительственных структур по выполнению «программ демократии». Эти программы включали оказание помощи, обучение и организационную поддержку иностранным правительствам и частным группам для поощрения развития демократических институтов и накопления практического опыта [14].

После неудачной попытки внедрения «Проекта демократии» ЮСИА администрация не отступила от идеи налаживания операционного аспекта деятельности всех программ «борьбы идей». С этой целью был применен нестандартный для политической системы США 1980-х годов подход. Была создана частная некоммерческая корпорация «Национальный фонд в поддержку демократии» (NED)³. После этого законодатели в ноябре 1983 года обязали ЮСИА обеспечивать ежегодное финансирование деятельности NED [13].

Несмотря на закрепленные идеалистические цели деятельности NED по развитию демократии, корпорацию часто использовали для выполнения краткосрочных задач в зонах национальных интересов США. Американское правительство открыто финансировало политические организации за рубежом, которые зачастую были в оппозиции правительствам (например, «Солидарность» в Польше) или даже боролись с ним (моджахеды в Афганистане, контрас в Никарагуа). Практически это означало, что тайные операции ЦРУ такого же типа, проводимые с начала 1950-х годов и сильно ограниченные конгрессом и пристальным вниманием американской и международной прессы с середины 1970-х годов, стали проводиться открыто и публично.

К началу 1983 года фактически был завершен процесс выработки единой политики по отношению к СССР и его союзников. Члены кабинета Рейгана сошлись во мнении, что необходимо было: во-первых, сдерживать советский экспансионизм и со временем повернуть его вспять, во-вторых, принимать все меры для внутренних изменений советской системы, в-третьих, проводить переговоры в случае, если того требуют национальные интересы [7]. В сентябре 1982 года вышла директива о политике по отношению к Восточной Европе, а в январе 1983 года был подписан аналогичный документ по СССР.

В отношении восточноевропейских стран коммунистического блока администрация определила, что необходимо применять методы стимулирования. Среди них следует выделить две группы: политические и экономические. Предписывалось поощрять либеральные тренды, продвигать права человека, а также снижать

3 Общепринятое сокращение от английского National Endowment for Democracy. – *Прим. авт.*

экономическую зависимость этих стран от СССР, содействовать их ассоциированию со свободными странами Западной Европы [21]. Планировалось применять коммерческие, финансовые, информационные и дипломатические инструменты; культурный, научный и образовательный обмен для достижения целей политики по отношению к странам Восточной Европы [21].

Директива о политике США по отношению к СССР была выдержана в духе «ведения войны» с СССР, в ходе которой США проигрывали из-за разрядки. В ней прописывалась политика, состоящую из трех «основных элементов: внешнее сопротивление Советскому империализму; внутреннее давление на СССР для ослабления источников его империализма и ведение переговоров для устранения строго на базе взаимности нерешенных разногласий» [22]. Среди поставленных задач приоритетной была определена военная область, за ней следовала экономическая и затем политическая. Обозначенные цели и задачи были очень амбициозными: они требовали много времени, поддержки общества и конгресса, политического консенсуса, особенно, в вопросах обеспечения ресурсами этой деятельности.

В военной сфере главной инициативой Рейгана явилась Стратегическая оборонная инициатива (СОИ). Объявленное в обращении президента Рейгана к нации «Об обороне и национальной безопасности» 26 марта 1983 года [28] начало комплексной и интенсивной исследовательской программы по созданию средств, способных устранить угрозу применения противником стратегического ядерного оружия, являлось составным компонентом военной политики администрации. Для выработки более подробного концепта было принято решение о проведении оценочного обзора по «увеличению вклада оборонных систем в обеспечение безопасности США» [23]. В продолжение заданного направления директива NSDD – 119 «Стратегическая оборонная инициатива» содержала ряд положений, предписывающих создание концептов программы «противоракетной обороны» и их координацию с другими оборонными стратегическими программами [15]. Таким образом, на 1984 год СОИ представляла собой взгляды на введение в отношения между США и СССР новых условий в области стратегических вооружений, которые должны были усиливать переговорные позиции американской стороны.

С развитием взглядов военно-политического руководства США на консолидацию всех элементов национальной мощи в противостоянии с восточным блоком СОИ получила новую сущность, наполнившись новым содержанием. Директива NSDD-172 (вышла 30.05.1985 г.), содержала указания не столько на роль СОИ в военной политике, сколько на выстраивание политики национальной безопасности в аспектах воздействия на СССР

[17]. В данном документе особое место уделено дипломатическим (переговорам по контролю за вооружением, взаимодействию с союзниками) и информационным инструментам (пропаганда и контрпропаганда). В то же время, СОИ должна была служить одним из инструментов в общей гранд стратегии [17], из чего следует, что в 1985 году она стала играть роль в качестве составных элементов инструментов невоенной силы – психологического и экономического воздействия и демонстрации силы.

Переход к агрессивным действиям: внедрение доктрины Рейгана

В 1985 году все разрозненные инструменты национальной мощи США стали соединяться на одной платформе, где в последующем они интегрировались в единое целое – систему. Поворотным моментом в данном процессе явилась «доктрина Рейгана» [3]. Основное ее содержание было представлено в заключительной части выступления президента в палате представителей конгресса США 6 февраля 1985 года. Его речь касалась вопросов организации помощи антикоммунистическим выступлениям, общественным и политическим движениям, а также повстанцам в странах третьего мира, как неотделимой части политики национальной безопасности: «поддержка борцов за свободу является самообороной» [26].

Венцом всех процессов внедрения новой национальной политики стала директива NSDD-238, вводящая в действие общую стратегию национальной безопасности [18]. Установив первоочередной целью «защищать демократические институты и содействовать распространению мирной среды» [18] в глобальном масштабе, документ выделил основные задачи политики национальной безопасности, касающиеся, как защиты американских ценностей и интересов от внешнего посягательства, так и обеспечения международного порядка, при котором создавались бы условия реализации жизненно-важных национальных интересов США.

Отличием от нескольких предшествующих документов стало включение в директиву действий по предотвращению ядерной войны. В то же время необходимо было не допустить «доминирование враждебной державы на Евразийском континенте или в других важных регионах» [18]. Успех реализации данных планов зависел от поддержания ядерного сдерживания на высоком уровне, наличия активных союзников и выстраивания мировой экономики, ориентированной на Запад. Особенная роль отводилась борьбе за страны третьего мира, возможности осуществлять влияние на их политику. В директиве содержались требования по разработке и интегрированию в общий замысел подчиненных стратегий в

следующих областях: «политической, дипломатической, информационной, экономической, разведывательной и контроля за вооружением» [18].

В стратегии подтверждался тезис об СССР, как об основном источнике угроз, проявление которых рассматривалось военно-политическим руководством США в различных направлениях: от наступательных и оборонительных возможностей ядерных сил и потенциала для ведения прокси конфликтов до потенциального воздействия по разрушению союзов и активной разведывательной деятельности. Одним из основных вызовов, с которым сталкивались США и их союзники, являлось «разрушение демократических процессов и интересов» в регионах национальных их интересов, осуществляемое «посредством дестабилизации и диверсий, поддержки мятежей, путчей, проникновения в местные службы безопасности и вооруженные силы и установления в них доминирующего положения, использования пропаганды и агентов влияния» [18]. В основании конкуренции между США и СССР стояли диаметрально противоположные взгляды на условия, определяющие состояние мира. Считалось, что несмотря на сотрудничество с Советским Союзом в некоторых сферах, изменения в фундаментальном восприятии СССР, как враждебной силы, возможны только в случае изменений в «природе советской системы» [18].

Стратегия указывала, что политика национальной безопасности должна была преследовать ряд целей, из которых меньшая часть относилась к военной сфере. Основная часть относилась к применению невоенных средств, для чего нужно было:

- обеспечивать усиление влияния США в мире посредством всего спектра дипломатических, политических, экономических и информационных усилий;
- нейтрализовать стремление СССР по расширению влияния в мире, а также ослабить его связи со странами третьего мира;
- поощрять ограничения советских военных расходов и ослаблять коммунистический блок посредством возложения расходов на СССР по преодолению проблем в экономике, а также способствовать развитию либеральных и националистических тенденций в странах блока;
- блокировать любые возможности поступления новых технологий и ресурсов в Советский Союз;
- способствовать оказанию международной помощи, осуществлению торговли и внедрению инвестиций в страны третьего мира.

Соответственно поставленным задачам в стратегии определялись приоритеты распределения ресурсов. Американское руководство делало акцент на укрепле-

ние существующих и создание новых коалиций, развитие двухсторонних отношений, в особенности, со странами третьего мира. США собирались оказывать помощь демократическим движениям в борьбе с тоталитарными режимами, развивать свою экономику, как императив для выполнения задач по организации коллективной обороны и политического сотрудничества со всеми антикоммунистическими силами.

Принципиальную роль в реализации планов играли механизмы, созданные в рамках Совета Национальной Безопасности, ставшего единым координирующим органом. И, несмотря на отсутствие опыта военного управления у Рональда Рейгана, весь процесс был структурирован по-военному образцу.

В итоге, сформировавшаяся система интегрированного воздействия всех элементов национальной мощи США стала занимать центральное место в механизме принятия политических решений, в том числе, в области национальной безопасности. Четкое разделение планов по регионам и странам с выделением необходимых ресурсов в поддержку генерального концепта придавало еще большую интегративность системе национальной безопасности.

Таким образом, «доктрину Рейгана» следует рассматривать, как усовершенствованную форму сдерживания, теоретически введенную Дж. Кеннаном, и принятую в виде политики США в начальный период холодной войны. Суть ее сводилась к следующему: существование сильной державы СССР с коммунистическим режимом является главной угрозой национальной безопасности США, и избавление от нее возможно только в случае изменения авторитарного коммунистического правления в СССР. Сдерживание по Рейгану заключалось: в увеличении военной силы для того, чтобы иметь крепкие переговорные позиции; в приобретении инструментов невоенных средств в значительных количествах и обеспечении их слаженного воздействия; в достижении договоренностей о сокращении стратегических вооружений; в поддержании постоянно усиливающегося воздействия невоенных средств до создания условий экономического коллапса коммунистического блока и внутренней нестабильности в Советском Союзе.

Последовавшие после принятия общей стратегии национальной безопасности действия администрации Рейгана показывают ее приверженность взглядам на когерентное применение инструментов национальной мощи. Даже несмотря на изменение внутренней ситуации в СССР в области прав человека, динамичные процессы демократизации в странах советского блока и достижение договоренностей о сокращении стратегических вооружений с прицелом полностью избавиться

от ядерного оружия к концу XX века, документально подтверждается неизменность политики США по достижению своих политических целей – ослабить и дезинтегрировать СССР посредством воздействия «всеми средствами за исключением вооруженной борьбы».

В дипломатической категории продолжались переговоры между США и СССР о сокращении ядерных сил, а тем временем, укреплялись союзнические отношения в НАТО и других военных блоках, созданных американцами в Азии и Латинской Америке.

Расширялись коммуникативные, образовательные и культурные программы со странами советского блока. Эти программы уточнялись под радикально меняющуюся внутривнутриполитическую и общественную ситуацию в коммунистических социалистических странах. Финансирование программ увеличивалось, начиная с 1982 года.

Большой объем усилий стал приходиться на тайные операции. Несмотря на многие законодательные ограничения ЦРУ существенно усилило свою деятельность в информационной области, внедряя применение компьютерных технологий [11]. Значительные ресурсы были брошены на проведение операций по поддержке многочисленных групп повстанцев, борющихся с коммунистическими режимами в Латинской Америке, Азии и Африке. В некоторых случаях высокопоставленные сотрудники шли на нарушения законодательства и норм морали, принятые в среде американских властных структур, для обеспечения финансирования инсургентов. Ярким примером служил, так называемый, «Иран-контрас кейс»⁴.

Увеличение числа комплексных операций и повышение сложности их исполнения потребовало усовершенствования процедур планирования, координации и контроля за тайными операциями. Директива NSDD-159 «Политика утверждения тайных операций и процедура их координирования» [16] была издана для устранения недостатков и повышения эффективности подготовки и координации тайных операций.

Поддержка повстанцев включала также оказание военной помощи акторам, в том числе, и непризнанным мировым сообществом. Расширение географии, увеличение объемов помощи и возрастающая сложность ее исполнения привели к разработке «Национальной политики и стратегии для конфликтов низкой интенсивности». Положения этого документа (введенные

15.06.1987 г. директивой NSDD-277) регулировали участие США в вооруженных конфликтах, проводимых в отсутствие обычной войны. В нем указывалось, что, если конфликт входит в зону национальных интересов США, то они должны предпринять действия по применению всех инструментов национальной мощи. При этом участие в вооруженной борьбе было ограничено требованиями директивы [18] NSDD-238.

Военные инструменты вне вооруженной борьбы применялись в данный период для поддержания политики администрации Рейгана в переговорах с позиции силы. Возросло количество действий по демонстрации военной силы, проводимых во всем спектре возможностей вооруженных сил США и их союзников: от консультаций и совместных масштабных учений до ежедневных «контактов» вдоль условной линии соприкосновения сторон. Постоянное присутствие значительных экспедиционных сил в «зонах национальных интересов США» нередко приводило к опасным провокациям.

Экономическим инструментам, как уже отмечалось выше, придавалось решающее значение. Их применение наряду со всеми остальными инструментами преследовало цели по увеличению расходов бюджета СССР, как на собственные нужды, так и для решения проблем союзников и стран третьего мира социалистической ориентации. Во второй половине 1980-х организованное и согласованное экономическое влияние можно структурировать по трем компонентам:

- интенсификация администрацией гонки вооружений, вызвавшей активный симметричный ответ Советского Союза, что привело к замедлению роста экономики СССР;
- реализация политики создания, поддержания и усиления конфронтации в странах – союзниках СССР и поддерживаемых им государствах третьего мира, что увеличило давление на советский бюджет ввиду выделения ресурсов на поддержку стабильности и обеспечения устойчивости в этих странах;
- результативное, непосредственное и прямое ограничительное воздействие на экономику Советского Союза, несмотря на не всегда удачное вовлечение союзников США к этому процессу.

Заключение

В противоборстве с СССР в период правления Рональда Рейгана выделяется три этапа, каждый из которых

4 После законодательного запрета финансирования повстанческих групп в Никарагуа исполнители перешли на финансирование через третьи лица; денежные средства поступали, в том числе, и от торговли наркотиками по всему миру, включая США. Подробнее в докладе в сенате США: U.S. Congress. Senate. Drugs. Law Enforcement and Foreign Policy. A report prepared by the Subcommittee on Terrorism, Narcotics and International Operations of the Committee on Foreign Relations, United States Senate Washington. DC: U.S. Government Printing Office. 1989. 1116 p. – *Прим. авт.*

имел свои определенные цели. Все задачи устанавливались в зависимости от выводов оценки международного контекста и детального рассмотрения состояния дел в СССР и его союзников. Особое внимание при этом уделялось выявлению у них уязвимостей, которые становились сосредоточением основных усилий применения невоенных средств, производимых национальной мощью США. С первых дней в Белом доме Рейган применял наступательную стратегию, усиливая давление на каждом этапе.

Итогом правления президента Рейгана стало воплощение в жизнь консервативных политических взглядов,

закрепленных в «доктрине Рейгана» и нацеленных на непримиримую борьбу с коммунизмом при отрицании возможного мирного «сосуществования двух систем». Соответственно, военно-политическое руководство США поставило своей финальной целью достижение победы над «империей зла» любой ценой. Наиболее подходящим курсом действий администрация США избрала ослабление экономики Советского Союза, проникновение идей и продвижение принципов прав человека за «железный занавес», отторжение от него союзников и создание благоприятных для себя условий в результате переговоров с позиции силы по сокращению и контролю за вооружением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения 9.12.2021)
2. Buckley statement to the Senate Committee on Foreign Relations. // The Department of State bulletin. v.81 no.2052-2057 July-Dec & Ind 1981. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293000345128&view=1up&seq=265&skin=2021> (дата обращения 27.07.2021).
3. Charles Krauthammer, The Reagan Doctrine. // Time Magazine. 4/1/1985, Vol. 125 Issue 13, p 54. – 4 p.
4. Congress, House, Subcommittee on International Operations of Committee on Foreign Affairs, Authorizing Appropriations for FY 1984-85 for the Department of State, the U.S. Information Agency, the Board for International Broadcasting, the Inter-American Foundation, the Asia Foundation, to Establish the National Endowment for Democracy. February - May, 1983. US Government Printing Office. Washington, 1984.
5. Deibel, Terry L. Logic for American statecraft. Cambridge University Press. 2007, pp. 207-280;
6. Harlow, Giles D., and George C. Maerz. Measures Short of War: The George F. Kennan Lectures at the National War College, 1946-47. Washington, DC: NDU Press, 1991. pp.3 - 17.
7. Memorandum for the Record of the National Security Meeting, Washington, 16 December 1982. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d253> (дата обращения 29.07.2021).
8. Memorandum for the Record: Record of the National Security Meeting. February 18 1981. / Carpenter, Ryan P. Peace Through Strength: Pentagon policymakers, The Reagan Buildup, and America's National Security Policy, 1981-1983, Ph.D. Thesis. Washington, D.C. 2017.
9. Memorandum for the Record: Record of the National Security Meeting. February 28 1981. / Carpenter, Ryan P. Peace Through Strength: Pentagon policymakers, The Reagan Buildup, and America's National Security Policy, 1981-1983. *ibid*.
10. Minutes of a National Security Council Meeting Washington, May 22, 1981, URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d56> (дата обращения 27.07.2021).
11. Minutes of a National Security Planning Group Meeting. Review of Covert Action Programs. Washington, July 11, 1988. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v06/d166> (дата обращения 2.08.2021).
12. Minutes of an Interagency Coordinating Committee for U.S.-Soviet Affairs Meeting. Washington, January 7, 1982 URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v03/d125> (дата обращения 27.07.2021).
13. National Endowment for Democracy Act. Public Law 98- 164, Title V, 22 November 1983, 97 Stat. 1039. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-97/pdf/STATUTE-97-Pg1017.pdf> (дата обращения 29.07.2021).
14. National Security Decision Directive Number 11. January 14, 1983. Management of Public Diplomacy Relative to National Security. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/23-1966t.gif> (дата обращения 29.07.2021).
15. National Security Decision Directive Number 119: Strategic Defense Initiative, January 6, 1984. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-119.pdf> (дата обращения 31.07.2021).
16. National Security Decision Directive Number 159: Covert Action Policy Approval and Coordination Procedures. January 18, 1985. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-159.pdf> (дата обращения 02.08.2021).
17. National Security Decision Directive Number 172: Presenting the Strategic Defense Initiative, May 30, 1985. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-172.pdf> (дата обращения 31.07.2021).
18. National Security Decision Directive Number 238: Basic National Security Policy, September 2, 1986. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-238.pdf> (дата обращения 31.07.2021).
19. National Security Decision Directive Number 32 URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-32.pdf> (дата обращения 27.07.2021).
20. National Security Decision Directive Number 45: United States International Broadcasting. July 15, 1982. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-45.pdf> (дата обращения 27.07.2021).

21. National Security Decision Directive Number 54: United States Policy Toward Eastern Europe. September 2, 1982. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> (дата обращения 29.07.2021).
22. National Security Decision Directive Number 75: U.S. Relations with The USSR January 17, 1983. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf> (дата обращения 29.07.2021).
23. National Security Study Directive No.6-83: Study on Eliminating the Threat Posed by Ballistic Missiles. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-6-83.pdf> (дата обращения 31.07.2021).
24. National Security Study Directive Number 1-82. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-1-82.pdf> (дата обращения 27.07.2021).
25. Policy Planning Staff Memorandum, Washington, May 4, 1948. The inauguration of organized political warfare. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (дата обращения 17.04.2021)
26. Ronald Reagan, Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union, February 6, 1985. The Public Papers of the President of the United States (in two books) January 1 to June 28, 1985. Government Printing Office, Washington 1988. p.130-136.
27. Ronald Reagan, Address to Members of the British Parliament, June 8, 1982. The Public Papers of the President of the United States (in two books) January 1 to July 2, 1982 Government Printing Office Washington 1983. p.742-748.
28. Ronald Reagan, Address to the Nation on Defense and National Security March 23, 1983. The Public Papers of the President of the United States (in two books) January 1 to July 1, 1983. Government Printing Office, Washington 1984. p.437 – 443.
29. Ronald Reagan, Inaugural address 20 January, 1981. The Public Papers of the President of the United States January 20 to December 31, 1981. Government Printing Office Washington 1982. p.1-4.
30. Ronald Reagan, National Security Decision Directive number 5 Conventional Arms Transfer Policy. Washington. July 8, 1981 URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/23-1464t.gif> (дата обращения 27.07.2021).
31. Skinner, ed., Reagan, In His Own Hand: The Writings of Ronald Reagan that Reveal His Revolutionary Vision for America (Biography). New York, 2001. – 576 p.

© Доминик Юрий Иванович (iuriedominic@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В 1920-Х ГГ.¹

Красовская Алина Алексеевна

*Н.с., Бурятский государственный университет
alina.spiridonova.94@mail.ru*

Митупов Константин Бато-Мункич

*Д.и.н., профессор, Бурятский государственный университет
mitupov@inbox.ru*

FEATURES OF THE BORDER POLICY OF THE FAR EASTERN REPUBLIC IN MATTERS OF SECURITY IN THE 1920S²

**A. Krasovskaya
K. Mitupov**

Summary: The state authorities ensure stability, protect their secrets and try to obtain information about the plans of both neighboring states and the moods of their citizens. The article highlights the period of existence of a unique buffer state - the Far Eastern Republic (FER). The buffer had its own Constitution, its own government bodies, as well as its own special services, which played one of the main roles in fulfilling the main task of the FER - to ensure foreign policy stability in the region, which was engulfed in the Civil War and military intervention. The article examines the features of the border policy of the Far Eastern Republic in matters of security in 1920-1922. On the basis of published and unpublished historical sources, extensive material was analyzed, using the example of the Troitskosavsk border agents, the characteristic features and main problems of the formation of the staff of the state political guard, their financial difficulties on the outskirts of the country in an emergency situation were identified. The author notes that the historical experience of the formation and operation of state security agencies on the eastern borders of the country remains relevant. The geopolitical strategies of the countries of the Asia-Pacific region do not exclude the Far East region from their field of vision. In conclusion, the author comes to the conclusion that the activities of the state security agencies can be considered satisfactory, the staff did not have sufficient experience and education.

Keywords: Far Eastern republic, State political security, Civil war, military intervention, state security, Transbaikalia.

Аннотация: Государственная власть обеспечивает стабильность, охрану своих секретов и пытается получить информацию о планах как соседних государств, так и настроениях своих граждан. В статье освещается период существования уникального буферного государства – Дальневосточной республики (ДВР). Буфер имел свою Конституцию, свои органы государственной власти, а также свои специальные службы, которые играли одну из главных ролей в выполнении основной задачи ДВР – это обеспечение внешнеполитической стабильности в регионе, который был охвачен Гражданской войной и военной интервенцией. В статье рассматриваются особенности пограничной политики Дальневосточной республики в вопросах обеспечения безопасности в 1920-1922 гг. На основании опубликованных и неопубликованных исторических источников был проанализирован обширный материал, на примере Троицкосавской пограничной агентуры выявлены характерные особенности и основные проблемы формирования кадрового состава государственной политической охраны, их финансовые трудности на окраине страны в условиях чрезвычайной ситуации. Автор отмечает, что исторический опыт формирования и деятельности органов государственной безопасности на восточных рубежах страны остается актуальным. Геополитические стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона не исключают из поля своего зрения дальневосточный регион. В заключении автор приходит к выводу, что деятельность органов государственной безопасности можно считать удовлетворительной, кадровый состав не обладал достаточным опытом и образованием.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Государственная политическая охрана, Гражданская война, военная интервенция, государственная безопасность, Забайкалье.

Введение

Государственный суверенитет, неприкосновенность и целостность российской территории, национальные интересы и безопасность в трансграничном

пространстве напрямую зависят от согласованных действий государственных и военных органов, основной задачей которых в революционный период была защита и сохранение границы, а также четкое законодательное закрепление этой сферы деятельности. В 1920-е гг., не

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (Конкурс - МК-2021) «Имперская стратегия трансграничной безопасности России на восточных рубежах (XIX - начало XX вв.)», грант № МК- 6005.2021.2.

² The article was made with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - candidates of sciences (Competition - MK-2021) «Imperial strategy for Russia's cross-border security on the eastern borders (XIX - early XX centuries)», № МК-6005.2021. 2.

смотря на тяжелое внутреннее и внешнее положение страны, властями уделялось должное внимание разработке и претворению в жизнь нормативно-правовых документов в области защиты государственных интересов на пограничных рубежах Дальнего Востока.

Важным направлением в работе государственных органов по осуществлению трансграничной безопасности являлось построение четкой, выстроенной нормативно-правовой базы для работы государственных структур, защищающих государственные интересы на пограничных рубежах страны. Для обеспечения бесперебойной деятельности было необходимо сформулировать не только конкретные обязанности, но и предоставить соответствующие права уполномоченным органам для осуществления их деятельности.

Для осуществления трансграничной политики была необходима строгая регламентация полномочий и ответственности всех уровней власти, начиная с государственного и заканчивая органами управления на местах, которые должны были самостоятельно решать вопросы по обеспечению безопасности их территорий, оказывать всестороннюю помощь и поддержку вышестоящим структурам для защиты интересов страны на пограничных территориях.

Особое положение в изучении трансграничной политики нашего государства на дальневосточных рубежах занимает период с 1920 по 1925 гг. Данный временной отрезок отличителен тем, что в регионе активно начинает складываться система охраны границ формирующегося молодого государства – Дальневосточной Республики (далее – ДВР). Проблема обеспечения безопасности территории от политических и экономических посягательств соседних стран (внешняя угроза) и борьба с контрреволюционными силами (внутренняя угроза) стояли особенно остро с самого образования ДВР в 1920 г. На развитие качественно новой системы охраны границ неизбежно влияли особенности изучаемого района – его военное, политическое и экономическое положение в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Методология и методы исследования

Исследование проблемы обеспечения трансграничной безопасности на Дальнем Востоке базируется на фундаментальных принципах научного исследования – это принципы историзма, научности и объективности. Для наиболее полного отражения вопроса обеспечения безопасности приграничных территорий были проанализированы научные труды отечественных исследователей с целью обобщения теоретических положений государственной безопасности.

В статье автором применяются и широко использу-

ются сравнительно-исторический метод, статистический анализ, проблемно-хронологический метод, метод структурно-функционального анализа, что в полной мере позволяет определить особенности становления пограничной политики в регионе в 1920-е гг.

Метод статистического анализа позволяет выявлять как в неопубликованных, так и в опубликованных источниках качественные и количественные компоненты, характерные для организации пограничной безопасности в дальневосточном регионе органами власти всех уровней.

Закономерность развития исторического процесса помогает выявить проблемно-хронологический метод. В данной статье указанный метод позволил раскрыть основные стороны советской политики в регионе, осуществляемой с целью укрепления и упрочнения дальневосточных территорий, которые были и остаются по сей день стратегически важными областями Российского государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Необходимость применения структурно-функционального анализа обусловлена научной целесообразностью для определения специфичной системы в структуре и функциях пограничной политики Российского государства.

Вышеперечисленные методы неразрывно связаны друг с другом и применяются исследователем в совокупности, расширяя функционал каждого отдельно взятого метода.

Основной методологический принцип, применяемый автором в статье – это принцип историзма. Принцип историзма призывает рассматривать историческое явление в неразрывной связи с другими историческими явлениями, без вырывания из контекста. Наряду с принципом историзма применяется принцип объективности исторического исследования, который обуславливает непредвзятость исследования, всесторонний анализ исторического явления, исключение однобокости при его рассмотрении.

Результаты исследования и их обсуждение

Революционные события 1917 года привели к качественным изменениям во всех сферах как внутренней жизни страны, так и на международной арене, и поставили перед сформированной властью ДВР важную проблему – это обеспечение безопасности государства и общества. Многообразие опасностей, которые могли причинить значительный ущерб не только развитию, но и, в принципе, поставить под угрозу существование государственного образования значительно увеличились и стали характеризоваться непредвиденностью, что

особенно ярко проявлялось в приграничном пространстве. Динамичная и неустойчивая структура отношений между государствами в 1920-х гг. постоянно требовала гибкости и обновления основных принципов в политике государства в отношении сопредельных стран. Властями буферного государства уделялось повышенное внимание к трансграничной территории и его адаптации к новой геополитической реальности, так как приграничные территории всегда являлись местами «первой пробы» как маркер прочности молодого государства.

В момент формирования и становления молодого государства эта политика не имела ярко выраженной самостоятельности и не была четко структурированной. Именно в этот период было необходимо разработать взвешенный, научно выверенный и обоснованный план развития пограничной политики на Дальнем Востоке, с четким определением главного направления, пути развития, целенаправленных усилий и приоритетов.

Изучением основных аспектов внешней политики Российского государства в Дальневосточном регионе в период революционных событий занимались многие отечественные исследователи. Стоит отметить наиболее важные труды таких исследователей как Н.П. Егунов [1], В.В. Сонин [7, 8], Г.Я. Тригуб [9, 10], Б.Г. Хачатурян [11], Б.М. Шерешевский [14], Ю.Н. Ципкин, Т.А. Орнацкая [12], М.Б. Сердюк [4], М.В. Чепик [13] и др.

Проведя историографический анализ, с уверенностью можно сказать о том, что на сегодняшний день не существует комплексного научного исследования, которое рассматривает особенности пограничной политики России в вопросах обеспечения безопасности на восточных рубежах страны в период Гражданской войны. Именно поэтому вопросам организации и совершенствования стратегии трансграничной безопасности страны в начале XX в. стоит уделить более детальное внимание.

Пограничная политика страны на Дальнем Востоке имела ряд своих характерных особенностей и ее становление происходило в специфических условиях – на территории страны шла Гражданская война, а также постоянно нависала угроза нарушения суверенитета со стороны иностранных интервентов.

Обеспечение государственной безопасности Советской России и создаваемого, «подотчетного» РСФСР буферного государства – Дальневосточной Республики – в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции оставалось важнейшей задачей в 1920-е гг. Основ-

ными задачами были ликвидация контрреволюционного движения, борьба с иностранной интервенцией и спецслужбами других стран. Складывание системы органов безопасности Дальневосточной Республики, как уже отмечалось выше, проходило в трудных условиях. Изначально, еще на этапе создания, было очевидно, что созданный институт безопасности будет носить временный характер, по принципу Центральной России.

В 1920 г. в столице ДВР г. Верхнеудинске был сформирован президиум Народно-революционной власти [4, с. 160]. Именно при его формировании на общем собрании был поставлен вопрос о безопасности образованного буферного государства. Для решения этого вопроса было принято вынесено постановление о создании отдела Государственной политической охраны (далее – ГПО) и военного контроля – первые органы государственной безопасности в регионе. ГПО подчинялось Министерству Внутренних дел, в его ведении находилось обеспечение государственной безопасности среди гражданского населения. Военный контроль находился в прямом подчинении Военного совета Народно-революционной армии и занимался военной разведкой, контрразведкой, шпионажем и борьбой с контрреволюцией в Нарревармии³.

Зачастую действия данных органов совпадали и между ними прослеживалась явная конкуренция и негативное отношение друг к другу. Подтверждением нескрытой борьбы между двумя органами стало издание приказа министра Внутренних дел ДВР № 53 от 21 мая 1921 г.⁴. Данный приказ запрещал агентам Государственной политической охраны вмешиваться в деятельность сторонних органов власти, а именно производить ревизии таможенных учреждений, работающих по соглашению с военным командованием (НРА ДВР сотрудничала с таможенными органами в соответствии с Инструкцией воинским частям, призываемым к охране государственной границы ДВР от 23 января 1921 г.⁵), а также аресты сотрудников этих учреждений.

По прошествии периода открытой конфронтации между органами государственной безопасности ДВР, ГПО и военный контроль на территории Дальневосточной Республики начали вести плодотворную работу по предупреждению и ликвидации антигосударственных преступлений, таких как политический терроризм, шпионаж, бандитизм. Занимались разведыванием информации о планах Монголии, Китая, Японии и др. стран в отношении русских территорий, а также об экономическом, политическом, военном положении стран, которые могли угрожать суверенитету буферного государства.

3 РГАСПИ. Ф. – 372. Оп. 1. Д. 1185. Л. 2.

4 РГИА ДВ. Ф.Р. – 1639. Оп. 1. Д. 5. Л. 235.

5 РГИА ДВ. Ф.Р. – 1639. Оп. 1. Д. 5. Л. 74-75.

При этом в своей работе вновь созданные органы госбезопасности использовали опыт борьбы против царской охраны, а также опыт борьбы со спецслужбами белого движения. Для обмена опытом из центральных районов Советской России направляли опытных чекистов.

Главной проблемой органов безопасности ДВР был недостаток квалифицированных специалистов, наблюдалась частая сменяемость кадров, не позволяя вникнуть в суть происходивших событий, оценить ситуацию, что приводило к некой расхолаженности работы и нечеткому выполнению задач Москвы.

Ярким примером является частая сменяемость руководящего состава в Троицкосавской пограничной агентуре, сформированной на базе частей НРА ДВР 19 декабря 1920 г.⁶ с целью охраны пограничной зоны, борьбы с отрядами белогвардейцев и контрабандой. За короткий непродолжительный период сменилось 7 начальников отдела по различным причинам. На основе анализа архивных документов фонда Ф.Р. – 1714 «Троицкосавская пограничная агентура Монгольской конторы Сибкрайсоюза» (протоколы, приказы, циркуляры, служебная переписка) причинами частой сменяемости состава отдела среди руководящего состава были перемещение на вышестоящую должность или более ответственный пост, что касается рядовых сотрудников – то причины были разные – от перемещения на другую должность, до несоответствия занимаемой должности и пьянства⁷. Стоит отметить пограничников Троицкосавского батальона, которые в 1920-г. осуществляли свою деятельность на благо молодого государства, которые в последствии были переведены к новым местам службы: командир батальона С.В. Аслезов, адъютант командира батальона И.А. Чирков, командир маневренной группы Н.Н. Олешев⁸.

Также органы государственной безопасности столкнулись с серьезными финансовыми трудностями. Сотрудники Троицкосавской пограничной агентуры были откомандированы в Монголию, Китай (ст. Маньчжурия) и должны были «вести работу за границей»⁹, однако в полной мере организовать разведывательную деятельность не удалось. По причине острой нехватки денежных средств разведывательную деятельность пришлось остановить.

Не смотря на все трудности, обусловленные коротким периодом существования Дальневосточной Республики, а также сложностями при ее организации, они не стали препятствием для обеспечения государственной

безопасности на восточных рубежах.

Заключение

Для пограничной политики России всегда было характерно конкретно-историческое направление. Восточные рубежи страны не стали исключением, и проводимая планомерная политика на этих территориях была частью плана государственного строительства. Забайкальским спецслужбам удалось объединить усилия двух органов государственной безопасности – гражданской и военной разведки.

Оба органа государственной безопасности – ГПО и военный контроль – не смотря на трудности начального этапа работы смогли добиться согласованности в своих действиях. Это позволило свести к минимуму параллелизм в их деятельности по организации разведки в тылу белогвардейцев, интервентов, а также за рубежом.

Также необходимо отметить, что обучению сотрудников органов государственной безопасности власти Дальневосточной Республики уделяли внимание. Это было необходимо для повышения эффективности работы разведки.

Таким образом, работа органов обеспечения государственной безопасности сопровождалась трудностями, которые налагали свой отпечаток на их деятельность. Но несмотря на это, все недопонимая между отделами устранялись, что было характерно для первоначального этапа, на котором взаимоотношения между ведомствами перерастали в откровенную вражду. В целом органы ГПО и военного контроля решали поставленные Московской задачи, не смотря на многие трудности в их работе.

Приложение 1

Приказ министра Внутренних дел ДВР № 53 от 21 мая 1921 г.

До сведения моего дошло, что агенты Государственной политической охраны на местах производят ревизии таможенных учреждений, аресты сотрудников этих учреждений, вмешиваясь в их деятельность. Ввиду этого, приказываю немедленно прекратить какие бы то ни было вмешательства в деятельность таможенных учреждений, а тем более производить незаконные аресты сотрудников этих учреждений. За неисполнение этого приказа виновные будут предаваться суду¹⁰.

6 ГАРБ. Ф.Р. – 1714. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

7 ГАРБ. Ф.Р. – 1714. Оп. 1. Д. 9. Л. 17-124.

8 ГАРБ. Ф.Р. – 1714. Оп. 1. Д. 12. Л. 17-22 об.

9 ГАРБ. Ф.Р. – 1714. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

10 РГИА ДВ. Ф.Р. – 1639. Оп. 1. Д. 5. Л. 235.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егунов Н.П. Очерки истории Дальне-Восточной Республики. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 1972. 115 с.
2. Кочев О. Роль Дальневосточной республики в период Гражданской войны 1920–1922 гг. // Гражданская война как феномен мировой истории: материалы научной конференции. Екатеринбург, 26 апреля 2008 г. С. 192–197.
3. Петров Ф.Н. Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны. М.: Наука, 1968. 390 с.
4. Сердюк М.Б., Чепик М.В. Органы безопасности Дальневосточной республики (1920 – 1922 гг.): исторический опыт становления кадрового состава // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 158–164.
5. Спиридонова А.А. Основные проблемы деятельности органов Верхнеудинского городского самоуправления в период становления советской власти // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Вып. 3. С. 57–61.
6. Спиридонова А.А. Деятельность Верхнеудинского городского общественного самоуправления в условиях Гражданской войны // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Вып. 4. С. 20–25.
7. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 262 с.
8. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики, 1920–1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 349 с.
9. Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в условиях Гражданской войны (1918–1920) // Россия и АТР. 2013. С.18–35.
10. Тригуб Г.Я. Политическая деятельность органов местного самоуправления в условиях Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (июнь 1918 г. – октябрь 1922 г.) // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 240–252.
11. Хачатурян Б.Г. Исторические особенности развития местного самоуправления на российском Дальнем Востоке в XX веке // Государственная служба. 2004. № 1. С. 109–113.
12. Ципкин Ю.Н., Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922). Хабаровск, 2008. 243 с.
13. Чепик М.В. Военная контрразведка в системе органов безопасности Дальнего Востока в 1920–1922 гг. // Армия и общество. 2013. №1. С. 1–10.
14. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920–1922 гг.). Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1974. 187 с.
15. Шинин О.В. Организация органами государственной безопасности Дальневосточной республики разведывательной деятельности в 1920–1922 годах // Исторический журнал: научные исследования NOTA BENE. 2013. № 3 (15). С. 289 – 301.

© Красовская Алина Алексеевна (alina.spiridonova.94@mail.ru), Митупов Константин Бато-Мункич (mitupov@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ТАНКОСТРОЕНИЯ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920-Е И В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.¹

FORMATION OF THE SOVIET TANK INDUSTRY: THE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE TANK INDUSTRY IN THE 1920S AND EARLY 1930S.

*N. Melnikov
M. Feldman*

Summary: The article shows the process of finding an industrial base for tank production. The interest of the Soviet leadership in the emergence of tank factories is shown. By the beginning of the 1930s, as a result of large efforts, industrial enterprises were identified. All of them had experience before the Revolution and were the only manufacturers of Soviet tanks up to 1941.

Keywords: tank industry, military industry, T-18, USSR, First Five-Year Plan.

Мельников Никита Николаевич

*К.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург
meln2011kit@gmail.com*

Фельдман Михаил Аркадьевич

*Д.и.н., профессор, Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС, Екатеринбург
feldman-mih@yandex.ru*

Аннотация: В статье раскрывается процесс поиска промышленной базы и размещения танкового производства в 1920-е – начале 1930-х гг. Показана заинтересованность советского руководства в появлении отечественного танкопрома. Однако только к началу 1930-х гг. в результате длительных организационных усилий были определены промышленные предприятия, начавшие процесс организации серийного танкостроения. Все они имели опыт дореволюционной работы и оставались единственными изготовителями советских танков вплоть до 1941 г.

Ключевые слова: танковая промышленность, военпром, Т-18, СССР, первая пятилетка.

Российская промышленность к началу XX века уже имела богатый опыт в производстве различных видов вооружений. Но в части танкостроения дальше опытных разработок дело не пошло. Ни одна из идей, предложенных российскими инженерами, не получила своего развития. Пришедшие к власти большевики практически сразу поставили вопрос о появлении собственного танкостроения. В августе 1919 г. председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий прямо указывал председателю ВСНХ А.И. Рыкову о необходимости «ускоренного производства» легких и тяжелых танков [1, с. 107]. Из данного обращения неясно о каких именно машинах говорит Л.Д. Троцкий, но, поскольку собственных разработок в России не было, видимо речь шла о заимствовании иностранного опыта. Прежде всего британского и французского. Именно танки Антанты поставлялись в помощь белогвардейцам, а часть из них досталась Красной Армии в качестве трофеев.

10 августа 1919 г. совместным решением СНК и Советом военной промышленности Сормовскому заводу было поручено начать подготовку выпуска танков по типу французского «Рено FT-17». В конце сентября танк в разобранном виде прибыл в Сормово из Москвы [2,

с. 74]. К концу года завод в целом был готов приступить к его производству, обещая дать первую машину уже в следующем году. Броню для сормовских танков поставлял Ижорский завод, а двигатели – московский завод АМО [1, с. 130, 170]. Всего в течение 1920–1921 гг. малой серией было выпущено 15 таких машин [3, с. 11]. Но реализовать этот опыт так и не удалось. После завершения изготовления партии в 15 танков к середине 1921 г. Сормовский завод новых заказов на танковое производство так и не.

Весной 1921 г. «Комиссией для разработки конструкции танков» были сформулированы требования к бронетехнике, которая должна будет в будущем поступить на вооружение Красной Армии. Планировалось разработать три типа машин:

1. «М» (малый). Танк-истребитель, способный противостоять танкам противника.
2. «С». Средний танк, предназначенный для борьбы с «живыми целями противника».
3. «Б». Большой танк. Должен был бороться с «живыми целями противника» и его артиллерией, а также разрушать фортификационные сооружения [1, с. 242–244].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РИО в рамках гранта № 21-09-43024 «Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат».

Эта концепция была составлена на основе опыта применения трофейной техники. Все три типа танков были представлены отдельными экземплярами, которые в разные периоды до середины 1920-х гг. проходили ремонт на Сормовском, Харьковском², Коломенском, Ижорском, Обуховском и Путиловском заводах [1, с. 353].

В январе 1922 г. начало действовать объединение фабрично-заводских предприятий «Промбронь». В составе «Промброни» находился 1-й Броневой танко-автомобильный завод³ (БТАЗ), а с марта – 2-й БТАЗ⁴. В первый год своего существования объединение занималось в основном ремонтом автомобилей, броневиков и танков, построило пять опытных автомобилей типа «Руссо-Балт» [1, с. 270–276]. На рубеже 1922–1923 гг. 1-й БТАЗ был передан в концессию компании «Юнкерс» и впоследствии стал авиационным заводом (сначала № 7, а потом № 22). 2-й БТАЗ продолжил свое существование как бронетанковый, пока в 1927 г. не был переименован в автомобильный завод № 2 Автотреста Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), а в 1929 г. – во 2-й автосборочный завод Всесоюзного автотракторного объединения (ВАТО) [4, с. 295–296].

Однако за все эти годы ни 1-й БТАЗ, ни 2-й БТАЗ не произвели ни одного танка. На несколько лет реальная реализация советской танкостроительной программы была остановлена. Интересно, что в июне 1923 г. Главное управление военной промышленности (ГУВП) ВСНХ направило члену ЦК РКП(б) по обороне страны Ф.Э. Дзержинскому подробную сводку о состоянии и работе основных оборонных заводов. В этой сводке какие-либо действующие предприятия, связанные с выпуском танков, ни разу не были упомянуты [1, с. 295–305].

Но советское военное и гражданское руководство в середине 1920-х гг. продолжило искать возможности запуска танкового производства. К началу марта 1923 г. броневая подкомиссия Реввоенсовета Республики подготовила доклад «Развертывание танковых сил в течение 5 лет». Подкомиссия⁵ подробно разобрала возможности организации изготовления 4 тыс. танков на отечественных предприятиях и пришла к следующим выводам. В течение пяти лет (к январю 1929 г.) было вполне реально организовать танковый участок на «богатейшем оборудовании бывшего артиллерийского отдела» Путиловского завода в Петрограде (с 1922 г. – «Красный Путиловец»).

Более того, именно на основе изготовления «тяжелых гусеничных самоходов» (танков и тракторов) можно было начать восстановление всего производственного процесса на заводе. Что позволило бы за пять лет выпустить на Путиловском заводе 1,4 тыс. танков (35% от намеченной максимальной программы в 4 тыс. машин) и необходимое количество тракторов как вспомогательного транспорта для будущих «танковых эскадр». Общие затраты на танко-тракторную программу в Петрограде должны были составить 62,8 млн рублей золотом, из которых около 10% должно было пойти на импорт различных комплектующих.

Для того, чтобы получить еще 2,6 тыс. танков после завершения пятилетней программы, необходимо было развивать подобное производство параллельно с Путиловским заводом на одном из предприятий «Промброни»⁶. И с 1929 г. можно было бы именно здесь сосредоточить выпуск бронетехники. Однако после завершения пятилетнего периода в Петрограде необходимо было оставить только тракторный участок, сохранив танкостроение лишь частично [1, с. 284–286].

Здесь необходимо оговориться, что руководители военпрома, имея за плечами опыт I мировой и Гражданской войны, на этом историческом этапе очень не хотело развивать военное производство в Петрограде. В уже упомянутой нами выше сводке ГУВПа есть фраза, касающаяся всего военпрома и его перспектив: «Вообще военное ведомство полагает, что неудобно базироваться [так в тексте – прим. авторов] на петроградские военные заводы вследствие плохого стратегического положения города, и нашей задачей является постепенное втягивание военных заводов вглубь страны, к Москве и на Волгу» [1, с. 300]. Важность этого высказывания в том, что руководство военной промышленности всерьез опасалось за безопасность северного промышленного района в случае начала военных действий, поскольку Петроград находился в непосредственной близости от государственной границы. Поэтому уже на этапе начала 1920-х гг. появляется идея о постепенном смещении военпрома в центральные районы страны.

Однако реальными производственными ресурсами обладали только петроградские предприятия. Уже в сентябре 1923 г. ГУВП пересмотрело свои взгляды на перспективы советского танкостроения. Объединение

2 Видимо имеется в виду Харьковский паровозостроительный завод.

3 Бывший 2-й автомобильный завод «Руссо-Балт», начавший действовать в июле 1917 г. на основе мощностей, эвакуированных из Риги.

4 В декабре 1916 г. на базе 2-й автомобильной роты Техуправления армии были созданы авторемонтные мастерские на Преображенской заставе в Москве. С 1917 г. – это Московские военные авторемонтные мастерские Военного ведомства.

5 Состояла из представителей промышленных объединений ГУВП, Главного правления государственных объединенных машиностроительных заводов (Гомза) и Центрального управления государственных автомобильных заводов (ЦУГАЗ).

6 Далее в документе говорить о 1-м БТАЗе, но к этому времени он уже работал с немецкой компанией «Юнкерс». Поэтому скорее всего авторы доклада имели в виду 2-й БТАЗ.

«Промбронь» и единственный завод, участвовавший в ремонте бронетехники, – московский БТАЗ – должны были быть выведены из процесса ремонта, проектировки и изготовления танков. Основную ставку Управление делало на петроградский Обуховский завод (с конца 1922 г. – завод «Большевик»). Это предприятие уже начало процесс производства тракторов, и поэтому его «единственно рационально» будет использовать для ремонта танков и «производства новых экспериментальных моделей». А БТАЗ должен был сконцентрироваться на ремонте броневиков [1, с. 317]. Хотя в мае 1924 г. наиболее перспективными для развития танкового производства были названы Коломенский, Путиловский и Сормовский заводы [1, с. 363].

Таким образом, вплоть до середины 1920-х гг. руководство военной промышленности находилось в постоянном поиске индустриальной базы для создания танкового производства. Неоднократно предпринимались попытки запустить процесс изготовления танков и частично или полностью сместить этот процесс в центральные районы страны. Однако реализация программы советского танкостроения произошла все же на ленинградском (петроградском) заводе «Большевик». В 1925 г. здесь под контролем бюро при Научно-техническом совете «Военпрома»⁷ началась разработка нового «танка сопровождения». Проект должен был быть готов к сентябрю 1926 г. [1, с. 551]. Опытный танк под индексом Т-16, оснащенный 35-сильным мотором конструкции А.А. Микулина, был полностью собран и отправлен на испытания только в марте 1927 г. Основой для его создания послужил танк «Фиат-3000» (итальянский вариант «Рено-ФТ17») [5, с. 67–68].

В результате серии заводских и государственных испытаний, продолжавшихся до начала июля 1927 г., опытный образец подвергся значительной переработке и был принят на вооружение [6, с. 205–216]. Серийный танк получил индекс Т-18 (или МС-1 – «малый сопровождения»), а его производство и выпуск танковых моторов было решено начать на ленинградском заводе «Большевик». Фактически это был переработанный вариант все того же «Рено ФТ» времен Первой мировой войны [7, с. 358]. В 1930 г. удалось повысить мощность двигателя А.А. Микулина, но не значительно – до 40 л.с. К тому времени на заводе «Большевик» уже существовало производство авиационных моторов и тракторов, что в значительной степени оправдывало выбор площадки для танкостроения. В 1927–1928 хозяйственном году (х.г.) предприятие изготовило 23 танка, а в следующем хозяйственном году завод «Большевик» должен был выпустить еще 85 Т-18.

В целом программа 1928–1929 х.г. была выполнена, но с запозданием на несколько месяцев [7, с. 358–359].

Параллельно с началом танкового производства «Большевика» руководство советской военной промышленностью продолжало попытки расширить географию танкостроения. В рамках дискуссии по пятилетней заявке Наркомата по военным и морским делам СССР в мае 1928 г. в части выпуска бронетехники было решено значительно расширить производственную базу танкостроения и составлен план пятилетнего развития советской танковой промышленности. Основным центром должен был стать строящийся Сталинградский тракторный завод (СТЗ). Здесь планировалось выпускать (параллельно с основным производством) ежегодно до 740 легких танков «Лилипут» и до 650 танков Т-18. Вторым центром – Харьковский паровозостроительный завод (ХПЗ). На него возлагалось задание с 1930–1931 х.г. ежегодного выпуска 110 танков Т-12⁸. И третий – завод «Большевик», где планировался выпуск 50 танков Т-18.

СТЗ находился еще в состоянии активного строительства и даже в планах мог организовать серийное танковое производство не ранее 1931–1932 гг. Поэтому в апреле 1928 г. было принято решение развернуть временное изготовление Т-18 и двигателей к нему на пермском Мотовилихинском машиностроительном заводе (бывший пушечный завод), который обладал свободными производственными площадями, и до выхода на проектную мощность СТЗ сохранить выпуск Т-18 на «Большевике» на уровне 150 шт. в год [7, с. 161–163]. Но Мотовилихинский завод ввиду «малочисленности технического персонала по танкостроению» оказался неспособен справиться с возложенным на него заданием [7, с. 358–361]. Это опыт оказался неудачным. За все годы на нем было выпущено несколько десятков машин, а все двигатели поставлял «Большевик». Развить танковое производство на Урале в тот момент так и не получилось, и в мае 1931 г. на совещании в Реввоенсовете была поставлена точка в истории пермского танкостроения: «Больше танковых заказов на Мотовилиху не давать» [7, с. 546].

Принятой в мае 1928 г. программе развития танкового производства не суждено было быть реализованной. Через год спланированием V съезда Советов СССР был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства Советского Союза, который подразумевал, в том числе, небывалый рост промышленного производства в стране [8, с. 235–331]. В рамках этого плана оказалось полностью пересмотрено будущее советского танкостроения.

7 24 ноября 1925 г. ГУВП было переименовано в Производственное объединение военной промышленности «Военпром» [1, с. 510].

8 «Лилипут» – проект легкого танка (серийно не производился); Т-12 – средний танк. Обе машины были созданы на базе Рено ФТ-17.

Перед промышленностью была поставлена задача резкого увеличения выпуска бронетехники, но оказалось, что решить эту задачу будет очень трудно. Одна из основных проблем советского танкостроения – отсутствие базы для выпуска достаточно мощных двигателей. Начальник Управления моторизации и механизации РККА И.А. Халепский в ноябре 1929 г. считал, что основной мерой, которая позволит преодолеть эту проблему в будущем, станет создание специальных моторных заводов [7, с. 380–382]. Кроме моторного производства, в стране фактически отсутствовал выпуск шарикоподшипников, автоэлектрики и значительной части другого оборудования, необходимого для сборки танков. Производственная база этих комплектующих только начала подготовку, и пока данные материалы советская промышленность была вынуждена импортировать [7, с. 360]. Соответственно, увеличение выпуска танков (как и других видов техники) потребует увеличение объемов закупок за рубежом.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. констатировало, что в СССР «кроме танка Т-18, типов и конструкций танков среднего, большого и танкетки не имеется. ... Не проработано обеспечение танкостроения броней и моторами, нет достаточных конструкторских сил, обеспечивающих выполнение плана танкостроения». Поэтому было принято решение отправить «за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и НКВоенмора [Наркомата по военным и морским делам]» [7, с. 388–389]. Именно это постановление послужило началом новой широкой программы по развитию советского танкостроения на основе заимствования иностранного опыта. В 1930–1931 гг. по инерции еще продолжалось производство и проектирование прежних моделей танков: Т-12, Т-18, Т-20, Т-24 и других [7, с. 508–510].

В течение 1930–1931 гг. было сделано несколько поездок за рубеж, в том числе под руководством И.А. Халепского в Соединенные Штаты (где он ранее неоднократно бывал по вопросам автомобиле- и тракторостроения), начальника инженерно-конструкторского бюро по танкам С.А. Гинзбурга в Великобританию и другие [5, с. 127, 135]. Результатом этих путешествий стал процесс разработки и принятия на вооружение новых моделей советских танков. В течение 1931–1933 гг. советская промышленность начала освоение серийного производства нескольких видов броневых машин, частично или полностью основанных на импортных образцах. Начиная с этого момента и вплоть до начала 1940-х гг. советское танкостроение территориально располагалось в трех промышленных центрах СССР: Ленинград, Москва и Харьков.

Ленинградский центр

«Большевик» в течение 1931 г. перешел с танка Т-18 на новую программу по выпуску легких Т-26 и моторов к нему [7, с. 546]. Эта модель была разработана конструкторским бюро завода под руководством С.А. Гинзбурга в 1931–1932 гг. на основе закупленного в Великобритании танка «Виккерс 6-тонный». Уже в 1932–1933 гг. танковое производство «Большевика» было выделено в самостоятельный завод № 174 им. Ворошилова [9, с. 73]. Т-26 стал самым массовым советским танком и в разных модификациях выпускался вплоть до 1941 года. Осенью 1932 г. в Ленинграде на заводе «Красный Путиловец» (с 1934 г. – Кировский завод) началось освоение производства танка качественного усиления резерва Главного командования Т-28 [10, с. 15].

Московский центр

В середине 1932 г. серийное производство отечественного плавающего танка под индексом Т-37 началось в Москве на заводе № 2 ВАТО (впоследствии это завод № 37 им. Орджоникидзе)⁹.

Харьковский центр

С начала 1930-х гг. на Харьковском паровозостроительном заводе начался выпуск оперативного танка серии БТ (БТ – быстроходный танк) на основе танка американского конструктора Дж. Кристи¹⁰, который стал второй по массовости машиной бронетанковых сил РККА после Т-26. Работы по тяжелой многобашенной машине, которые вылились на заводе «Большевик», вылились в создание танка особого назначения Т-35. В целом проект был закончен в 1933 г. и передан для серийного производства на ХПЗ [11, с. 15–17].

На протяжении всех 1920-х гг. советское руководство вело поиск промышленной базы для создания отечественной танковой промышленности. При этом отчетливо прослеживается желание разместить это производство в центральных и восточных районах страны и не развивать танкостроение на ленинградских (петроградских) предприятиях. Основная причина – опыт I мировой и Гражданской войн, который показал опасность захвата Ленинграда в случае начала военных действий. В результате принятия новой танкостроительной программы на рубеже 1920–1930-х гг. оказалось, что совсем без ленинградских мощностей обойтись невозможно. Здесь вплоть до начала Великой Отечественной войны выпускалась значительная часть всей советской бронетехники. Необходимо отметить и тот факт, что реальная реализация программы массового советского танкостроения состоялась во многом благодаря дореволюционным промышленным площадкам.

9 Свирин М. Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М., 2005. С. 150–156.

10 Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1932). Т. 3. Ч. 1: сборник документов. М., 2008. С. 503–507.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). Т. 2.: Сборник документов / Под редакцией В.А. Золотарева. Отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: Новый хронограф, 2005. 766 с.
2. Коломиец М.В., Федосеев С.Л. Танк № 1 «РЕНО ФТ-17». Первый, легендарный. Москва: Яуза [и др.], 2010. 96 с.
3. Магид А.С. Корабелы делают танки. М.: Знание, 1972. 128 с.
4. Тихонов С.Г. Оборонные предприятия СССР и России. М.: ТОМ, 2010. 608 с.
5. Свириин М.Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 384.
6. Васильев А.А., Щерба А.Н. Полузабытое детище военной индустрии Ленинграда (к истории разработки и создания танка Т-18) //Клио. 2005. № 2 (29). С. 205–216.
7. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Т. 3. Часть 1 (1927–1932): Сборник документов / Под ред. А.А. Кольтюкова. Отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 912 с.
8. История индустриализации СССР. 1926–1928 гг. Документы и материалы. Москва: Издательство Наука, 1969. 535 с.
9. Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. XX век. В 4 т. Т. 1. 1905–1941 гг. М.: Издательский центр «Экспринт», 2002. 343 с.
10. Коломиец М.В. Средний танк Т-28. Трехглавый монстр Сталина. М.: Яуза [и др.], 2007. 138 с.
11. Коломиец М.В., Свириин М.Н. Тяжелый танк Т-35. Сухопутный дредноут Красной Армии. М.: Яуза [и др.], 2007. 112 с.

© Мельников Никита Николаевич (meln2011kit@gmail.com), Фельдман Михаил Аркадьевич (feldman-mih@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ¹

GEOGRAPHIC EDUCATION: MODERN CHALLENGES AND VECTORS OF DEVELOPMENT IN THE TULA REGION

**N. Bryzheva
E. Gorskaya**

Summary: This article observes the parts of the forming of the geographical education system in the Tula and this region in coordination with the requirements of the new Federal Educational Standards and the Conception of the development of geographical Education of the Russian Federation. The in the research is writing the differences of development in the formation of components of functional literacy of students in educational and extracurricular activities in geography and the content of existing training courses. The lines of implementing the continuity of the school courses, "The world around us" and "Geography" at the stages of primary and basic general school were discussed. The experience of approbation of one of the regional projects of local history content - "Love and know your fatherland", prepared for primary school students, is presented. The article considers the participation of the professional communication of geography teachers in the development of a system of methodological support for teachers on the example of an annual field workshop.

Keywords: state policy in the field of education, regional system of geographic education; system of professional development of teachers; the principle of continuity of learning; regional project of local history content, professional community of geography teachers.

Брызжева Наталья Владимировна

*К.п.н., ГОУ ДПО ТО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области»
bryzheva.natalia@yandex.ru*

Горская Евгения Александровна

*Доцент, ГОУ ДПО ТО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области»
e_gorskaya@inbox.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы развития пространства географического образования в Тульской области в соответствии с требованиями обновленных Федеральных образовательных стандартов общего образования и Концепцией развития географического образования в Российской Федерации. Автор отмечает актуальность противоречий в формировании компонентов функциональной грамотности обучающихся в учебной и внеурочной деятельности по географии и содержания существующих учебных курсов. Обсуждаются пути реализации преемственности учебных курсов «Окружающий мир» и «География» на этапах начальной и основной общей школы. Представлен опыт апробации одного из региональных проектов краеведческого содержания - «Люби и знай свой отчий край», подготовленный для обучающихся начальных классов. Рассматривается участие профессионального сообщества учителей географии в развитии системы методической поддержки педагогов на примере ежегодного полевого практикума.

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, региональная система географического образования; система повышения квалификации педагогов; принцип преемственности обучения; региональный проект краеведческого содержания, профессиональное сообщество учителей географии.

Актуальность географического образования обучающихся на настоящем этапе развития общества обусловлена рядом факторов: во-первых, возрастает значимость развития социального, краеведческого и иного видов туризма; во-вторых в соответствии с ФГОСами основного общего образования, необходимо развивать предметные и межпредметные компетенции у обучающихся, и, наконец, повышение уровня общей осведомленности, краеведческих знаний и патриотическое воспитание являются немаловажными задачами в образовательном процессе. На настоящий момент возможно говорить о перспективном развитии регионального туризма, подготовки онлайн и офлайн гидов по различным туристическим маршрутам. Поэтому в данном случае важна практическая подготовка обучающихся в области географии. Кроме того, важно становление единых измерителей качества образования, позволяющих выявлять не только уровень теоретической подготовки, но и функциональной грамотности по данному предме-

ту, содержание которой еще не определено, но отражено в содержании различных предметов.

Данные факторы свидетельствуют о том, что в данный момент в системе отечественного географического образования наблюдается ряд противоречий, обусловленных спецификой структуры образовательной программы, при постоянном уменьшении рабочих часов для преподавания географии, первоначальный уровень сформированности общих и предметных компетенций обучающихся. Кроме общих факторов, существует ряд проблем регионального и муниципального характера, таких как кадровое и ресурсное обеспечение образовательного процесса, переход педагогов на личностно-деятельный подход в преподавании географии. Образовательные учреждения утрачивают не только функции передачи знаний, но и посреднические действия в передаче знаний [7]

Именно поэтому нами определена цель исследования: выявить соответствие современных векторов географического развития образовательным вызовам на примере Тульской области.

Чтобы была достигнута цель, в ходе исследования нами должны быть решены следующие задачи:

1. Выявить основные вызовы в российской системе преподавания географии в качестве школьного предмета;
2. Определить специфику реализации образовательных проектов на примере Тульской области;
3. Исследовать основные векторы развития географического образования в Тульской области.

В самом начале содержательной части работы нам необходимо более содержательно раскрыть основные образовательные вызовы, обуславливающие противоречия в преподавании курса географии в школе. Кроме тех, которые были нами указаны, важно еще определить такие максимально значимые как: стимулирование зоны актуального развития обучающихся на основе новых технологий обучения; трансформация и усложнение знаний учебного материала из средней школы в старшую [5]. Кроме того, содержание курса должно предусматривать не только работу с учебниками, атласами, но и практико-ориентированный компонент. Для того, чтобы обеспечивать полноценную подготовку в области географии, региональные подсистемы должны быть институтами, не только реализующими образовательные стандарты, но осуществляющими практическое образование, нацеленное на ориентирование в окружающем мире, знание природы, климатических условий, особенностей местности.

Не менее значимо и краеведческое содержание географии, создающее условия для достижения школьниками в том числе и личностных результатов обучения. Обновленные ФГОСы общего образования конкретизируют личностные результаты обучения в виде восьми направлений воспитательной работы, которые должны быть реализованы в каждом учебном предмете [2, 3].

Вышеуказанные факторы и образуют проблемное пространство вызовов современного образования, которое определяет специфику функционирования региональных систем преподавания географии. Прежде всего в регионах географическое образование отражает современный диалог с культурой, особенностями региона, климат и иными эндемичными особенностями той местности, в которой определяются стратегии образовательного развития. В качестве концептуальной основы разработки проектов по географическому образованию определено интегрирующее начало, которое позволяет подключать общие, предметные и межпредметные компетенции обучающихся. При этом в основу процес-

са образования заложено сочетание различных подходов- культурологического, рефлексивного, интегративного, деятельного и личностно- ориентированного. Это формирует географическую культуру и мышление обучающихся и усиливает практико- ориентированный компонент образования, который позволяет затем трансформировать знания в область профориентации и профессионального самоопределения обучающихся.

Географическая культура отражает не только знания обучающихся, но и внутреннее осмысление, переживание понимания географической информации, эмоционального принятия фактов и событий, а также приобщение к общекультурным понятиям. Это позволяет готовить концептуальную базу для создания единого научно- методического пространства работы с обучающимися. Кроме того, патриотическое и экологическое воспитание обучающихся является составной частью образовательных задач по ФГОСам нового поколения для школьного образования. Это позволяет говорить о том, что предметные компетенции, синтезируясь в области географического образования, с одной стороны, ориентируют педагогов на профессиональное развитие, а с другой- мотивируют обучающихся к развитию географического мышления, использованию современных средств геолокационного поиска, а также развитию географического потенциала регионов.

На территории Тульской области в течение нескольких лет проводится реализация регионального проекта краеведческой направленности для начальной школы «Люби и знай свой отчий край». В 2020-2021 учебном году в проекте принимали участие обучающиеся 1-х – 3-х классов 49 пилотных образовательных организаций, с охватом 8752 школьника. Учебные материалы программы представлены в двух формах: в печатном виде и электронной версии, размещенной на платформе «Виртуальная школа Тульской области» [3]. Учителя начальной школы, принимающие участие в реализации проекта, положительно отзываются о подготовленных учебно-методических материалах. Оценивая результаты участия в проекте, учителя отмечают: «Дети лучше узнают край, в котором живут: территориальное расположение области, города, и чем они знамениты. Знают животный и растительный мир нашей области; достопримечательности и музеи; знаменитых земляков, что очень помогает в написании Всероссийских проверочных работ по окружающему миру в конце 4 класса»; «Появляются большие возможности для организации взаимодействия с семьей, сотрудничества с учреждениями культуры и образовательными организациями, реализующими программы дополнительного образования детей» [6].

Подчеркивается значительный потенциал проекта в развитии предметных, метапредметных и личностных

образовательных результатов, поддержании познавательного интереса обучающихся при изучении малой Родины. Работа по реализации проекта продолжается, педагоги активно участвуют в совершенствовании учебно-методических материалов, вносят свои предложения по их дополнению.

Современное географическое образование должно соответствовать актуальным направлениям развития географической науки, включать возможности практической деятельности школьников, в том числе и во внеурочной деятельности (учебные экскурсии, полевые практикумы), создавать условия для формирования естественнонаучной грамотности обучающихся.

В Тульской области, как и во многих регионах России, существенная доля педагогических работников, преподающих географию, не имеет профильного географического образования. Регион испытывает определенный дефицит научно-педагогических кадров в условиях отсутствия высшего профессионального географического образования. Кроме того, как мы уже говорили ранее, необходима ориентация преподавания географии на деятельностный потенциал обучающихся, когда они не только воспринимают и анализируют учебный материал, но и самостоятельно выявляют взаимосвязь природы и общества, умеют осуществлять расширенный поиск. Поисковая деятельность школьников обусловлена предметной спецификой географии - умением работать с методическими пособиями: с контурными картами и атласами в средней и старшей школе, карточками, фильмами, рабочими тетрадями по окружающему миру в начальной школе. Обучающийся должен уметь найти необходимый географический объект, описать его специфику, определить пути как добраться до него. Поэтому результативно-целевая основа реализации учебных методов преподавания географии в Тульской области нацелена не только на разработку и реализацию образовательных проектов, но и на формирование профессиональной компетентности учителей-предметников. Развитие образовательного потенциала в преподавании географии невозможно без развития научно-географического фактора, что подразумевает включение в образовательный процесс учреждений высшего образования. Это обеспечивает расширение у учителей географического мышления, проективных умений, прогностичности и конструктивности предметной деятельности. Педагог начинает работать в пространстве «учитель- обучающийся- географическая среда». Именно это позволяет включать различные интерактивные методы обучения - выезды, экскурсии, тематические мероприятия. Педагогическая компетентность учителя отражает основные элементы географического мышления: способность к рефлексии, территориальность, проектный компонент, комплексность, системность, экологичность, социальность, конструктивность.

ГОУ ДПО ТО «Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области» в контексте сетевого взаимодействия с органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования, школами, учреждениями дополнительного образования решают задачи развития преподавания географии в образовательном пространстве Тульской области. В сложившихся условиях трудно переоценить существенный вклад ведущих учителей географии, опытных методистов региона в развитие системы повышения квалификации педагогов. Создана Ассоциация педагогических работников, основная функция которой – развитие региональной системы образования, в состав которой входит 19 отделений учителей-предметников. Эффективность деятельности данной ассоциации достаточно велика, потому что включает различные направления: методическое, практическое, развивающее. Одной из эффективных форм методической поддержки учителей географии является ставший традиционным летний полевой практикум. В своей образовательной деятельности педагоги формируют у обучающихся целостное представление о системе «человек - географическая среда», углубляют имеющиеся знания по географии, формируют причинно-следственные связи между деятельностью человека и преобразованием географической действительности. Программа практикума включает физико-географическую и экономико-географическую содержательные части, наполненные учебными экскурсиями, практическими работами на местности. Такая форма методической помощи педагогов очень востребована, поскольку помогает повысить уровень профессиональных компетенций в контексте требований ФГОС ООО, Концепции развития географического образования. Различные разделы программы отражают актуальность развития межпредметных компетенций и их «гибкого» элемента, что максимально востребовано на современном рынке труда у специалистов любых профессий. Особенно важно, что программа носит характер практикума, то есть предусматривает работу в полевых условиях, непосредственно на местности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что нами была достигнута цель исследования - выявлено соответствие современных векторов географического развития образовательным вызовам на примере Тульской области.

Задачи, поставленные на первоначальном этапе, также были реализованы, а именно:

- выявлены основные вызовы в российской системе преподавания географии в качестве школьного предмета;
- определена специфика реализации образовательных проектов на примере Тульской области, которая отражает кадровый и ресурсный потенциал образовательных проектов. Кроме того, обо-

снова включение курса географических знаний в различные предметы на этапе начальной школы; — исследованы основные векторы развития географического образования в Тульской области. В качестве основных нами отмечены открытость регионального элемента системы образования, готовность к инновационной деятельности, включение в образовательный процесс практико-ориентированных методов обучения.

На настоящий момент пространство географического образования Тульской области претерпевает измене-

ния в сторону становления концептуально целостной, научно обоснованной и практико-ориентированной образовательной системы.

В качестве основного вывода можно отметить, что эффективная реализация Концепции развития географического образования, Федеральных государственных образовательных стандартов в системе образования Тульской области возможна только в условиях консолидации научного и педагогического сообщества, а также в сотрудничестве с общественными организациями, такими как «Русское географическое общество».

ЛИТЕРАТУРА

1. Виртуальная школа. Региональный проект «Люби и знай свой отчий край». [Электронный ресурс] <https://eclass.ipk-tula.ru/course/index.php?categoryid=64>
2. Единое содержание общего образования. [Электронный ресурс] https://edsoo.ru/Normativnie_dokumenti.htm
3. Информационно-аналитический отчет по результатам мониторинга реализации регионального проекта «Люби и знай свой отчий край». [Электронный ресурс] <https://ipk-tula.ru/napravleniya-deyatelnosti/monitoringovaya-deyatelnost/monitoring.php>
4. Кочемасова А.Б. Проблемы географического образования глазами студентов // European research. 2017. №3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-geograficheskogo-obrazovaniya-glazami-studentov> (дата обращения: 19.12.2021).
5. Мамирова К.Н. Содержание географического образования как основа подготовки будущих специалистов // Вестник КазНацЖенПУ. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-geograficheskogo-obrazovaniya-kak-osnova-podgotovki-buduschih-spetsialistov> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Примерная рабочая программа основного общего образования. География. [Электронный ресурс] https://edsoo.ru/Primernie_rabochie_progra.htm
7. Яницкий М.С. Региональный университет: глобальные вызовы и проблемы выбора вектора развития // Сибирский педагогический журнал. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-universitet-globalnye-vyzovy-i-problemy-vybora-vektora-razvitiya> (дата обращения: 18.12.2021).

© Брызжева Наталья Владимировна (bryzheva.natalia@yandex.ru), Горская Евгения Александровна (e_gorskaya@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ершова Юлия Сергеевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский
государственный педагогический университет»
ulia_89_@bk.ru

MODEL OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF STUDENTS IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Yu. Ershova

Summary: In recent years, many changes have taken place within the digital environment, which have created some changes in the legal basis of the culture of students receiving secondary special education in a difficult situation. Many factors influence its development and formation within the framework of the pedagogy of law. The article reveals the basics and conceptual apparatus of related definitions of legal culture, based on the research of domestic and foreign scientists who have identified the basis in the formation of students' culture from the point of view of law, as well as the state and possibilities of the legal basis of culture in the system of secondary vocational education (SPE).

The framework legal approach to the culture of students is considered, taking into account the current conditions of economic development, the creation of legal knowledge in social groups as a necessary axiological approach, providing improvement of the component of the value of the culture of law among students; the likelihood of its use, based on legal education of secondary vocational education organizations.

At the same time, the essential values inherent in the judgment "culture" are reflected in the conceptual apparatus of the phrase "legal culture", and in the legal sense are cumulative.

Keywords: legal culture, model, professional education, legal education, educational organization.

Аннотация: В последние годы произошли многие изменения, в рамках цифровой среды создавшие некоторые перемены в правовой основе культуры студентов, получающих среднее специальное образование находится в сложном положении. На ее развитие и формирование в рамках педагогики права оказывают влияние множество факторов. В статье раскрываются основы и понятийный аппарат смежных определений правовой культуры, опирающихся на исследования отечественных и зарубежных ученых, выявивших основу в формировании культуры студентов с точки зрения права, а также состояние и возможности правовой основы культуры в системе среднего профессионального образования (СПО).

Рассматривается рамочный правовой подход к культуре студентов с учетом современных условий развития экономики, создания правового знания в социальных группах как необходимого аксиологического подхода, снабжающего улучшение составляющей величины культуры права у студентов; вероятности ее использования, опирающейся на правовом просвещении организаций среднего профессионального образования.

При этом существенные ценности, свойственные суждению «культура», отображаются в состав понятийного аппарата словосочетания «правовая культура», и в правовом понимании являются накопительным.

Ключевые слова: правовая культура, модель, профессиональное образование, правовое просвещение, образовательная организация.

Введение в проблему

В педагогике и психологии часто применяется создание основанных на четкой структуре и функциях моделей, их употребления в процессе создания элементов, составляющих процесс образования, поэтому необходимо его систематическое обновление и улучшение. Она нужна для сохранения и распространения информации о некоей системе, применяемая для администрирования. Образцом показывается изображенная или вещественно выполненная совокупность составляющих, отображающих или воспроизводимых конструкт исследования, одинаковая ему по значимости и трудоспособности [3].

Можно выделить:

- увеличение кругозора знаний студентов о праве, его контролировании и применении в рамках социальных групп;
- создание понятийных компонентов значимости права у студентов для применения в организационных моментах;
- способствование накоплению знаний;
- раскрытие потребностей у студентов в правовой информации;
- истолкование правовой культуры в рамках роста в профессии;
- поощрение студентов в приобретении знаний [17, с. 271].

В соответствии с этим, за основание взяты максимально подходящие подобранные комбинации, соответствующие поставленным задачам.

Тезисы этого метода содействуют актуализации умственных потенциалов студентов, по средствам применения знаний и опыта правового дела в реальности.

Правовая культура у студентов - как оружие выработки культуры права образовано на показе гуманистичной устремлённости для свободного развития студента на основе факторного влияния.

Таким образом, можно сделать вывод, что на правовую среду СПО оказывают значительное влияние 5 основных факторов – политика, экономика, образование, социум, культура.

Краткий обзор исследований (литературы)

Рассмотренная научная литература помогла сформировать базу для правовой культуры в процессе распространения знаний [10],

Популяризация правовой культуры среди студентов положительно влияет на мировоззрение, уровень вовлеченности в образование [12, с.487], обеспечивая профилактические действия [13, с.88].

В педагогике необходимо рассматривать правовую культуру как собственную систему ценностей, требующих внимательного изучения студентом [15].

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты исследования можно рассмотреть в модели:

Этапы процесса формирования правовой культуры:

Характеристика этапов:

- Адаптация к новой среде, усвоение основ правовых знаний
- Углубление, расширение объема правовых знаний, умений и навыков
- Ориентация на применение полученных знаний обыденной и профессиональной сфере получение правовых знаний
- Объяснительно-иллюстративный (получение, усвоение и повторение новых правовых знаний) Проблемного изложения (решение проблемных задач, вопросов, ситуаций)
- Проблемного изложения (решение проблемных задач, вопросов, ситуаций) Частично-поисковый (эвристический) овладение отдельными этапами, элементами процесса поиска правовой информа-

ции

- Исследовательский (проблемы решаются обучающимися самостоятельно, но под руководством преподавателя) Продуктивно-практический (опора на практическую деятельность и получение применимых в жизни правовых умений и навыков)

Формы и технологии работы:

- Практические работы с учебными материалами. Обучение работе с СПС. Обучение составлению интеллект-карт
- Работа с СПС, интернет-источниками правовой информации по технологии веб-квест. Создание интеллект-карт с правовым содержанием.
- Создание интеллект-карт с описанием правовых ситуаций. Поиск решения практических ситуаций по технологии веб-квест. Применение полученных знаний, навыков и умений в рамках проекта "Правовая клиника"

Принципы обучения

- Гуманистичности. Научности. Преемственности. Историзма. Связи с правовой практикой
- Блоки целостного педагогического процесса по формированию правовой культуры
- Потребностно-мотивационный. Содержательно-деятельностный. Контрольный. Результативный.

Можно сделать вывод, что целевой компонент необходим для наполнения и зависит от факторов.

Методы (методики)

Симбиоз описанных критериев и показателей способен помочь в выявлении уровня правовой культуры [11].

Правовая культура общества, социальных групп, в целом, находит отражение в правовой культуре одной, отдельно взятой личности, которая рассматривается как описательная личность, отражающая сформированность необходимых правовых знаний [14].

Выводы и заключение

Опыт педагогической деятельности показывает, что обучение работе со справочно-правовыми системами и правовое просвещение должны осуществляться поэтапно и идти от простого к сложному. В связи с этим использование возможностей информационно-правовых программ осуществляется в два этапа.

1. изучение технических возможностей «Консультант Плюс»;
2. создание базовых навыков в работе с правовой информацией и нормативными документами [6, с.346].

При этом по правовому просвещению могут возникнуть определенные риски: отсутствие у преподавателей навыков работы со справочно-правовыми системами, низкий уровень наглядно-демонстрационных материалов [1], использование устаревшей информации или несвоевременное ее обновление, отсутствие интереса у аудитории [7, с.31].

Просветительские мероприятия как совокупность организованных действий направлены на распространение и разъяснение информации правового содержания. Особенностью таких мероприятий является: свобо-

да выбора, добровольный характер участия [2].

Разграниченность и вариативность помогает реализовывать многообразные направления правовой культуры [5, с.129], ориентированные на необходимую предметную составляющую [4, с.704].

Подытожив сказанное, можно сделать вывод, сформированность правовой культуры часто зависит от индивидуального общения, которое часто используется для предотвращения различного рода нарушений в соответствии с законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bialik M., Fadel C. Skills for the 21 st Century: What Should Students Learn? (2015). Center for Curriculum Redesign Boston, Massachusetts. URL: www.curriculumredesign.org
2. Klimova G.P. Legal mentality and legal culture: problems of interaction // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2017. №35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legal-mentality-and-legal-culture-problems-of-interaction> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Problems of formation of legal culture of students in the conditions of innovative development of society // Humanities scientific researches. 2016. № 12 [Electronic journal]. URL: <https://human.snauka.ru/en/2016/12/18308>.
4. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учеб.пособие для вузов/ Г.С. Абрамова. М.: Академический проект: Алма мастер, 2005.- 704 с.
5. Айзерман, Л.С. Уроки нравственного прозрения/ Л.С. Айзерман. М.: Педагогика, 2003.-129 с.
6. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. - М.: Аспект Пресс, 2009 - 376с.
7. Андреева Г.М., Хелкима К.Н., Дубровская Е.М. и др. Уровень социальной стабильности и особенности социализации в старшем школьном возрасте // Вестник МГУ сер. 14. Психология - 2007 - № 4 - С.31 - 41.
8. Байниязов Р.С. Понятие правовой культуры как реализация // Правовая культура. 2011. 1(10). С. 8-12.
9. Балаклея И.И. Правовая культура в условиях модернизации России. Учебное пособие. Калининградский юридический институт МВД России. 2010. - 68 с.
10. Бирюков, С.В. Правовая культура: учебное пособие для вузов / С. В. Бирюков. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 126 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-12246-6. — Текст: электронный// Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/447097> (дата обращения: 25.11.2021).
11. Визиренко Е.В. Тенденции развития правосознания и правовой культуры в современном российском обществе // МНИЖ. – 2015. – №6-2 (37) – материал взят с сайта Студворк <https://studwork.org/shop/31818-pravovaya-kultura-ponyatie-struktura-vidy>
12. Дмитриев Ю.А., Лазарев В.В. Общая теория права: учебник для юридических вузов. - М: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. - 487 с.
13. Кацубо, С.П., Жорова, М.А. Семья в жизни человека: правовые основы. - Гомель: Рес. унит. предприятие "Центр науч.-тех. и деловой информации", 2003. - 88 с.
14. Шилова В.С. Правовая культура студентов вуза: цели и задачи // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 4-2. – С. 397-398;
15. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=7399> (дата обращения: 25.11.2021).
16. Ядрышников К.С. Проблемы формирования правовой культуры у студентов среднего профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-formirovaniya-pravovoy-kultury-u-studentov-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 23.11.2021).

© Ершова Юлия Сергеевна (ulia_89_@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ ОСОБЕННОСТЕЙ КЛИПОВОГО СТИЛЯ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

Носова Ольга Игоревна

К.п.н., доцент, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
solnce-neluna@mail.ru

TEACHING ENGLISH TO PRIMARY SCHOOLCHILDREN TAKING INTO ACCOUNT THE FEATURES OF THE CLIP STYLE OF PERCEPTION OF INFORMATION

O. Nosova

Summary: The article describes the methodology of teaching English to primary schoolchildren, which can be attributed to digital teaching methods. When working with the children, the video hosting YouTube, the channel "Learning English at Home" was used. The work took into account the features of the clip style of perception of information, as well as the features of the generation that is currently receiving education and carries out educational and cognitive activities, the generation "Z".

Keywords: teaching English, primary schoolchildren, the clip thinking, the clip style of perception of information, generation "Z".

Аннотация: В статье описывается методика обучения младших школьников английскому языку, которую можно отнести к цифровым методам обучения. При работе с обучающимися использовался видеохостинг YouTube, канал "Учим английский язык дома". Также учитывались особенности клипового стиля восприятия информации, и особенности поколения, которое сегодня получает образование и осуществляет учебно-познавательную деятельность, поколение «Z».

Ключевые слова: обучение английскому языку, младшие школьники, клиповое мышление, клиповый стиль восприятия информации, поколение «Z».

Цель современной общеобразовательной школы состоит в обеспечении умственному, нравственному, эмоциональному и физическому развития личности, всемерного раскрытия ее творческие возможности, обеспечения разнообразных условий для становления индивидуальности ребенка с учетом его возрастных особенностей.

В современных условиях информационного общества роль компьютерных технологий в образовательном процессе исключительно велика. Информационные технологии кардинально меняют условия деятельности педагога. Он должен осваивать быстро изменяющийся поток информации в короткие сроки, хорошо ориентироваться в инновационных процессах образования, повышать профессиональный уровень в дистанционной форме, совершенствовать методику использования электронных ресурсов, формировать культуру работы в сети Интернет.

Всемирная сеть позволяет получить огромное количество информации за короткий промежуток времени. В связи с этим возникает вопрос: каким образом справляется человеческий мозг с этим огромным потоком информации? Сознание человека предполагает наличие целостной интеллектуальной системы, при которой информация сначала воспринимается, обрабатывается и хранится. Однако, в условиях цифровизации, линейное

мышление уступает место клиповому, которому будет уделено особое внимание в данной работе.

Таким образом, **цель данного исследования** заключается в разработке, теоретическом обосновании и экспериментальной проверке цифрового метода обучения младших школьников английскому языку с учетом клипового стиля восприятия при помощи видеохостинга YouTube.

Термин «клиповое мышление» появился еще в прошлом веке. Его зарождение предсказал философ М. Маклюэн в 60-х годах XX века, когда еще не было ни компьютеров, ни гаджетов, ни интернета [1]. Он писал, что «... развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры» [3].

Футуролог Э. Тоффлер [5] рассматривал данное явление в качестве составляющей общей информационной культуры. Оно формирует такие уникальные формы восприятия, как «зеппинг», когда путем безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Этот образ не требует подключения воображения, рефлексии, осмысления, здесь все время происходит «перезагрузка», «обновление» информации,

когда всё первоначально увиденное без временного разрыва утрачивает свое значение, устаревает. Э. Тоффлер также ввел термин «блип-культура», («blip» – выброс сигнала) означающий фрагментарно-мозаичный характер представлений о мире, возникающих у постоянных потребителей аудиовизуальной электронной информации. Следует отметить, что хаотичность блип-культурной информации с трудом укладывается в сознании людей, которые привыкли к логической стройности и целостности восприятия.

В отечественной науке первым употребил термин «клиповое мышление» Ф.И. Гиренок, полагая, что понятийное мышление перестало играть важную роль в современном мире: «... вот вы спросили, что сегодня происходит в философии. А происходит замена линейного, бинарного мышления нелинейным. Европейская культура выстраивается на системе доказательств. Русская культура, поскольку корни ее византийские, на системе показа. И мы в себе воспитали, может быть, после Дамаскина, понимание картинок. Мы формировали в себе не понятийное мышление, а, как я его называю, клиповое» [3].

А.Б. Фельдман [6] считает клиповое мышление, приобретенным видом мышления, при котором человек оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности. Внешне это проявляется в том, что человек не может длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации, и у него снижена способность к анализу.

Мы разделяем мнение К.Г. Фрумкина [7], который определяет клиповое мышление, как вектор в развитии отношений человека с информацией, способность быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами, но неспособность к восприятию длительной линейной последовательности — однородной и одностильной информации.

В результате краткого анализа различных трактовок понятия "клиповое мышление" мы можем сделать вывод о том, что оно подразумевает под собой приобретенный вид мышления, при котором человек оперирует только смыслами фиксированной длины, без учета связей между ними, создает новый образ, состоящий из обрывков информации, носящий фрагментарно-мозаичный характер, отсутствие целостной картины восприятия окружающего мира в связи с заменой линейного мышления нелинейным.

Следует также отметить, что в широком смысле к клиповому мышлению принадлежат все особенности высших психических функций: внимание, память, мышление, речь, восприятие. Если взять каждую из них, то в

условиях клипового мышления она превращается в максимально сжатый по времени процесс.

При клиповом мышлении понимание контекста затруднено, и в результате клип не оставляет следов в связанной семантике явлений. Мышление реализуется в актах манипулирования (оперирования) внутренними репрезентациями, подчиняющимися определенной стратегии и приводящими к возникновению новых ментальных репрезентаций. Необходимо отметить, что клип — это форма репрезентации информации, все проблемы, связанные с этим подходом, возникают исключительно при интерпретации.

К.Г. Фрумкин выделяет пять факторов, породивших феномен «клипового мышления»[4]:

1. ускорение темпов жизни и напрямую связанное с ним возрастание объема информационного потока, что порождает проблематику отбора и сокращения информации, выделения главного и фильтрации лишнего;
2. потребность в большей актуальности информации и скорости ее поступления;
3. увеличение разнообразия поступающей информации;
4. увеличение количества дел, которыми один человек занимается одновременно;
5. рост демократии и диалогичности на разных уровнях социальной системы.

Мы считаем необходимым к этим пяти факторам добавить шестой, который, как нам представляется, связан с обучающимся – особенностями поколения, которое сегодня получает образование и осуществляет учебно-познавательную деятельность, поколение, которое сегодня мы называем поколением «Z».

Обучая детей иностранному языку сегодня, необходимо еще учитывать, что они все принадлежат к поколению Z. Существуют различные классификации поколений: У. Штраус и Н. Хоув, Л. Ланкастер и Д. Стилман, К. Мартин и Б. Талган, Д. Облинжер и Дж. Облинжер, Д. Тапскотт. В данном исследовании мы будем придерживаться теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува. Они впервые заговорили о теории в 1991 в их совместной книге "Поколения". У. Штраус и Н. Хоув определяют поколение как совокупность всех людей, рожденных в промежуток времени, составляющий примерно 20 лет, или одну фазу жизни. Поколение можно идентифицировать, если оно соответствует трем критериям. Во-первых, представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, во-вторых, они разделяют определенные общие убеждения и модели поведения, в-третьих, зная об опыте и особенностях, которые они разделяют со своими ровесниками, представители одного поколения также будут разделять и чувство принадлежности к данному

поколению.

Согласно теории поколений Штрауса и Хоува [8], период поколения Z (зумеров) начинается с 2005 года и продолжается по настоящее время. Данное поколение характеризуется превосходным владением электронными технологиями, поскольку родились в технологическом мире и не представляют себе жизни без компьютеров, гаджетов и мобильных телефонов, Интернета. Зачастую термин «поколение Z» рассматривается в качестве синонима термина «цифровой человек». В тоже время современное поколение воспринимают информацию не последовательно, а в виде отдельных клипов, не имеющих между собой никаких понятийных связей.

Учитывая вышесказанные теоретические и практические моменты, мы разработали методику обучения младших школьников английскому языку, которую можно отнести к цифровым методам обучения. При работе с обучающимися мы использовали видеохостинг YouTube. Мы предоставляли нужную информацию доступным для понимания детей способом, посредством коротких информативных роликов. Обучающиеся работали в их привычной цифровой среде.

При рассмотрении сущности предлагаемой нами методике мы хотели бы отметить следующее. В условиях современного общеобразовательного учреждения учитель иностранного языка в своей деятельности находится в жестких рамках, устанавливаемых муниципальными органами образования, администрацией школы, методическим советом, методическим объединением и т.д. Учебно-методический комплекс, с которым работает педагог, согласовывается и утверждается администрацией общеобразовательного учреждения. В выборе УМК педагог снова поставлен в жесткие рамки, что связано с библиотечным фондом конкретной школы, со сроком, который данный учебник используется в данной школе. Уточним также, что рекомендации по закупке тех или иных учебников общеобразовательному учреждению дает муниципальный отдел образования, который, в свою очередь, руководствуется в своей деятельности принципами преемственности в организации образования в данном конкретном населенном пункте.

Поэтому мы хотели бы особо подчеркнуть, что в общеобразовательном учреждении, в нашем случае школе, учитель иностранного языка строго ограничен в выборе учебника, с которым он будет работать, и программой, которую ему необходимо реализовать. Мы реализовывали наш метод в рамках программы, которая утверждена в школе, и на основе учебника, который предлагается в данном общеобразовательном учреждении.

Во время дистанционного обучения в четвертой четверти 2020-2021 гг. нами был создан канал "Учим англий-

ский язык дома" на видеохостинге YouTube. Канал был предназначен для обучающихся 3-х классов МБОУ "Школа №100". Уроки длились от 10 до 15 минут. Всего было выложено в сеть 11 уроков (Рис.1). Уроки проводились по УМК М.З. Биболетовой, английский язык, 3 класс. Все темы уроков на канале соответствовали календарно-тематическому планированию. Онлайн уроки велись всю четверть. На рисунке показано, что канал довольно быстро стал востребованным. С 30 марта 2020 по 30 мая 2020 было 8838 просмотров, при условии, что количество подписчиков было равно 195 (Рис.2).

Проанализировав статистику по каналу, можно сделать вывод о том, что каждый обучающийся смотрел каждый урок несколько раз, что способствовало лучшему пониманию и усвоению материала. По итогам обучения была проведена контрольная работа на платформе OnlineTestPad. Результаты проверки показали, что процент качества обученности увеличился в сравнении с предыдущими четвертями на 15%. Это означает, что суммарное количество отметок "отлично" и "хорошо" возросло на 15%.

Таким образом, поколению Z необходимо давать информацию в привычной для него цифровой форме. При этом необходимо соблюдать рекомендации при работе с гаджетами для каждого возраста обучающихся. Такие уроки нового цифрового формата будут им понятны и интересны.

В настоящее время в России реализуется ряд инициатив, направленных на создание необходимых условий для развития цифровой экономики, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет. В первую очередь это Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы и программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Задачи по цифровой трансформации в России на ближайшее десятилетие обозначены главой государства в декабре 2020 года. Суть цифровой трансформации образования – достижение каждым обучающимся необходимых образовательных результатов за счет персонализации образовательного процесса на основе использования растущего потенциала цифровых технологий, включая применение методов искусственного интеллекта, средств дополненной и виртуальной реальности; развитие в образовательных организациях цифровой образовательной среды; обеспечение общедоступного широкополосного доступа к интернету, работы с большими данными.

Таким образом, исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что знание об особенностях воспитания нынешнего поколения Zi использование информационных технологий в учебном процессе позво-

Рис. 1. Видео уроки на канале

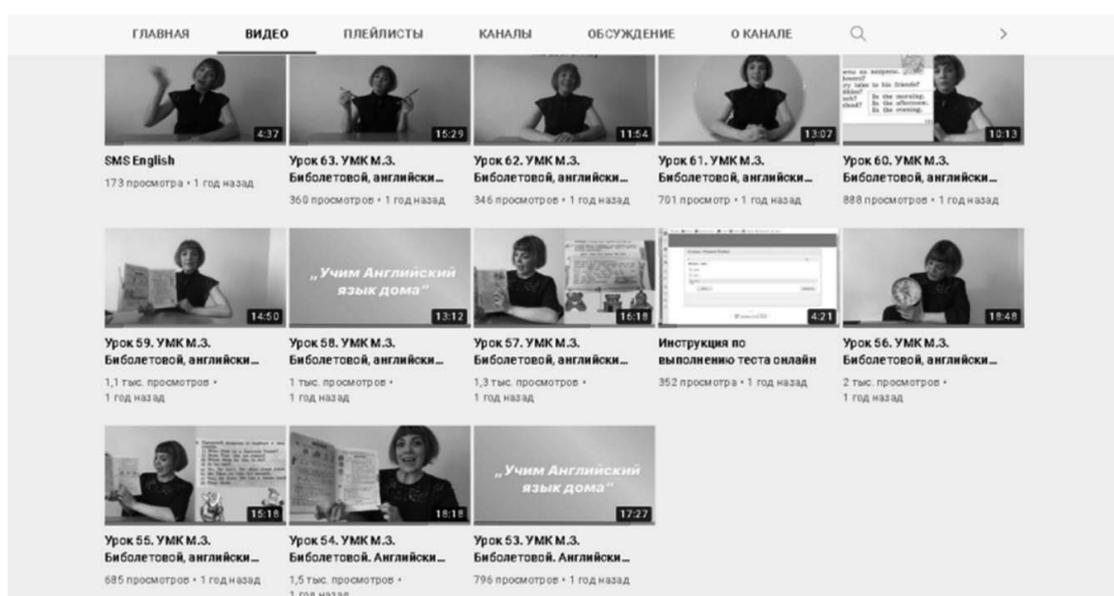

Рис. 2. Аналитика по каналу за выбранный промежуток времени

ляет:

- модернизировать и оптимизировать процесс обучения, увеличить темп урока, лучше иллюстрировать урок;
- улучшить качество подготовки учителя к уроку, сократить время на подготовку к уроку;
- повысить качество обученности;
- индивидуализировать процесс обучения;
- повышать мотивацию обучающихся;

— использовать возможности мультимедиа технологий.

Если у человека развито клиповое мышление, он может быть способен на многозадачность и может делать несколько дел одновременно. Человек привыкает к скоростной среде, и она уже не является для него стрессовой. Однако это влечёт за собой изменение когнитивных функций, изменяются привычные стандарты мышления, речи, восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире. / Азаренок Н.В. // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна "Психология человека в современном мире". Том 5. Личность и

- группа в условиях социальных изменений. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2009. – С. 110-112
2. Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАН, 2002. С. 415-420.
  3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. (The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man) / Маклюэн М. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
  4. Семеновских Т.В. Феномен "клиповое мышление" в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс]. / Интернет-журнал "НАУКОВЕДЕНИЕ" выпуск 5(24), сентябрь-октябрь 2014, (<http://naukovedenie.ru>)
  5. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. 57 с.
  6. Фельдман А.Б. Клиповое мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/klip.htm>
  7. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. // Топос: литературно-философский ж-л. 2010. №9. <http://www.topos.ru/article/7371>
  8. Neil Howe, William Strauss. The history of American future 1584 to 2069. — Harper Perrenial, 1997.
  9. Neil Howe. The winter of history: An Interview with Neil Howe on «The fourth turning». — Lifecourse Associates, 2009

© Носова Ольга Игоревна (solnce-neluna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ СПОРТИВНЫХ ВУЗОВ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

FORMATION OF PROFESSIONAL QUALITIES OF STUDENTS OF SPORTS UNIVERSITIES: A PEDAGOGICAL PROBLEM

**N. Serebrennikova
V. Ampleeva**

Summary: The relevance of the article is due to the fact that the successful professional activity of future teachers, bachelors and specialists of physical culture and sports is determined not only by the presence of a certain level of knowledge, skills and abilities, but also by the formation of such personal components as goals, motivation, abilities, stress resistance. For a comparative analysis of the personal components of the readiness of students of a sports university for professional activity, we used such test methods as: PSM-25 Lemur-Tessier-Fillion psychological stress scale, organizational stress of K. Maklin in the adaptation of N. Vodopyanova was used to identify the degree of personality stability, tolerance (stress resistance) to organizational stress, the orientation of the personality to motivation for success and to avoid failure (according to the method of T. Ehlers), life-meaning orientations (the method of SOE) of D.A. Leontiev. The study involved students of the basketball and volleyball department in the number of 40 people, 1st year students of the Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism.

Keywords: personal components of professional readiness, students of a sports university, organizational and psychological stress, motivation to success and to avoid failures, life-meaning guidelines.

Серебренникова Николетта Александровна

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»
Nikoletta_sudden@mail.ru

Амплеева Вероника Владиславовна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный
университет физической культуры, спорта и туризма»
Nikoletta_sudden@mail.ru

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена тем, что успешная профессиональная деятельность будущих педагогов, бакалавров и специалистов физической культуры и спорта определяется не только наличием определённого уровня знаний, умений и навыков, но и сформированностью таких личностных компонентов как: цели, мотивация, способности, стрессоустойчивость. Для сравнительного анализа личностных компонентов готовности студентов спортивного вуза к профессиональной деятельности нами были использованы такие тестовые методики как: шкала психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона, организационного стресса К. Маклина в адаптации Н. Водопьяновой использовалась в целях выявления степени устойчивости личности, толерантности (стрессоустойчивости) к организационному стрессу, направленность личности на мотивацию к успеху и к избеганию неудачи (по методике Т. Элерса), смысложизненные ориентации (методика СЖО) Д.А. Леонтьева. В исследовании приняли участие студенты отделения баскетбол и волейбол в количестве 40 человек, студенты 1 курса ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма».

Ключевые слова: личностные компоненты профессиональной готовности, студенты спортивного вуза, организационный и психологический стресс, мотивация к успеху и к избеганию неудач, смысложизненные ориентиры.

Введение

Современное понятие «компетентности специалиста», как отмечает Бабошина Е.Б. (2004) предполагает наличие: «Как объективных (социально-культурные и социально-экономические обстоятельства), так и субъективных (возрастные и индивидуально-типологические особенности личности студента) условий становления специалиста в высшей школе» [1, с.9].

Богданова В.В. (2006) в своем исследовании говорит о том, что: «... высокий уровень развития знаний, умений и навыков (ЗУН) далеко не всегда обеспечивает социально приемлемые результаты профессиональной деятельности, и что ЗУНы определяют успешность профессиональной деятельности не напрямую, а только во взаимодействии с личностными компонентами

профессиональной готовности: мотивами, целями, способностями» [3, с.35].

Калимуллина О.А. с соавторами (2019) отмечает: «Сегодня о подготовке кадров в любой области будь то область культуры, область педагогики или физической культуры мы должны ориентироваться на требования современных вызовов и учитывать все возникающие риски, с которыми неизменно должны будут столкнуться молодые люди при выходе из учебного заведения» [4, с.125].

Кузнецова Ю.Н. (2015) в свою очередь отмечает: «На формирование ценностей оказывает влияние тот факт, насколько данная личность социально зрелая. Социальная зрелость и ее составляющая — ответственность — формируются лишь в адекватной деятельности и сво-

боде в принятии решений относительно самого себя» [5, с.528].

Данные положения говорят о значимости исследования личных свойств учащихся высших учебных заведений, также спортивных, и их готовность к проф. работе. Что явилось основанием для анализа и сравнительного изучения личных компонент готовности учащихся спортивного университета к проф работе, было проведено на базе ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», специализация баскетбол и волейбол.

Методики исследования.

Исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма». Были выбраны игровые виды спорта «баскетбол» и «волейбол». В исследовании приняли участие 40 спортсменов студенческих баскетбольных и волейбольных команд, от I юношеского разряда до мастера спорта: 20 баскетболистов и 20 волейболистов. Были сформированы экспериментальная группа (ЭГ) и контрольная группа (КГ): по 20 спортсменов в каждой группе.

Для диагностики мотивационного компонента агрессивного поведения спортсменов были использованы методики Т. Элерса (диагностика мотивации достижения успеха и диагностика мотивационной направленности личности к избеганию неудач).

Для измерения показателей феноменологической структуры переживаний психологического стресса, стрессовых ощущений в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях была использована шкала психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона.

Шкала организационного стресса К. Маклина в адаптации Н. Водопьяновой использовалась в целях выявления степени устойчивости личности, толерантности (стрессоустойчивости) к организационному стрессу, которая связывается с умением общаться, адекватно оценивать ситуацию, без ущерба для своего здоровья и работоспособности активно и интересно отдыхать, быстро восстанавливать свои силы.

Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д.А. Леонтьева позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Тест СЖО является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика.

Результаты исследования.

Сравнительный анализ изучаемых показателей позволил выявить статистически значимые различия в особенностях проявления психологического и организационного стресса спортсменов, занимающихся волейболом и баскетболом.

В частности, у баскетболистов наблюдается более высокий уровень психологического и организационного стресса. Он может проявляться в состояниях дезадаптации, психического дискомфорта, эмоциональной напряженности и утомлении. Поэтому высокая активность и продуктивность деятельности, перегруженность не всегда приносит удовлетворения от тренировочного процесса.

В отличие от баскетболистов, волейболисты характеризуются низким уровнем стресса, что свидетельствует о состоянии психологической адаптированности к тренировочным нагрузкам и легкости вхождения в тренировочный процесс. У них наблюдается наиболее выраженная эмоциональная устойчивость.

Следует отметить, что существенных различий в показателях мотивации к достижению успеха между спортсменами обеих групп не было выявлено. Как баскетболисты, так и волейболисты стремятся достигнуть высоких показателей спортивной деятельности и в одинаковой степени нацелены на результат.

Наряду с этим, показатели мотивации к избеганию неудач, связанной со стремлением человека избегать тех ситуаций, в которых, как он полагает, велика вероятность провала, были существенно выше у баскетболистов.

Сравнительный анализ показателей смысложизненных ориентаций выявил, что волейболисты отличались от баскетболистов более высоким уровнем их сформированности по шкалам «Цели жизни», «Процесс жизни», «Локус контроля Я» и «Локус-контроля Жизнь».

Это говорит о том, что для волейболистов в большей степени присуща осмысленность жизни, удовлетворенность своей жизнью, способность и стремление контролировать себя и свои жизненные события.

В группе баскетболистов наблюдается направленность ценностных ориентаций на настоящее, удовлетворенность своей жизнью в настоящем. Из данных исследования локуса контроля, можно сделать вывод о том, что в целом у испытуемых есть тенденция к принятию ответственности за события, происходящие в их жизни на себя.

Отдельно стоит отметить, что в среднем наблюдаются низкие показатели по шкалам контроля. Это говорит о том, что испытуемые видят причиной своих неудач в потусторонних обстоятельствах – болезнь родственников, нехватка денег.

Таким образом, анализ смысложизненных ориентаций выявил достоверные различия в группах. У баскетболистов, происходит глубокая проработка всей жизни и переоценка личностных смыслов и ценностей, при этом предшествовавшая жизнь (ее процесс, результативность и локус контроля) оцениваются занижено. У волейболистов, завышены показатели результативности жизни, локуса контроля Я и локуса контроля жизнь, а также общий показатель смысложизненных ориентаций выше нормы, потому что они считают свои спортивные успехи только своей заслугой.

Заключение

В результате проведенного исследования личностных качеств студентов спортивного вуза, на примере специализации волейбол и баскетбол были получены следующие результаты:

1. у баскетболистов наблюдается более высокий уровень психологического и организационного

стресса;

2. различий в мотивации личности к достижению успеха не было выявлено, однако в уровнях мотивации личности к избеганию неудач показатели достоверно выше у баскетболистов;
3. анализ смысложизненных ориентаций выявил существенные различия в группах: у баскетболистов, происходит глубокая проработка всей жизни и переоценка личностных смыслов и ценностей, при этом предшествовавшая жизнь оцениваются занижено; а у волейболистов, общий показатель смысложизненных ориентаций выше нормы, потому что они считают свои успехи только своей заслугой.

Результаты исследования позволяют сделать следующее заключение о том, что вид спорта и уровень спортивной квалификации влияют на проявление и формирование личностных профессиональных качеств студентов спортивного вуза. Вышеизложенное подтверждает необходимость педагогического обеспечения процесса формирования профессионально-личностных качеств, в том, числе стрессоустойчивость у студентов спортивных вузов (на примере специализации волейбол и баскетбол).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабошина Е.Б. Саморазвитие личности студента в образовательном пространстве вуза: Учебное пособие. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. – 162с.
2. Белоусова О.В. Индивидуализация обучения студентов физкультурных вузов, совмещенная с общим подходом организации учебного процесса / Белоусова О.В., Дрижика А.Г. // Международная научная конференция психологов физической культуры и спорта «Рудиковские чтения», (11– 14 июня 2016 г.): материалы / Гос. Ком. Рос. Федерации по физ. культуре и спорту, Рос.гос. унт физ. культуры, спорта и туризма, Рос. Ассоц. психологов Физ. культуры и спорта. – М., 2016. – С. 56-61.
3. Богданова В.В. Формирование опыта творческой деятельности будущих специалистов физической культуры и спорта: на материале преподавания психолого-педагогических дисциплин: автореф. дисс.канд. пед. наук. – Уфа: 2006. – 24 с.
4. Калимуллина О.А. Творческая самореализация личности современных студентов в условиях трансформации ценностно-смысловых установок молодежи / Калимуллина О.А., Амплеева В.В., Зизикова С.И. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. - 2019. - № 4. - С. 124-127.
5. Кузнецова Ю.Н. Влияние ценностных ориентаций личности на ее социальное поведение в обществе / Ю.Н. Кузнецова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 527.

© Серебренникова Николетта Александровна (Nikoletta_sudden@mail.ru), Амплеева Вероника Владиславовна (Nikoletta_sudden@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА У УЧАЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

FORMATION OF INTEREST AMONG STUDENTS IN THE STUDY OF SUBJECT AREAS: ANALYSIS OF THE PROBLEM

V. Skopa

Summary: The problem of students' cognitive interest in the study of subject areas is debatable and multifaceted. The general education system is aimed at the formation of a creatively thinking personality, and methodological support for the erudite preparation of schoolchildren and the development of their skills in non-standard setting of tasks. Researchers have looked at different ways of forming cognitive activity. From the totality of the studied works, it is possible to single out the key areas in a comprehensive manner: organization of joint and collective educational activities; combination of various forms and methods of teaching; intensification of training; extracurricular activities as the basis for the formation of cognitive activity.

Keywords: cognitive interest, students, school, pedagogy, teaching methods.

Аннотация: Проблема познавательного интереса учащихся к изучению предметных областей является дискуссионной и многоаспектной. Система общего образования нацелена на формирование креативно мыслящей личности, а методическое обеспечение для эрудированной подготовки школьников и развитию у них навыков нестандартной постановки задач. Исследователи рассматривали различные пути формирования познавательной активности. Из совокупности изученных работ можно комплексно выделить ключевые направления: организация совместной и коллективной учебной деятельности; сочетание различных форм и методов обучения; интенсификация обучения; внеучебная деятельность, как основа формирования познавательной активности.

Ключевые слова: познавательный интерес, учащиеся, школа, педагогика, методика преподавания.

Проблема развития познавательного интереса в современной педагогике является одной из наиболее актуальных и научно значимых. Во многом это связано с возросшим требованием общества к личности, которая должна быть активной, стремиться к саморазвитию и самообразованию в течение всей жизни. Ушинский К.Д. отмечал «учение же, которое лишено интереса и взято принуждением, убивает в ученике охоту к освоению знаний» [18].

Современная система российского образования переживает существенные перемены, которые проявляются как в части содержательного блока, так и методического: новые стандарты, комплекты учебников, технологические приемы. Поиск новых подходов в развитии подрастающего поколения становится стратегической задачей государства. Сегодняшняя система общего образования нацелена на формирование креативно мыслящей личности, методическое обеспечение для эрудированной подготовки школьников и развитию у них навыков нестандартной постановки задач. С этой целью возникает необходимость в развитии основополагающей категории – познавательной активности учащихся, их желания «добывать» знания, чтобы в последствии их применять на практике.

Проблема формирования и развития познаватель-

ной активности учащихся важна и, это отчетливо прослеживается в современной теории и практике педагогической науки. Ее актуальность обусловлена изменениями в сфере науки и производства, а также новыми социальными запросами [8]. Потребности современного общества склонны как никогда к креативному подходу в решении многих задач, в том числе и производственного характера [5]. Согласно стратегии развития образования Российской Федерации и действующих стандартов общего образования продолжается переориентация учебного процесса на личность ребенка, где внимание уделено не только его социализации и получению им знаний, но и формированию в нем потребности к развитию познавательной активности как неотъемлемой части развития личности, ее гармонизации [15].

Главной задачей школы сегодня является научить детей мыслить, сформировать у учащихся желание получать знания и применять их на практике. Поэтому проблема формирования познавательной активности школьников является одной из самых актуальных в практике современной педагогической науки. Особая ее значимость заключается и в том, что в обучении как самобытном виде образовательной деятельности внимание должно концентрироваться на формировании отношения ученика к самой познавательной деятельности, которая непосредственно связана с его активной

позицией [6].

Активность учащихся рассматривается современными педагогами и психологами как главная, приоритетная предпосылка творческого и полноценного обучения, ведь при наличии познавательной активности учение становится близкой, жизненно значимой деятельностью, в которой заинтересован сам школьник [19]. Проблема формирования познавательной активности нашла широкое отражение в научно-педагогической литературе. Значительный вклад в ее решение был сделан такими исследователями как Б. Ананьев, Л. Аристов, Л. Божович, Л. Выготским, И. Харламов, Г. Щукина [2, 4, 15, 16]. Исследователи рассматривали различные пути формирования познавательной активности. Исходя из совокупности изученных работ, можно комплексно сгруппировать ключевые направления по заявленной проблеме следующим образом: организация совместной и коллективной учебной деятельности; сочетание различных форм и методов обучения; интенсификация обучения; внеучебная деятельность, как основа формирования познавательной активности [10, 11, 13].

Большинство исследований по данной проблеме было осуществлено на эмпирическом материале, сформированном в системе общего образования. В тоже время, вопросы формирования познавательной активности школьников остаются недостаточно проработанными и актуализированными в свете современных образовательных задач и изменений приоритетов, которые задаются государственной политикой и происходят в образовательных организациях.

В теории современного знания существует целый спектр наук предметом исследований которых выступает активность как особая категория. Среди них можно выделить – философские, психологические, педагогические. Так, в философии понятие активности рассматривается как процесс, в котором происходят определенные изменения и действия предмета [7]. Активность человека в естественных научных исследованиях трактуется как понятие, охватывающее любую деятельность, и определяется как способ существования органической материи вообще, а также как существование человека, в частности [1]. Справочная литература определяет активность как усиленную деятельность, деятельное состояние [12]. В социальной психологии активность личности рассматривается как социальное явление, которое имеет специфические особенности [9, 14]. С точки зрения педагогической психологии, познавательная активность – это мера умственного усилия, направлена на удовлетворение познавательных интересов индивида [3]. Педагогическая наука характеризует познавательную активность как специфическое свойство личности, которая направлена на активное приобретение знаний в интересах общества. Как видим, единого подхода к

определению этого понятия в научных исследованиях не существует. Исходя из этого можно выделить несколько подходов к изучению сущности данного феномена, который рассматривается в разных ракурсах.

Деятельностный подход представлен работами Д. Богоявленской, Л. Божович, И. Петуховой. Выше обозначенные ученые определяли познавательную активность личности как психическую деятельность субъекта, которая может осуществляться на репродуктивном, эвристическом и креативном уровнях.

Личностный подход определен в работах К. Абульханова-Славской, Б. Ананьева, Л. Аристовой. Они рассматривали познавательную активность как комплексную черту личности, внешними проявлениями которой выступают азартность, решительность, увлеченность делом, заинтересованность результатом, нестандартный подход к решению задач и тому подобное.

Комплексный подход отражен в исследованиях В. Лозовой, Г. Щукиной. Данный подход сочетает в себе характерные черты двух первых. В нем познавательная активность рассматривается как качество личности, которое нацелено на достижение поставленной цели [16]. Исходя из содержания данного подхода, рассматриваемый феномен, как познавательная активность, трактуется: черта личности, которая предполагает состояние готовности, стремление к самостоятельной деятельности, направленной на усвоение индивидом социального опыта, накопленных человечеством знаний и способов деятельности.

Познавательная активность личности в учебной деятельности достигает наибольшей эффективности при условии, когда она оптимально организована и направлена. Она как бы «толкает» к определенным самостоятельным действиям: спросить, найти определенную информацию, прочесть, написать, сделать [11]. Реализованная познавательная активность может проявляться на трех уровнях. Условно все показатели, характеризующие тот или иной уровень развития познавательного интереса, ученые объединяют в три группы:

1. Показатели мыслительной активности.
2. Показатели психических и эмоциональных проявлений.
3. Показатели волевых качеств.

Как утверждают психологи, с помощью познавательного интереса устанавливаются связи субъекта с объектом [12]. Но направленность индивида на предметы и явления окружающей действительности носит выборочный характер, то есть вызывает интерес лишь то, что становится привлекательным, актуальным, значимым. Познавательный интерес как основа формирования познавательной активности, по заключениям ученых, в

своем развитии проходит три фазы: любопытство, любознательность и теоретический интерес [20].

Любопытство является первичной, элементарной фазой избирательного отношения и выступает начальным толчком в выявлении познавательного интереса.

Любознательность определяется педагогами как черта характера личности, проявляется в стремлении до широты и глубины знаний об окружающем мире и самом себе. Она способствует возникновению и обеспечению функционирования познавательного интереса, является формой его существования. Реализуясь в интересе, любознательность сохраняет его, не позволяет погаснуть, постоянно возбуждает механизм познания. Любознательность через развитие познавательного интереса порождает познавательную активность личности, ее интеллектуальное развитие

Теоретический интерес как высшая фаза развития познавательного интереса связан со стремлением к познанию сложных теоретических вопросов и проблем конкретной науки, использованием их как инструмента познания. Это – степень активного воздействия человека на мир, непосредственно связана с мировоззрением личности, ее убеждениями в силе и возможностях науки. Она характеризует человека как субъекта деятельности [14]. Вышеупомянутое доказывает, что познавательная активность – это динамическое образование, а развитие познавательной активности представляет собой процесс перехода от возможностей, склонностей, стремление реализовать свои силы к превращению личности в активный и творческий субъект деятельности. От уровня познавательной активности в значительной степени зависит успешность школьника в учебной деятельности. Ведь ученики, которые имеют достаточно высокий уровень развития познавательной активности, стремятся к знаниям, и, как правило, хорошо учатся.

Итак, познавательная активность является необходимым условием формирования у учащихся потребности в знаниях, овладении умениями интеллектуальной деятельности, самостоятельности [9]. Благодаря познавательной активности ребенок вступает в практические отношения с окружающим миром, что является условием его успешной социализации и дальнейшего сосуществования. Считается, что формировать у детей интерес к познанию явлений окружающей действительности и развивать познавательную активность школьников следует с первых дней ребенка в школе. Тогда в подростковом возрасте уровень сформированности данного качества личности должен переходить в творческий, последствия которого приведут к высоким знаниям и умениям учащихся, то есть реализуют основную задачу современной школы.

С целью проверки имеющегося уровня сформированности познавательной активности младших подростков на базе школы Первомайского района Алтайского края было проведено исследование, участниками которого стали ученики пятых классов, а также учителя истории и математики. Исследование проводилось методом беседы, тестирования и опроса. С целью выявления представления детей о познавательной активности была проведена беседа с учениками, во время которой они должны были ответить на вопрос, связанный с представлениями о познавательной активности (что это?). Результаты беседы показали, что большинство детей связывают активность с поведением на уроках. В их представлении активный ученик – тот, кто постоянно поднимает руку на уроке, часто отвечает у доски, быстро выполняет задания учителя. Активными себя считают менее половины опрошенных (16 учащихся из 40!). На вопрос: «Почему ты не считаешь себя активным?» эти ученики чаще всего отвечали так: «а зачем это надо?», «не люблю отвечать», «не хочу», один ответ – «стесняюсь». Особое внимание было обращено на математику – учебную дисциплину, поскольку от уровня заинтересованности этим предметом в значительной мере зависит успешность учащихся в изучении других учебных дисциплин в старших классах (физика, химия, алгебра, геометрия). Оказалось, что с желанием готовятся к урокам математики только 6 учеников из 40!!! Отрицательное или безразличное отношение к предмету дети объясняют большим количеством задач, сложностью материала, однообразием. Таким образом, исходя из проведенной работы можно отметить, что пятиклассники не проявляют активности в изучении математики, считают этот предмет неинтересным, трудным и однообразным; большинство из них не видят необходимости проявлять активность на уроках, а потому не желают его изучать, хотя все школьники уверены, что математика – нужная дисциплина и наука.

Для подтверждения достоверности результатов беседы было проведено тестирование по методике изучение познавательной активности учащихся Б. Пашнева [17]. В эксперименте приняло участие 40 учеников. Из полученных данных видно, что подавляющее большинство учащихся имеет средний уровень познавательной активности. Они, вероятно, имеют хороший потенциал, но не имеют желания его проявлять. Только у 18% учащихся (7 человек) познавательная активность развита на высоком уровне. Мы поинтересовались их успеваемостью в учебе и оказалось, что из них 5 учеников учатся на «отлично», а 2 – имеют по три оценки «хорошо». Ученики, уровень познавательной активности которых низкий, отстают в учебе.

После проведенной диагностической работы с детьми мы обратились к учителям с просьбой ответить на несколько вопросов, касающихся уровня сформированности познавательной активности учащихся. Было опро-

шено 5 учителей (2 – истории, 3 – математики). Результаты опроса подтвердили выводы диагностики учащихся. А именно: на уроках математики дети малоактивны, только небольшое количество поднимает руки для ответа, работать у доски вызывает учитель, по единичным исключениям; домашнее задание выполняют почти все; с задачами повышенной сложности справляется менее половины учеников класса, но если эта задача задается для выполнения по желанию – то выполняет ее четвертая часть. На уроках истории учащиеся более активны, им нравятся интересные рассказы о прошлом народа, государства, исторические легенды; но одновременно углублять знания, полученные на уроке, не проявляют желания, только некоторые ученики читают дополнительные источники; ученики также задают мало вопросов, а руки поднимают одни и те же. Итак, наблюдение учителей подтвердили результаты опроса учеников. На основе проведенной диагностики можно констатировать, что у пятиклассников уровень познавательной активности не высок. Во многом это связано с увеличением

учебной нагрузки, изменением требований к ученикам, менее интересными методами обучения по сравнению с теми, к которым привыкли ученики в начальной школе. Поэтому проблема формирования познавательной активности является важной и актуальной в свете современных образовательных задач.

Таким образом, на основе проведенной научно-исследовательской работы можно отметить, что познавательная активность является сложным системным личностным свойством, основанным на развитии познавательного интереса и любознательности, и проявляется в интеллектуальной активности школьника. Развитие познавательного интереса в младшем школьном возрасте во многом является успехом и перспективой дальнейшего развития учащихся, формированием креативной личности. Применение различных психолого-педагогических подходов в изучении той или иной предметной области позволяет добиваться более высоких и устойчивых результатов, а вместе с тем укреплять интерес к познанию данного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абасов З.А. Познавательная активность школьников // Педагогика. № 7. 1989. С. 115-129.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды. М., 1995. – 479 с.
3. Буряк В.К. Активность и самостоятельность учащихся в познавательной деятельности // Педагогика. 2007. № 8. С. 71-78.
4. Данюшенков В.С. Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно ориентированного обучения. Киров, 2005. – 214 с.
5. Долбенко Т.А. Педагогические основы активизации познавательной деятельности подростков [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.chl.kiev.ua/default.aspx?id=66>.
6. Занков Л.В. Развитие школьников в процессе обучения. М., 1967. – 132 с.
7. Игнатова Р. Развитие познавательной активности учащихся как педагогическая проблема [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.lnu.edu.ua/Pedagogika/periodic/visnyk/18/10_ignatova.pdf.
8. Капустина Н.Г. Познавательный интерес младших школьников // Начальная школа. 2005. № 2. С. 14-16.
9. Костюк Г.С. Избранные психологические труды. М., 1988. – 318 с.
10. Красновский Э.А. Активизация учебного познания // Педагогика. № 5. 1989. С. 24-32.
11. Мигунова М.П. Некоторые приемы активизации познавательной деятельности учащихся // Математика в школе. 2000. № 6. С. 15-16.
12. Психологическая энциклопедия / автор-составитель А.М. Степанов. – М., 2006. – 341 с.
13. Скопа В.А. Формирование метапредметных умений и навыков при работе с историческими источниками как условие развития познавательного интереса к истории // Современный ученый. 2020. № 3. С. 93-97.
14. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. М., 1982. – 183 с.
15. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе: Учебное пособие. М., 1979. – 271 с.
16. Щукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. – М., 1988. – 203 с.
17. Пашнев Б.К. Система поиска одаренных учащихся современными психодиагностическими методами // Психолог. 2004. № 43. с. 5-14.
18. Ушинский К.Д. Педагогика. Избранные работы. М.: Издательство Юрайт, 2017. – Серия: Антология мысли. 4. – 357 с.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
20. Щукина Г.И. Проблема познавательного интереса в педагогике. М., 1971. – 274 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Соколовская Анна Юрьевна

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

sokolovskaya-anya1998@mail.ru

Алеева Гульнара Халирахмановна

к.филол.н., доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

algula@ro.ru

INFLUENCE OF PHONETIC INTERFERENCE ON ENGLISH LANGUAGE LEARNING

**A. Sokolovskaya
G. Aleeva**

Summary: The article is devoted to the problem of the influence of phonetic interference on the process of teaching English to bilinguals. The concept of interference, its positive and negative aspects at the beginning level of setting articulatory features of oral speech in a foreign language are considered. The opinions of native and foreign experts are studied regarding the influence and methods of preventing this phenomenon for Russian and Tatar-speaking students of the primary level.

Keywords: interference, phonetics, comparative analysis, articulation, bilingual.

Аннотация: Статья освещает проблему влияния фонетической интерференции на процесс обучения английскому языку билингвов. Рассматривается понятие интерференции, ее положительные и отрицательные аспекты на начальном этапе постановки артикуляционных особенностей устной иноязычной речи. Изучаются мнения отечественных и зарубежных специалистов касательно влияния и способов предупреждения данного явления для русско- и татароязычных обучающихся начального звена средней общеобразовательной школы.

Ключевые слова: интерференция, фонетика, сравнительно-сопоставительный анализ, артикуляция, билингв.

Для успешного обучения иностранным языкам необходимо учитывать ряд особенностей, к которым, по мнению многих отечественных и зарубежных языковедов и педагогов, относится фактор влияния родного языка обучающегося. Такое явление получило название языковой интерференции, и проявляется оно на всех уровнях языка: грамматика, фонетика, лексика, орфография и т.д. [3]. Уподобление языковым нормам родного языка при продуцировании иностранной речи, устной и письменной, ведет к многочисленным языковым ошибкам, которые возникают в связи с недостаточным акцентированием внимания на данную проблему в процессе обучения иностранному языку.

Языковая интерференция влияет на все виды деятельности, связанные с иностранными языками. Например, для переводчиков она может стать ощутимым препятствием в ходе как устного, так и письменного перевода. Из-за языковой интерференции при межличностных контактах зачастую возникают недопонимания ввиду грамматических, фонетических, лексических ошибок, когда говорящий пытается переложить нормы родного языка на английский язык. Так и в области педагогики интерференция затрудняет процесс обучения не только английскому языку, но и иностранным языкам в целом.

Проблема влияния интерференции в методике преподавания иностранных языков уже долгое время является весьма актуальной. Отечественные и зарубежные исследования посвящены данной проблеме, разработа-

тываются различные учебные и методические пособия с целью минимизации влияния родного языка при обучении иностранным языкам. У. Вайнрайх, Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, Р.Ю. Розенцвейг и другие специалисты-языковеды изучали основные аспекты языковой интерференции: ее определение, причины возникновения, ее влияние и способы ее преодоления [5].

На начальном этапе обучения иностранным языкам очень важно уделять внимание правильному произношению и артикуляционным особенностям говорения на изучаемом языке. Именно на этом уровне активно проявляется фонетическая интерференция, когда обучающиеся пытаются имитировать звуковое строение родного языка на уроках устной речи на иностранном языке [6]. Это связано с различиями в фонетических нормах сравниваемых языков: интонация, неправильная артикуляция, наличие специфических звуков, нехарактерных для родного языка, и как следствие, попытка произнести их на манер похожих, но не идентичных звуков родного языка. Такие фонетические ошибки становятся причиной акцента, по которому легко отличить речь носителя языка от речи иностранца.

Таким образом, в рамках исследования были изучены и проанализированы наиболее типичные фонетические ошибки учеников начальных классов гимназии города Казань, вызванные языковой интерференцией.

Результаты показали, что несмотря на владение некоторыми учениками (8 человек) татарским языком как

родным влияние русского языка оказалось более явным и характерным. Однако были зафиксированы и ошибки, возникшие в результате уподобления татарскому языку.

Чтобы рассмотреть случаи проявления фонетической интерференции на уроках английского языка, были использованы различные приемы и упражнения: повтор за учителем и аудиозаписью отдельных звуковых или речевых фрагментов, а также чтение вслух.

Фонетические ошибки интерферирующего характера могут быть объяснены рядом причин [2]:

1. неспособность учителя правильно продуцировать звуки иностранного языка при обучении;
2. в случае правильного произношения учителя он не способен акцентировать внимание обучающихся на фонетику языка, особенности и отличия фонетических систем родного и иностранного языков;
3. неверное восприятие обучающимися фонетики иностранного языка;
4. артикуляционные особенности строения речевого аппарата билингов.

Ряд педагогов выделяет также психологическую причину возникновения межъязыковой интерференции, когда обучающийся в следствие привычки заменяет фонетические единицы иностранного языка похожими единицами родного языка [3].

Важно уделять внимание данным причинам на начальном этапе обучения, когда гораздо проще перестроиться под новую систему языка ввиду формирования слухопроизносительных навыков, чтобы в будущем обучающийся смог избежать ошибок фонетического характера, выражающихся в акценте.

Во время наблюдений за учениками третьего класса были выделены наиболее типичные фонетические ошибки школьников:

1. неправильное произнесение английских звуков [w], [v];
2. замена английских звуков [θ], [ð] схожими единицами русского или татарского языков, например, [з], [с], [в], [ф];
3. игнорирование носового звучания звука [ŋ];
4. уподобление английских звуков [p], [t], [h] похожим звукам русского языка;
5. неправильное ударение в английских словах, похожих на русские единицы;
6. неверная интонация в утвердительных и вопросительных предложениях.

Причем данные ошибки можно сгруппировать по различным формам проявления фонетической интерференции. К ним относятся субституция, ресегментация,

недо- и сверхдифференциация [5].

Первая форма фонетической интерференции подразумевает уравнивание фонем родного и интерферирующего языков, как, например, аспирация звуков. В рамках исследования были зафиксированы следующие звуки, вызывавшие наибольшее количество затруднений у русскоязычных обучающихся: [p], [t], [k]. Аспирация представляет собой придыхание звуков, так как в родном языке учеников такое фонетическое явление отсутствует, для них становится проблематичным его имитирование в английском языке.

В случае с ресегментацией можно говорить о плюссегментации, когда количество звуков речевого потока обучающихся выше по сравнению с верным вариантом произношения, и минус-сегментации, подразумевающей меньшее количество звуков в речи, чем было бы нужно.

Для первого случая характерно появление в речи так называемой эпентезы, ярким примером которой может служить появление конечного звука [r] на конце английских слов вместо его отсутствия. Другой особенностью данного случая является то, что сам появившийся звук ввиду интерферирующего влияния родного языка имеет звучание, не свойственное английскому языку. К примерам эпентезы, выделенными на уроках английского языка в начальных классах можно отнести, например, слова computer, mother, father с их фонетическими транскрипциями, содержащими ошибки, соответственно: [kəmputər], [mʌðər], [fɑðər], [weðər].

Если плюссегментация проявляется в форме эпентезы, то минус-сегментация в фонетике представляет собой апокопу. В рамках данного исследования у учеников начальных классов ошибок подобного характера не было обнаружено. Апокопа представляет собой сокращение исходного звукового состава слова, как правило это происходит за счет опущения безударного гласного звука, находящегося в конце слова.

В ходе наблюдений за ошибками обучающихся были выделены также примеры стяжения гласных звуков. В результате данного явления количество звуков в слове сокращается из-за сложности произнесения некоторых звукосочетаний, которые в результате произносятся, как один единый звук: crocodile- [krɒkədɪl], telephone- [telɪfɒn] и т.д.

Отечественная и зарубежная литература, посвященная изучению проблемы языковой интерференции, наибольшим образом предлагает внедрять на уроках иностранного языка методики сравнительно-сопоставительного анализа родного и изучаемого языков, чтобы акцентировать внимание на ряде особенностей и спец-

ифических черт языков с целью предотвращения ошибок на различных уровнях языка [1], [8].

Если рассматривать отдельно фонетическую интерференцию с позиции методов ее предупреждения, то наиболее эффективными способами закрепления фонетических норм английского языка, согласно трудам специалистов данной области, являются традиционные фонетические упражнения, но с наибольшим акцентированием внимания на трудные моменты и особенности звукового строя изучаемого иностранного языка [6].

Для первоначальной постановки звуков на начальном этапе рекомендуется проводить фонетическую зарядку, ее способы и методы проведения могут различаться. Так, например, можно составлять слогги, играть с веером, для которого необходимо заранее подготовить бумажные материалы и подписать на его частях различные буквы, которые потом можно комбинировать и читать вслух. Очень важным является аудирование, с помощью которого происходит процесс запоминания звучания отдельных слов и интонационных моментов иностранного языка. Чтение вслух способствует механической памяти, обучающиеся запоминают то, как они говорят слова. На этом этапе необходимо участие учителя, который будет исправлять ошибки и объяснять, каким образом необходимо произносить то или иное слово. Не менее важным является сравнение артикуляционных особенностей родного и иностранного языка. Нужно де-

тально объяснять ученикам и показывать на примере, как правильно произносить звуки, показывать разницу в произнесении иностранного звука и похожего звука родного языка [5].

Использование комплекса подобных упражнений, как показывает практика, помогает не только исправить уже имеющиеся фонетические ошибки в речи обучающихся, но и предупредить появление новых, так как в процессе обучения ученики начинают сами проецировать используемые ранее методики и активно употреблять их в самостоятельной деятельности по изучению иностранного языка.

В ходе изучения фонетической интерференции на уроках английского языка мы приходим к выводу, что в начальной школе зафиксированы отдельные ее виды: субституция, ресегментация, недодифференциация и сверхдифференциация, которые, в свою очередь, тоже можно рассмотреть более детально и разделить их на подвиды. Наличие фонетических ошибок интерферирующего характера при чтении и говорении у учеников говорит о том, что влияние родного языка необходимо учитывать при выборе методики преподавания иностранного языка. Особенно важно внедрять специальные технологии уже на начальном этапе обучения, чтобы ошибки не вошли в привычку и были вовремя предупреждены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашрапова, А.Х. Фонетическая интерференция родного (татарского) и русского языков при контакте с английским в условиях двуязычия / А.Х. Ашрапова, Л.Г. Ильясова, И.Р. Галимова // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. – 2016. – С. 100-101.
2. Багана, Ж. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – М., 2010. – 96 с.
3. Вайнрайх, У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. Ю.А. Жлуктенко. – Благовещенск, 2000. – 264 с.
4. Верещагин, Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. – М., 1968. – С. 103-110.
5. Гасанова, Р.Г. Преодоление грамматической интерференции в процессе обучения английскому языку в условиях взаимодействия родного языка и русского языка // Концепт. – 2015. – Спецвыпуск №15. – 5с.
6. Каргина, Е.М. Анализ проблемы интерференции при обучении иностранному языку в условиях билингвизма / Е.М. Каргина // Образование и наука в современном мире. Инновации. – Пензенский гос. Ун-т архитектуры и строительства, 2018. - №2(15). – С. 32-39.
7. Махмутова Д.М. Роль интерференции в обучении иностранным языкам русскоязычных студентов (на примере изучения итальянского и английского языков) / Д.М. Махмутова, Т.В. Морозова // Terra Linguae. – 2019. - №6. – С. 186-192.
8. Новикова, В.В. Способы преодоления языковой интерференции при обучении произношению английского языка на начальном этапе / В.В. Новикова. – 2015. – 62 с.
9. Панова, Р.С. Межъязыковая интерференция в обучении фонетике русского языка / Р.С. Панова // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — С. 84-89.
10. Прядильникова, О.В. Проявление внутриязыковой и межъязыковой фонетической интерференции в речи учащихся Республики Башкортостан // Вестник Башкирск. ун-та. – 2010. - №3. – С. 650-653.

© Соколовская Анна Юрьевна (sokolovskaya-anya1998@mail.ru), Алеева Гульнара Халирахмановна (algula@ro.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБУЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сорокина Елена Анатольевна

старший преподаватель, Челябинский государственный
университет, Челябинск
vkr@csu.ru

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY: DIGITAL FINANCIAL LITERACY

E. Sorokina

Summary: The article discusses the trends in the development of Russian society. The necessity of personal budget management is determined. It is established that a financially literate person can effectively manage his income and expenses, including having savings, which has a favorable effect not only in his individual case, but also on the Russian economy as a whole. The theoretical aspects of financial literacy and digital literacy are revealed; it is concluded that financial literacy and digital literacy are a complementary ability of a person, allowing him to effectively and rationally use his income to maintain a decent level of his own well-being, which subsequently affects the level of socio-economic development of the country as a whole.

Keywords: financial literacy, financial discipline, digital literacy, digital financial literacy.

Аннотация: В статье рассматривается новый тренд развития российского общества – обеспечение цифровой финансовой грамотности его граждан. Определены роль, цели и задачи профессионального обучения. Раскрыты теоретические аспекты финансовой грамотности и цифровой грамотности; сделан вывод о том, что финансовая грамотность и цифровая грамотность – это дополняющая друг друга способность человека, позволяющая ему эффективно и рационально использовать свои доходы для поддержания достойного уровня собственного благосостояния, что в последствии отражается на уровне социально-экономического развития страны в целом.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая дисциплина, цифровая грамотность, цифровая финансовая грамотность, профессиональное обучение.

Динамическое развитие современной экономики характеризуется активным развитием определенной сферы деятельности, в которой нет производства товаров и услуг, но при этом есть источники получения дохода. Это так называемые финансовые рынки, внедряющие новые финансовые услуги. При этом для того, чтобы получить такую услугу не обязательно даже выходить из дома. В эпоху цифровизации и развития IT-технологий, имея любые банковские продукты (кредитные или депозитные карты, накопительные, инвестиционные либо сберегательные счета), любой дееспособный человек может пользоваться услугами финансового рынка, однако предлагаемые продукты он не всегда может использовать эффективно. Именно поэтому особую актуальность приобретает способность человека к финансовой и цифровой грамотности, что неизбежно приводит к слиянию этих двух компонентов и формированию принципиально нового понятия – цифровой финансовой грамотности. Особую роль при этом занимает профессиональное обучение населения всех возрастов. Понимая значимость цифровой финансовой грамотности, у каждого индивида, несомненно, есть интерес к обучению. Поэтому важно использовать такие педагогические методы и приемы обучения, которые позволят в максимальной мере достичь поставленной цели, а именно сформируют достаточный уровень знаний и навыков

в области цифровой финансовой грамотности. Помимо этого, необходимо учитывать и специфику контингента – различные возрастные категории. Для более четкого понимания самого процесса обучения, рассмотрим эволюцию вопроса финансовой и цифровой грамотности.

Исторически сложилось так, что обучения финансовой грамотности в Советском государстве не было, в условиях плановой экономики не было такой необходимости, государству было не выгодно иметь финансово грамотное население, так как иначе не было бы всецелого доверия государству. Поэтому в учебных заведениях высшего и среднего звена изучение экономических процессов и явлений сводилось лишь к плановому укладу. Потребности населения удовлетворялись лишь так, как хотело и делало государство: малая жилплощадь, заработная плата хоть и была, но товары были в дефиците, талонная система, очереди в магазинах. Получая заработную плату, имея денежные средства, люди не могли купить те или иные товары. Излишки доходов, как правило, хранились либо дома под подушкой, либо на депозитных счетах банка с ничтожно низкими ставками. Для борьбы с инфляцией и неэквивалентного обмена оставшихся в обращении денежных знаков советского образца 1960х-1990х годов на купюры нового образца была проведена денежная реформа, давшая начало денежно-

му кризису. Реформа носила конфискационный характер в связи с тем, что был установлен ряд ограничений при обмене денежных знаков. Главным последствием такой реформы являлась потеря доверия жителей страны к действиям органов власти. Вместе с тем на рынке начинают появляться государственные краткосрочные облигации.

После распада Советского Союза пополнять бюджет России практически было нечем. Единственным источником пополнения были средства, полученные от экспорта энергоресурсов, в частности нефти стоимость которой составляла 20 долларов за баррель. Поэтому правительство приняло решение перейти на заимствования, пользуясь западным примером. Сам выпуск ценных бумаг не имел существенных затрат. Денежные средства на выплаты по государственным краткосрочным облигациям брались не из бюджета, а за счет притока новых вкладчиков. То есть по сути, это была классическая схема финансовой пирамиды, которую построило государство и которая имеет актуальность до сих пор с той лишь разницей, что теперь таким строительством занимаются частные лица. На протяжении почти двух лет государство кредитовалось за счет денежных средств вкладчиков. В 1995 году действующий президент Борис Николаевич Ельцин баллотировался на второй срок. В стремлении победить на выборах коммунистов его команда дала много обещаний, средств на которые не хватало, поэтому заимствования пришлось увеличить. Министерство финансов увеличило доходность облигаций и разрешил в них инвестировать иностранцам. В начале 1996 года доходность государственных облигаций поднялась до 100%, а за месяц до президентских выборов она увеличилась еще в 2,5 раза.

«Государственная пирамида» стала разрушаться с осени 1997 года, когда начался экономический кризис в странах Юго-Восточной Азии. Инвесторы начали выводить средства из всех рискованных активов, в том числе российских облигаций. На протяжении нескольких месяцев государство еще могло совершать выплаты за счет средств золото-валютных резервов, но затем перестало это делать.

В августе 1998 года цены на нефть упали в два раза. Задолженность по облигациям к тому времени составляла уже более 30 миллиардов долларов. Был объявлен технический дефолт. В результате дефолта за чертой бедности оказались 40% граждан, а зарплаты были урезаны в половину.

События 1990х годов не могли не наложить отпечаток на менталитет российского общества. Тот момент для многих стал начальным этапом для саморазвития. Наряду с этим возникло также недоверие государству, недоверие институту денег. Финансовой грамотности

не было вообще, а населению необходимо было задумываться о выживании.

Однако, за последние 20 лет экономика России пережила значительные изменения, развиваясь циклически, отмечались периоды спада и подъема. В условиях рыночной экономики каждый несет сам ответственность за свои действия и обладать финансовой грамотностью просто необходимо. Данные утверждения подкрепляются включением в федеральные государственные образовательные стандарты компетенций, направленных на формирование знаний, умений и навыков в области принятия эффективных экономических решений. ФГОС высшего образования по экономике устанавливает, что при завершении периода обучения, студенты должны усвоить такие компетенции, как:

1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач;
2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений
3. Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности;
4. Способен предлагать экономически и финансово обоснованные организационно-управленческие решения в профессиональной деятельности и другие.

Всемирная пандемия, связанная с ростом заболеваемости covid19 и вводимыми в связи с этим ограничениями оставила свой отпечаток на уровне жизни каждого человека. В реальном выражении жители становятся беднее, прирост заработной платы или других доходов по факту обесценивается инфляцией. Именно финансовая грамотность может помочь каждому не только управлять своими доходами, но и эффективно их использовать, возможно, даже преумножая. Что же такое финансовая грамотность?

Согласно банковской энциклопедии под финансовой грамотностью понимается – достаточный уровень знаний и навыков в области финансов, который позволяет правильно оценивать ситуацию на рынке и принимать разумные решения. Знание ключевых финансовых понятий и умение их использовать на практике дает возможность человеку грамотно управлять своими денежными средствами. То есть вести учет доходов и расходов, избегать излишней задолженности, планировать личный бюджет, создавать сбережения. А также ориентироваться в сложных продуктах, предлагаемых финансовыми институтами, и приобретать их на основе осознанного выбора. Наконец, использовать накопительные и страховые инструменты. [1]

Абышева А.В., Корчемкина Е.С. в своих исследованиях отмечают, что финансовая грамотность – это комплексная способность лица, включающая в себя следующие элементы: установки, знания и навыки. [2]

Вместе с тем уровень финансовой грамотности в России остается пока еще на достаточно низком уровне. Об этом свидетельствует отсутствие финансовых резервов на случай непредвиденных обстоятельств у большинства домохозяйств. Отсутствие финансовых резервов в настоящем не дает возможности обеспечить свою пенсию в будущем, а если и есть излишние доходы, то многие просто не могут обеспечить гарантию их сохранности при выборе различных инструментов накоплений.

Финансовая дисциплина у большинства россиян так же находится на низком уровне. Некоторые просто не могут адекватно оценивать риски, связанные с обязательствами по полученным финансовым услугам. Об этом свидетельствуют, например, наличие кредитов на покупку гаджетов за стоимость, в два, а то и более раз превышающих уровень своих доходов.

В распоряжении Правительства РФ от 25.09.2017 N 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы», приводится следующая статистика: более 20 процентов трудоспособного населения Российской Федерации полагают, что небольшая задержка во внесении платежей по кредиту не страшна. При этом, по мнению 37 процентов потребителей, возвращать взятый в бан-

ке кредит не обязательно, если этому препятствуют непредвиденные обстоятельства (потеря работы, болезнь, развод, переезд). Высокую озабоченность вызывает и тот факт, что, по результатам социологических исследований, каждый 5-й респондент, имеющий кредит (22 процента), указал, что выплаты по кредиту занимают более 30 процентов доходов, а 68 процентов из них отметили, что отдают более 50 процентов своих доходов» [3]

Проблема низкой финансовой грамотности касается не только России, но и других промышленно развитых и развивающихся стран. Необходимо отметить, что финансовая неграмотность – это проблема, которую пытаются решить США, Германия, Япония, Голландия, Франция, Австрия, Великобритания, внедряя реализацию программ финансовой грамотности за счет государства.

Наряду с проблемой финансовой неграмотности, особенно резко усилила свое действие еще одна проблема, связанная с низкой цифровой грамотностью. В условиях вводимых ограничений, связанных с пандемией covid19 и переходом на дистанционные технологии, возросла роль бесконтактного взаимодействия между субъектами. Дистанционные технологии позволяют любому человеку получать практически любые услуги, не выходя из дома. Для этого требуется лишь наличие ноутбука, смартфона либо планшета, подключенного к интернету.

По данным многопрофильного аналитического центра национального агентства финансовых исследова-

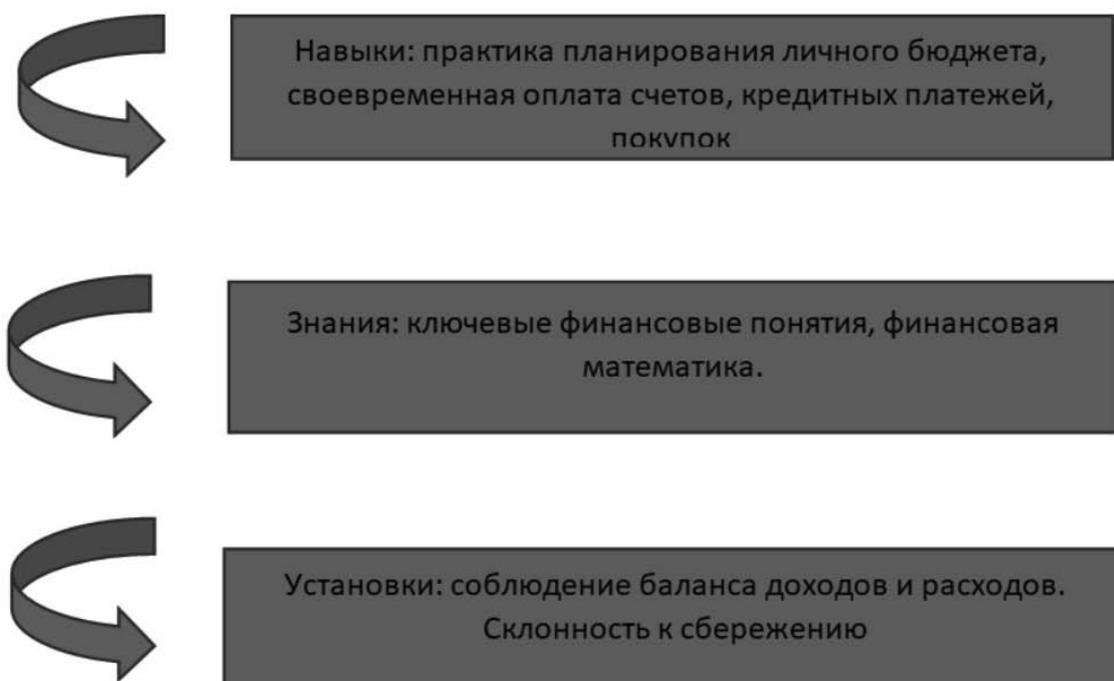

Рис. 1. Основы финансово грамотного поведения

Источник: [2]

ний (НАФИ) использование компьютеров, планшетов и смартфонов за 2020 год увеличилось в среднем на 43%. Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1 .

Среднее время, которое россияне проводят в сутки перед экранами компьютеров, планшетов и смартфонов

возраст	Среднее время в сутки, часов
18-24 года	8
25-34 года	7
35-44 года	6
45-59 лет	5
60 лет и старше	3

Источник: [4]

Каждый человек дистанционно может распоряжаться и своими финансовыми ресурсами. Для эффективного управления ими важно обладать цифровой грамотностью, так как для осуществления покупок через интернет необходимо иметь банковскую карту либо банковский счет, денежные средства с которых могут утечь в результате действия мошенников. Поэтому в этой связи важно обладать не только финансовой грамотностью, но и цифровой грамотностью. Впервые данное понятие применил известный американский писатель и журналист, профессор Чикагского университета Пол Гилстер. В 1997 году он представил к публикации одноименную книгу. Согласно его трактовки, цифровая грамотность – это умение понимать и использовать информацию, представленную во множестве разнообразных форма-

тов и широкого круга источников с помощью компьютеров. [5]

Цифровая грамотность – это способность человека безопасно пользоваться любыми цифровыми инструментами для личной пользы. Цифровая грамотность состоит из ряда элементов: цифровое потребление, цифровые компетенции и цифровая безопасность.

Цифровое потребление представляет собой использование различного рода интернет-услуг: использование определенного объема самого интернета, услуги по облачному хранению информации, социальные сети, государственные услуги.

Цифровые компетенции – способность эффективно использовать технологии сети. Цифровые компетенции включают в себя поиск информации, ее адекватное восприятие и интерпретацию, поскольку в сети может быть размещена абсолютно любая, «неотфильтрованная» информация и пользователь должен иметь способность оценивать ее надежность и достоверность. Поэтому ключевым компонентом здесь должна выступать осторожность. Цифровые компетенции так же включают в себя умения использования цифровых устройств и навыки применения функционала интернет-сетей, навыки совершения финансовых операций – онлайн-покупки, онлайн-продажи, использование интернет-банка, использование заемных средств.

Третьим элементом цифровой грамотности является цифровая безопасность: защита персональных данных,

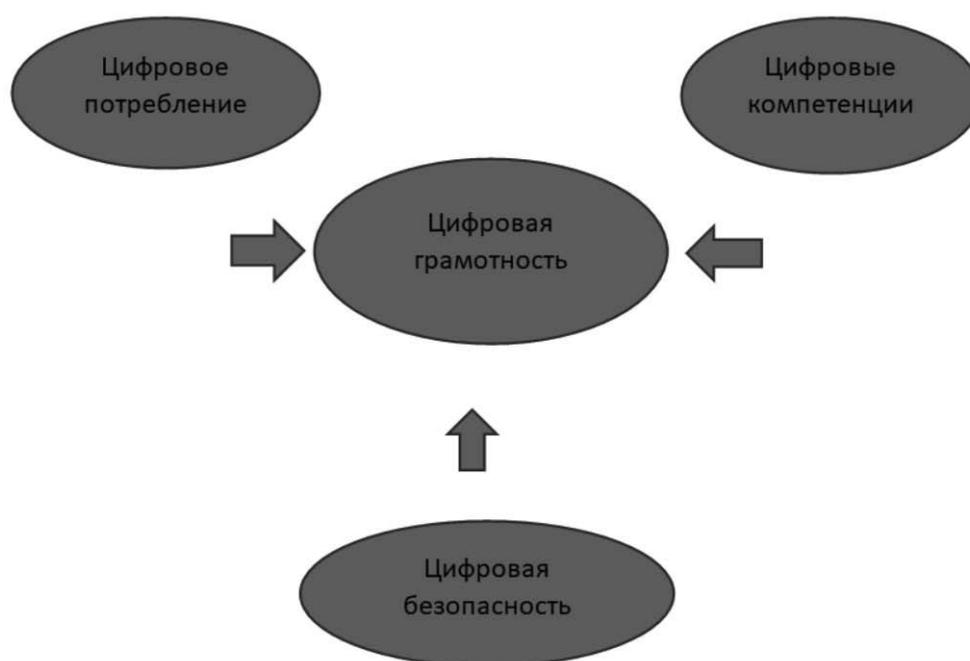

Рис. 2. Структура цифровой грамотности
Источник: составлено автором самостоятельно

легальный контент, надежный пароль, хранение информации, создание резервных копий.

На сегодняшний день существует огромное множество, интернет-мошенников, использующих возможности сети интернет для личного обогащения за счет людей, не обладающих достаточным уровнем знаний в финансовой сфере и цифровом пространстве. По статистике за последний год каждый десятый россиянин сталкивался и мошенничеством в сфере интернет-торговли, причем с каждым разом мошеннические схемы принимают все новые формы и новые угрозы. На смену обмана с недоставкой товара либо обмана, связанного с неоплатой покупки приходят массовые рассылки писем от банков, социальных сетей и прочих, содержащих ссылки для перехода на поддельные сайты, до степени смешения совпадающие с оригинальными, где под различными предложениями требуется ввести конфиденциальные данные. В результате мошенники получают доступ к аккаунтам и банковским счетам пользователей. Так же в сети встречаются рассылки, обещающие денежные поступления. Конечно, бороться с такими схемами должны правоохранительные органы, однако такая борьба на сегодняшний день малоэффективна. Каждый человек

должен понимать ответственность и значимость каждого действия, именно от этого зависит его собственная безопасность.

Многопрофильным аналитическим центром НАФИ было проведено исследование, по вопросам связанным с борьбой против мошенников в интернете. Результаты данного опроса приведены в таблице 2.

Таким образом, по результатам данных таблицы видно, что большая часть россиян все же перекладывает ответственность за свои действия.

Для успешного распоряжения своими финансовыми ресурсами и повышения собственного благосостояния, каждый дееспособный человек должен иметь навыки не только финансовой, но и цифровой грамотности. Поэтому цифровая финансовая грамотность – это новый тренд развития общества. Под цифровой финансовой грамотностью будем понимать достаточный уровень знаний и навыков использовать информацию интернет-сети в области финансов, который позволяет правильно оценивать ситуацию на рынке и принимать эффективные решения.

Таблица 2.

«Как Вы считаете, кто в первую очередь должен бороться с продавцами-мошенниками в интернете?»,
в % от всех опрошенных, распределение по возрасту

	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Правоохранительные органы	56	55	55	62	68
Интернет-провайдеры	11	17	16	11	10
Владельцы торговых площадок	20	17	14	9	5
Никто, это бесполезно, покупатель должен быть внимательнее	11	9	10	13	12
Другое	2	2	5	5	5

Источник: [4]

Рис. 3. Признаки цифровой финансовой грамотности индивида

Итак, зная суть цифровой финансовой грамотности вернемся к педагогическим приемам и методам ее формирования. Если рассматривать обучающихся, то несомненно курс цифровой финансовой грамотности можно вводить как отдельную факультативную дисциплину, кроме того ее формирование можно проследить в междисциплинарном взаимодействии таких предметов, как цифровая экономика, финансы, введение в экономику, информационные технологии. Если рассматривать другие категории населения, то сформировать знания умения и навыки можно на специальных обучающих курсах. Данные курсы могут быть организованы государством в рамках программы повышения уровня финансовой и цифровой грамотности, а могут финансироваться из личных средств заинтересовавшегося. Причем стоит понимать, что традиционные методы обучения не будут иметь эффективность усвоения компетенций. Лекция педагога, рассказ и прочие пассивные методы следует заменить на активные методы обучения (кейс-методы, деловые игры, тренинги) [11,12,13]. А потому и к самому педагогу должны быть применены особые требования. Педагог должен обладать не только теоретическими знаниями, но и должен иметь практический опыт в профессиональной деятельности [14, 15]. В процессе обучения важно эмитировать рискованные ситуации, связанные с цифровой финансовой неграмотностью, в этом случае каждый обучающийся будет искать пути для их минимизации.

Приведем пример кейс-метода:

1. Педагог имитирует звонок обучающемуся из финансовой организации, предлагает выгодные условия по кредиту, либо предлагает приобрести товар (услугу) по демпинговой цене. И проследить ход действий обучающегося в данном вопросе. (сразу согласиться, исследовать свои финансовые возможности по выплатам кредита в дальнейшем, провести анализ полезности приобретения, а потом принять решение, не соглашаться). При этом любое решение должно быть мотивированно и подкреплено соответствующими доводами.

2. Педагог имитирует звонок мошенников, при этом цель звонка любым способом узнать персональные данные собеседника. Цель такого кейса – научить обучающегося распознавать легальный и нелегальный контент, идентифицировать мошеннические действия.

Таким образом, проведя исследование и опираясь на мнения различных ученых, занимающихся вопросами финансовой грамотности, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, уровень финансовой грамотности населения в России на сегодняшний день остается на низком уровне, что негативно влияет не только на личное благосостояние, и приводит к ухудшению социально-экономического развития страны в целом;

Во-вторых, в связи с негативными последствиями пандемии covid19 особую актуальность получило использование дистанционных форм управления личными финансами, в силу низкого уровня цифровой грамотности населения с помощью мошеннических схем люди теряют свои финансовые ресурсы.

В-третьих, для эффективного использования доходов каждому человеку необходимо обладать цифровой финансовой грамотностью. Знания, умения и навыки использования таких основ помогут каждому человеку брать ответственность за свои действия, оценивать риски при принятии решения в сфере управления личными финансами. Поэтому особую актуальность приобретают государственные программы, направленные на формирование навыков населения в части повышения не только финансовой, но и цифровой грамотности.[6]

Необходимо отметить, что от общего уровня цифровой финансовой грамотности населения страны во многом зависит ее экономическое развитие. Низкий уровень таких знаний и навыков приводит к отрицательным последствиям не только для каждого участника финансового сектора, но и для государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Финансовая грамотность. URL: <https://bankovskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/> (дата обращения: 21.05.2021).
2. Абышева А.В., Корчемкина Е.С. Актуальные вопросы повышения финансовой грамотности населения: отечественный и зарубежный опыт. // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 9. №2 С. 91-100
3. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 N 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы».
4. Аналитика и прогнозы. URL: <https://nafi.ru/analytics/?SECTIONS%5B%5D=7> (дата обращения: 21.05.2021).
5. Gilster P. Digital Literacy. N.Y. : Wiley Computer Publishing, 1997
6. Азбука финансов. Программа повышения финансовой грамотности в России. URL: <http://www.azbukafinansov.ru/> (дата обращения: 21.05.2021).
7. Ричардс К. «Психология инвестиций. Как перестать делать глупости со своими деньгами», 2014.
8. Новости статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/central-news> (дата обращения: 21.05.2021).

9. Вынужденная цифровизация: исследование цифровой грамотности россиян в 2021 году. URL: <https://nafi.ru/analytics/vynuzhdennaya-tsifrovizatsiya-issledovanie-tsifrovoy-gramotnosti-rossiyan-v-2021-godu/> (дата обращения: 21.05.2021).
10. Проект «Национальная стратегия повышения финансовой грамотности 2017-2023гг.» URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=118377-proekt-natsionalnaya-strategiya-povysheniya-finansovoi-gramotnosti-2017-2023_gg (дата обращения: 21.05.2021).
11. Бурняшева, Л.А. Активные и интерактивные методы обучения в образовательном процессе высшей школы: Методическое пособие / Л.А. Бурняшева. - М.: КноРус, 2012. - 80 с.
12. Быков, А.К. Методы активного социально-психологического обучения: Учебное пособие / А.К. Быков. - М.: ТЦ Сфера, 2005. - 160 с.
13. Лапыгин, Ю.Н. Методы активного обучения: Учебник и практикум / Ю.Н. Лапыгин. - Люберцы: Юрайт, 2016. - 248 с.
14. Матяш, Н.В. Методы активного социально-психологического обучения / Н.В. Матяш. - М.: Academia, 2019. - 200 с.
15. Мицкевич, Н.И. Методы активного обучения взрослых: Учебно-методическое пособие / Н.И. Мицкевич. - Мн.: РИВШ, 2012. - 72 с.

© Сорокина Елена Анатольевна (vkr@csu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ¹

Степанова Наталья Анатольевна

К.псх.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
stepanova_na@inbox.ru

Куликова Татьяна Ивановна

К.псх.н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
tativkul@gmail.com

THE SPECIFICITY OF THE PREVALENCE OF BILINGUISM IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

**N. Stepanova
T. Kulikova**

Summary: The article presents the problem of studying bilingualism as a socio-cultural phenomenon, its national and regional specificity in the conditions of active migration process on the territory of Russia, and the problem of integrating bilinguals into a modern school. The authors analyze different ways of interpreting the concept of bilingualism, the tendencies of social development in a bilingual environment are considered. The authors cite the results of a survey on the prevalence of bilingualism in the educational environment in four subjects of the Russian Federation. An analysis of the specifics of national-regional bilingualism in the Chechen Republic and the Moscow region is presented. The practical potential of using the material is connected with the development of methodological support for the organization of psychological and pedagogical support for bilingual children's families.

Keywords: bilingualism, bilingual environment, bilingual personality, specificity of national and regional bilingualism, educational environment.

Аннотация: В статье поднимается проблема изучения билингвизма как социокультурного феномена, его национально-региональной специфики в условиях активного процесса миграции на территории России и проблема интеграции билингвов в современную школу. Проанализированы различные варианты толкования понятия билингвизм, рассмотрены тенденции социального развития человека в двуязычной среде. Авторы приводят результаты опроса по распространенности билингвизма в образовательной среде в четырех субъектах Российской Федерации. Представлен анализ специфики национально-регионального билингвизма в Чеченской Республике и Московской области. Практический потенциал использования материала связан с разработкой методического обеспечения для организации психолого-педагогического сопровождения семей ребенка билингва.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная среда, билингвальная личность, специфика национально-регионального билингвизма, образовательная среда.

Обращение к феномену билингвизма, а также к условиям развития билингвальной среды, в последнее время приобретает особую актуальность в связи с усилением процессов глобализации и интеграции. Число билингвов на рубеже третьего тысячелетия, вероятно, больше, чем когда-либо прежде, и будет продолжать расти в результате увеличения мобильности и миграции населения планеты. Большинство отечественных и зарубежных исследователей признают, что билингвизм следует рассматривать как социокультурный феномен, способствующий сближению народов, мирному решению проблем сосуществования, развитию уважения к культуре и языку, традициям и обычаям других народов, формированию общих целей и задач в процессе интеграции [2; 10]. В этом контексте билингвизм является мощным фактором языкового развития современного общества, который дает людям возможность

осознать свое место и свою культуру в диалоге культур и цивилизаций в процессе взаимодействия и сотрудничества с другими.

Понятие «билингвизм» часто заменяется термином «двуязычие», поэтому в современной литературе эти два понятия обычно употребляются как синонимы. В то же время, в литературе представлено множество вариантов толкований как самого понятия, так и определений явления билингвизма [1; 8].

Существуют разные трактовки билингвизма, которые градуируются по степени требований к уровню владения неродным языком [4]. Двуязычие, согласно Ю.Д. Дешериеву, представляет собой свободное владение двумя языками [7, с. 22]. Р.К. Миньяр-Белоручев понимает под ним «способность человека использовать в

¹ Статья печатается в рамках выполнения научно-исследовательских работ по государственному заданию № 073-00073-21-01 от 14.07.2021 г. на оказание государственных услуг (выполнения работ) Министерства просвещения России по теме «Научно-методическое обеспечение интеграции билингвов в современную школу, психолого-педагогическое сопровождение семьи ребенка билингва, развитие семейного образования как одного из элементов общего образования билингвов».

общении два языка» [4].

Реальность, тем не менее, такова, что билингвизм существует во всех странах мира, а владение билингвом двумя или более языками не предполагает свободного владения обоими языками, кроме того, в речи билингва почти всегда присутствует акцент. Отмечается, что билингвизм включает в себя не только владение двумя языками, но и двумя разными диалектами.

Считается, что билингвизму обычно сопутствует явление бикультурализма, то есть владения элементами сразу двух этнических культур. Наиболее распространено мнение о том, что язык тождественен культуре. Существенное различие между билингвизмом и бикультурализмом состоит в том, что билингв может говорить на том или ином языке в зависимости от ситуации, в то время как бикультурная личность – это феномен, который не зависит от языковой среды, но формируется благодаря языковым навыкам. Следовательно, чем лучше человек говорит на каком-либо языке, тем больше культурных стереотипов он воспринимает, и чем слабее выражены языковые навыки, тем меньше он подвержен культурной адаптации [5].

Взаимодействие и взаимопроникновение языков на разных уровнях становится регулятором социализации, аккультурации и лингвокультурной самоидентификации формирующейся билингвальной личности. Однако в различных регионах, где активно развивается билингвальная среда, время от времени возникают социальные проблемы, связанные с языками и двуязычием. Изучение таких проблем позволяет выявить специфику национально-регионального билингвизма и тенденции социального развития человека в двуязычной среде. Подобные тенденции в политической, социальной и лингвистической сферах являются общей предпосылкой функционирования русского языка в двуязычной образовательной среде [3; 11].

В рамках выполнения научно-исследовательских ра-

бот по государственному заданию Министерства просвещения России по теме «Научно-методическое обеспечение интеграции билингвов в современную школу, психолого-педагогическое сопровождение семьи ребенка-билингва, развитие семейного образования как одного из элементов общего образования билингвов» был проведен опрос по распространенности билингвизма в образовательной среде в четырех субъектах Российской Федерации: Чеченской Республике, Краснодарском крае, Московской области, Тульской области. Результаты опроса представлены в таблице 1.

Наибольший интерес для анализа специфики национально-регионального билингвизма представляют Чеченская Республика и Московская область. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, в Чеченской Республике количество детей от 0 до 9 лет составляло 329112 человек [6], т.е. на сегодняшний день это дети школьного возраста. Обратившись к результатам нашего опроса (таблица 1), обнаруживаем, что 276650 обучающихся относятся к категории «абсолютный билингвизм», сущность которого заключается в одинаковом владении двумя языками – родным от рождения языком и приобретенным в процессе социализации. Мы относим этих детей к группе билингвов первого порядка. Такие билингвы формируются в силу того, что коренные жители Чечни используют русский язык в качестве языка межнационального общения. К группе билингвов второго порядка мы относим детей, у которых родным языком является русский, а второй язык является языком общения по месту проживания. Следовательно, если представитель русского этноса родился и воспитывался в чеченском селении, то вторым языком данной языковой личности становится чеченский язык.

Определяющим фактором в формировании такой билингвальной языковой личности является система образования: изучение русского языка, как правило, начинается в дошкольном образовательном учреждении и продолжается в общеобразовательной школе или в учреждениях среднего профессионального образова-

Таблица 1.

Результаты опроса по распространенности билингвизма в образовательной среде

Субъект РФ	Количество учащихся-билингвов (чел.)	Количество учащихся – инофонов (чел.)	Количество учащихся, использующих другой язык и практически не владеющих русским (чел.)	Количество учащихся, использующих чаще другой язык, владеющих русским языком ограниченно (чел.)	Количество учащихся, использующих в равной степени два языка (чел.)
Чеченская Республика	255648	1836	1418	18438	276650
Краснодарский край	11742	361	36	287	8894
Московская область	17885	2112	800	2538	13326
Тульская область	2650	184	29	189	2235

ния. Не менее важную роль в формировании двуязычия играют средства массовой информации и активные языковые контакты с другими народами в рамках единого российского государства [9].

У чеченцев более вероятно «смешанное» двуязычие, когда люди свободно переключаются с русского на чеченский в зависимости от конкретной ситуации общения. Часто чеченцы, общаясь на родном языке, прибегают к использованию русских слов и фразеологизмов. Их количество и частота употребления зависят от степени владения чеченцем-билингвом русским языком. Чем лучше чеченцы-билингвы знают русский язык, тем больше они его используют. Также на частоту использования вкраплений из русского языка влияет отсутствие устойчивых навыков общения на родном языке. Это в большей степени характерно для чеченцев, проживающих в городах или за пределами Чеченской республики.

В Московской области согласно Всероссийской переписи 2010 года количество детей от 0 до 9 лет составляло 661791 человек. По результатам нашего опроса (таблица 1) выявлено 17885 билингвов, в том числе 13326 обучающихся, которые относятся к категории «абсолютный билингвизм», т.е. одинаково владеют двумя языками. Следует заметить, что 800 обучающихся используют свой родной язык и практически не владеют русским, а еще 2538 человек владеют русским языком ограниченно.

Территориальные, геополитические и экономические особенности Московской области особенно привлекательны для трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. В настоящее время на 7 миллионов русскоязычного населения данного региона приходится около миллиона человек, для которых русский язык является неродным. Представители дальнего зарубежья

обладают достаточно высоким уровнем образования и культуры, а профессиональная деятельность заставляет их руководствоваться этическими нормами в поведении и речи, следовать национальным и культурным традициям коренного населения региона.

Трудовые мигранты из стран ближнего зарубежья и внутренние мигранты Российской Федерации имеют совершенно разные характеристики. К их особенностям относятся большая численность, этническая изоляция, языковая отчужденность, низкий уровень образования, нестабильный характер пребывания в данном регионе и низкий уровень владения русским языком.

В школах Московской области обучается много детей-мигрантов из иноэтничных семей, которые переехали в регион в возрасте от 7 лет и старше. Им гораздо труднее адаптироваться к местным условиям, чем детям-мигрантам дошкольного возраста. Культурная идентичность детей-мигрантов школьного возраста начала формироваться еще на родине. Они не всегда владеют русским языком, что затрудняет процесс обучения и общения с одноклассниками.

Современные условия жизни сопряжены со значительной миграцией населения или проживанием некоренных жителей в русскоязычной среде, в которой они, как правило, не теряют родной язык. Использование национальных языков параллельно с русским, т.е. в условиях билингвизма, осложняет процесс общения, обучения и социализации детей билингвов. В этой связи проблема интеграции билингвов в современную школу приобретает особую актуальность и выдвигает требования к ее рассмотрению в социально-психологическом аспекте сопровождения не только детей, но их семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
2. Беженарь О.А. Некоторые проблемы становления детского билингвизма // Вестник РУДН. серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 199-207.
3. Боченкова М.Ю. Билингвизм и билингвальная среда как социокультурный и психолого-педагогический феномен [Электронный ресурс] // Концепт. – 2016. – Т.2. – С. 586–590. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46136.htm> (дата обращения: 23.09.2021).
4. Ворожбитова А.А. Биполилингвальная языковая личность и концепция лингвориторического образования как инструмент ее формирования в полиэтничном социокультурно-образовательном пространстве // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтничном регионе Северного Кавказа: материалы Международной конференции-семинара, 21-25 сентября 2010 г., Ставрополь. Ставрополь, 2010. – С. 310.
5. Вигель Н.Л. Влияние билингвизма на культурные особенности [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2017. – № 2 – URL: <https://psychology.snauka.ru/2017/02/7704> (дата обращения: 14.09.2021).
6. Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.09.2021).
7. Дешериев Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании // Методы билингвистических исследований. – М., 1976. – С. 20–33.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

9. Овхадов М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. Москва: МПГУ, 2000. – 244 с.
10. Свитюк С.Ю. Общие представления о билингвизме в психологии // Психология в экономике и управлении. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 26–32.
11. Сиячкин В.П. Современные тенденции развития билингвального образования в России и мире (Предисловие к тематическому выпуску Вестника) // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 11-16.

© Степанова Наталья Анатольевна (stepanova_na@inbox.ru), Куликова Татьяна Ивановна (tativkul@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

АНАЛИЗ ФИЗИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ДО И ПОСЛЕ ЛОКДАУНА ПРИ РАЗНОМ ПОДХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

ANALYSIS OF THE PHYSICAL INDICATORS OF UNIVERSITY STUDENTS BEFORE AND AFTER THE LOCKDOWN WITH DIFFERENT APPROACHES OF CONDUCTING CLASSES ON PHYSICAL EDUCATION

**R. Khairullin
N. Tumanina
S. Sevodin
R. Garifullin**

Summary: The article discusses a different approach to conducting physical education classes during a lockdown. The analysis of physical fitness before and after the lockdown was carried out.

Keywords: physical fitness, physical activity, physical culture, health.

Хайруллин Рафаэль Равилович

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО "Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма" (г. Казань)

89053146495@mail.ru

Туманина Наталья Викторовна

педагог дополнительного образования, ФГК ОУ «Казанское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации»

9050227175@mail.ru

Гарифуллин Руслан Шамилович

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО "Казанский Государственный Архитектурно-Строительный университет" rus-garifullin@yandex.ru

Севодин Сергей Васильевич

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО "Казанский Государственный Энергетический Университет" sevodins@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается разный подход проведения занятий по физической культуре во время локдауна. Проведен анализ физической подготовленности до и после локдауна.

Ключевые слова: физическая подготовленность, физическая нагрузка, физическая культура, здоровье.

В конце марта 2020 года Казань ушла на самоизоляцию. Выход из дома только по необходимости, выезд строго по пропускам. Люди оказались заперты не по своей воле в домах и квартирах. И как никогда остро встал вопрос о заботе своего здоровья, как его можно поддержать на самоизоляции, в режиме ограниченной подвижности, с запретом не только на занятия подвижными видами спорта, но даже и прогулки, если элементарный вынос мусора в связи с угрозой здоровью, чтобы не заразиться, корона вирусом был разрешён только один раз в день.

Предположим, что всё наше население Земли занимались бы активными видами спорта - в этом бы случае жители лишились бы более 4 млн. смертей в году. А если учесть, что около четверти миллиона людей среднего возраста и около 80 млн. юношей и девушек ведут малоподвижный образ жизни, то, конечно же, встаёт вопрос, - что же делать и какой, выход найти в условиях пандемии.

В условиях самоизоляции огромное количество людей погибло – для которых, движение было крайне необходимо, если бы у каждого человека дома была бы по-

добие кардио-тренажёра (беговая дорожка, эллипсоид, велотренажёр и т.д.), то ухудшение физического и эмоционального состояния было бы меньше выражено. К сожалению, в век интернета, люди очень мало внимания уделяют физической активности, прожигая время виртуальной реальности.

Все мы знаем и понимаем, какое огромное влияние имеет физическая нагрузка для лечения и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, артрита, артроза, гипертонии, диабета и других заболеваний, работа головного мозга, память всё завязано на физической нагрузке.

Занятия специальной и общефизической подготовкой дома в ограниченных условиях значительно проигрывают – физической нагрузке в аэробном режиме (кроссу вне помещения). Население находится запертым в своём жилище, видит изо дня в день одну и ту же картину, что в свою очередь очень плохо сказывается на эмоциональном состоянии. В условиях принудительной самоизоляции человек понимает, как необходима смена деятельности, пейзажа, как важна физическая активность, все ощутили эту двигательную бездеятельность

на себе.

В обычной жизни есть группы людей, для которых обездвиживание связано с большими потерями для своего здоровья - это люди с хроническими заболеваниями и ограниченными возможностями, для них очень важно в любых условиях тренироваться для поддержания и улучшения качества своей жизни.

Большую роль сыграли социальные сети и интернет, где размещено огромное количество информации, видео уроков. На высоте оказались дистанционные занятия физической культурой. Можно подобрать тренера для своих пожеланий, способностей. По онлайн трансляция можно заниматься и вести прямой контакт со специалистом, который исправит, подскажет ошибки и правильность выполнения упражнений, плюс ко всему человек на самоизоляции вынужденно начинает чувствовать дефицит движения и так или иначе обстоятельства толкают его обратить внимание на своё самочувствие и здоровье.

Все высшие учебные заведения перешли на дистанционную форму обучения, очень повезло, тем обучающимся у которых преподавательский коллектив вёл занятия онлайн, а не скидывал задание. Средние и высшие учебные заведения, которые вели онлайн-уроки по физической культуре, по нашему мнению, находились наиболее выгодной позиции. При наличии камеры и небольшого участка пространства, студенты имели возможность дисциплинироваться по времени, не были предоставлены сами себе, общались. На личном примере преподавателей физической культуры проводились занятия, где ученикам в течение 30 - 40 минут была проведена разминка, небольшая тренировка, которая задействовала все группы мышц. Погрузка давалась дозировано по самочувствию, это всё очень хорошо сказывалось на эмоциональном и физическом состоянии. При желании можно поддерживать относительно хорошую физическую форму организма.

Возможно побывав на самоизоляции, столкнувшись с проблемой о которой даже никто не думал и, познав все прелести физической активности, население увеличит количество людей занимающихся своим здоровьем.

Для того чтобы выполнять простые и сложные физические упражнения не обязательно куда-то идти, вполне хватит и комнаты, вспомогательными снарядами могут быть бутылки и баллоны с водой, резинки, эспандеры, Для студентов с хроническими заболеваниями существуют много упражнений с весом собственного тела, занятия лечебной физкультурой, пилатес, йога и самой элементарной зарядкой, где кардио - нагрузку можно заменить ходьбой на месте или по комнате, будет неоценимый заботой о своём теле.

Нами был проведен анализ занятий проводимых в двух вузах во время самоизоляции: первый в котором велись занятия по дисциплинам «Физическая культура» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» [2] при помощи дистанционных методов – онлайн, то есть преподаватель во время часов своей пары выходил в режиме видео-связи на занятия и проводил практические упражнения давая физическую нагрузку, и второй вуз который практические занятия перевели в самостоятельную работу студентов, которые писали рефераты и еще какие-то письменные задания. Мы запросили результаты проверки физической подготовленности в обоих вузах, по приему контрольных нормативов, которые принимались осенью 2019 года и сравнили их с результатами контрольных нормативов принимаемых осенью 2020 года у тех же студентов, такие как: сгибание и разгибание рук из положения вис для юношей, бег на 2000 метров для девушек, бег на 3000 метров для юношей, сгибание и разгибание рук в упоре лежа для девушек, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, прыжок в длину с места, наклон вперед, бег на 100 метров [3].

Для оценки и доказательства преимущества проведения занятий по дисциплинам «Физическая культура» и «Элективные курсы по физической культуре и спорту» онлайн перед занятиями которые проводились офлайн следует проанализировать изменение показателей физической подготовленности у студентов обоих вузов, которые занимались в течение самоизоляции перед студентами, которые выполняли письменные задания получаемые от преподавателей физического воспитания.

После проведенного анализа результатов контрольных нормативов до и после самоизоляции физические показатели остались на том же уровне: результаты в беге на 100 метров, в подтягивании в отличие от группы студентов занимающихся офлайн [4].

Рассмотрев результаты в беге на 3 километра в группе занимающихся офлайн, мы видим, что они ухудшились на 2,2 % у юношей и на 1,99 % у девушек, а у студентов группы занимающихся онлайн остались практически на том же уровне.

В других контрольных нормативов можно наблюдать такие же изменения. Выросли показатели физической подготовленности студентов группы занимающихся онлайн: в упражнении сгибание и разгибание рук из положения вис – на 9,5% у юношей и на 12,7 % у девушек в упражнении сгибание и разгибание рук в упоре лежа, в упражнении поднимание туловища из положения лежа у юношей на 8,9 %, а у девушек на 4,6 % (см. Таблица 1) [5]. Прирост показателей в упражнениях: сгибание и разгибание рук из положения вис, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, поднимание туловища из положения лежа и наклон вперед (гибкость) на наш взгляд объясняется

Таблица 1.

Анализ показателей физической подготовленности (контрольные нормативы)

Показатели ФП	Пол	Группа студентов занимающихся онлайн		Группа студентов занимающихся офлайн		p
		До самоизоляции	После самоизоляции	До самоизоляции	После самоизоляции	
Бег на 3 км (мин)	юн.	13,57±0,27	13,45±0,33	13,57±0,27	14,27±0,45	<0,01
Бег на 2 км (мин)	дев.	12,01±0,33	11,58±0,56	12,02±0,33	12,26±0,25	<0,01
Бег 100 м (сек)	юн.	13,79±0,07	13,53±0,03	13,77±0,07	14,85±0,08	<0,05
	дев.	15,88±0,04	15,33±0,03	15,89±0,04	15,94±0,04	<0,05
Сгибание и разгибание рук из положения вис (кол-во раз)	юн.	9,75±0,09	10,68±0,09	9,77±0,09	9,03±0,08	<0,01
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа	дев.	10,07±0,03	11,35±0,06	10,06±0,03	9,85±0,05	<0,01
Поднимание туловища из положения лежа (кол-во раз)	юн.	39,58±0,67	43,13±0,43	39,58±0,67	38,12±0,61	<0,01
	дев.	38,44±0,54	40,22±0,63	38,44±0,54	37,22±0,84	<0,01
Прыжок в длину с места (см)	юн.	219,32±2,84	219,52±1,85	219,32±2,84	217,54±2,75	<0,05
	дев.	175,32±2,74	176,83±3,01	175,32±2,74	171,15±2,55	<0,05
Наклон вперед (см)	юн.	11,63±0,53	12,02±0,72	11,63±0,53	11,12±0,51	<0,05
	дев.	13,94±0,97	14,94±0,88	13,94±0,97	13,54±0,89	<0,05

Таблица 2.

Анализ показателей интереса к занятиям по физической культуре (%)

Интерес	Пол	Группа студентов занимающихся онлайн		Группа студентов занимающихся офлайн	
		До самоизоляции	После самоизоляции	До самоизоляции	После самоизоляции
Высокий уровень	муж	20,6	35,27	20,6	22,77
	жен	18,69	31,57	18,69	19,83
Уровень выше среднего	муж	22,1	30,47	22,1	23,61
	жен	24,98	28,26	24,98	26,25
Средний уровень	муж	28,07	28,45	28,07	29,11
	жен	16,72	25,64	16,72	18,07
Уровень ниже среднего	муж	15,42	3,54	15,42	16,25
	жен	19,1	8,1	19,1	20,26
Низкий уровень	муж	8,68	1,45	8,68	4,91
	жен	13,6	4,34	13,6	11,01
Отсутствие интереса	муж	2,64	0,82	2,64	1,58
	жен	3,37	2,09	3,37	2,86
Отрицательное отношение	муж	2,49	-	2,49	1,77
	жен	3,54	-	3,54	1,72

тем, что основными упражнениями в занятиях онлайн были самые доступные и простые, которые можно было выполнять в домашних условиях, это: всевозможные отжимания, статические упражнения, физические упражнения на укрепление мышц спины и пресса.

У студентов занимавшихся офлайн, практически все показатели ухудшились. Полученные результаты являются убедительным доказательством эффективности

проводимых занятий по физической культуре даже в такой сложной ситуации в которой оказались студенты во время локдауна.

Отметим, что анализ интереса к занятиям физической культурой дал возможность констатировать, что у группы студентов, которые занимались онлайн, повысился интерес к дисциплине физическая культура (Таблица 2).

Данные, которые мы получили после анкетирования студентов и анализа, демонстрируют нам, что в группе студентов, которые занимались физической культурой онлайн, уровень интереса к занятиям вырос и находится в основном в границах высокого, выше среднего и среднего уровней.

В группе студентов занимавшихся онлайн уровень интереса низкий и ниже среднего оценили только 4,99 % юношей и 12,44 % девушек. У студентов занимавшихся онлайн отсутствует интерес к занятиям физической культурой очень маленький процент (0,82-2,09 %). По полученным нами данными в группе студентов занимавшихся офлайн интерес к занятиям физической культурой во время локдауна снизился и в основном лежит на уровнях: низкий и ниже среднего (21,16-31,27 %). Кроме этого, в этой группе появились студенты и с отрицательным отношением к занятиям физической культурой (1,77% юношей, 1,72% девушек) [1]. Подводя итог анализа анкетирования, изучая интерес к занятиям физической культурой количество студентов с высоким, выше среднего и средним уровнями отношения к физической культуре в группе занимавшихся онлайн на 15-20% больше, чем в

группе занимавшихся офлайн.

Таким образом, результаты проведенного анализа показали высокую эффективность проведения занятий физической культурой с использованием практических онлайн занятий, которые в дальнейшем можно использовать как методическую и практическую основу для внедрения в практику работы вузов в условиях изоляции [1].

Данные, которые мы представили выше, дают нам возможность судить о том, что студенты, занимавшиеся онлайн, намного лучше сохранили свои физические показатели в отличие от студентов занимавшихся офлайн. Полученные нами данные в результате анализа показывают, что применение во время самоизоляции занятий онлайн в отличие от занятий офлайн оказали фактическое влияние на поддержание и даже улучшение функциональных, психоэмоциональных и физических показателей студентов. Это говорит об эффективности использования дистанционных онлайн практических занятий в условиях самоизоляции, оказывающих положительное влияние на качество жизни студентов [1] в отличии от занятий проводимых офлайн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайруллин Р.Р. Повышение качества жизни студентов вузов культуры средствами физкультурно-оздоровительных практик: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2020. 24 с.
2. Хайруллин Р.Р. и др. Формирование адаптации студентов к жизни вуза средствами физической культуры / Хайруллин Р.Р., Сироткина О.В., Калимуллина О.А. В сборнике: Сборник материалов Международного саммита по культуре и образованию, посвященного 50-летию Казанского государственного института культуры. Материалы научно-практических конференций. Под научной редакцией Р.Ш. Ахмадиевой, З.М. Явгильдиной. 2019. С. 79-82.
3. Калманович В.Л., Хайруллин Р.Р., Имангулов Р.Ш. Взаимосвязь стрессоустойчивости и физического развития студентов творческих вузов Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2. С. 138-140.
4. Ахметгареева Р.К., Битшева И.Г., Болотников А.А., Калманович В.Л., Мугаттарова Э.Р., Хайруллин Р.Р. Повышение мотивированности к занятиям, как важнейшее условие формирования потенциала культуры физической у студентов // Казанская наука. — 2016. — №11. — с. 133-135.
5. Мугаттарова Э.Р., Тагиева З.Н., Минниханова А.С. Применение оздоровительных технологий на занятиях физической культуры со студентками КГАСУ / В сборнике: физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию КНИТУ-КАИ. 2016. С. 513-516.

© Хайруллин Рафаэль Равилевич (89053146495@mail.ru), Туманина Наталья Викторовна (9050227175@mail.ru), Гарифуллин Руслан Шамилович (rus-garifullin@yandex.ru), Севодин Сергей Васильевич (sevodins@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОНОМАТОПОВ В РУССКОМ И КУМЫКСКОМ ЯЗЫКАХ

Алиева Самая Азеровна

к.филол.н., доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
samaya.alieva.00@mail.ru

ETYMOLOGICAL ASPECT OF ONOMATOPEES IN RUSSIAN AND KUMYK LANGUAGES

S. Alieva

Summary: The article is devoted to the study of Russian and Kumyk onomatopoeic words in etymological aspect. The unequal quantitative composition of onomatopoes in the languages of different systems depends on linguistic and extra linguistic reasons. The onomatopoeic nature of words in some cases is not realized by modern speakers of Russian and Kumyk languages. A large number of such words can be found among ornithonyms. This is due to the processes deiconization and denaturalization, when onomatopoes lose the connection between sound and meaning.

Keywords: denaturalization, motivation, composite, onomatop, phonosemantic analysis, etymon.

Аннотация: Статья посвящена исследованию русских и кумыкских ономатопоэтических слов в этимологическом аспекте. Неодинаковый количественный состав ономатопов в разносистемных языках зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов. Звукоподражательная природа слов в некоторых случаях не осознается современными носителями русского и кумыкского языков. Большое число таких слов можно обнаружить среди орнитонимов. Это происходит вследствие процессов деиконизации и денатурализации, когда ономатопы утрачивают связь между звуком и значением.

Ключевые слова: денатурализация, мотивированность, композит, ономапо, фоносемантический анализ, этимон.

Ономапоэтические слова, являющиеся составной частью звукоизобразительной лексики и имеющие многовековую историю изучения, недостаточно исследованы в этимологическом плане. Этим же объясняется и тот факт, что в этимологических словарях роль звукоподражания значительно занижена. Подобное явление, как полагает С.В. Воронин, связано как с «маскировкой» звукоизобразительной природы слова вследствие его денатурализации, так и некритичным отношением к мнению Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака [1, с.63].

Цель настоящей статьи – сопоставить этимоны звукоподражательных слов в русском и кумыкском языках.

Материалом для исследования послужили данные Этимологических словарей русского языка, Этимологического словаря тюркских языков. Кроме того, привлекался и Кумыкско-русский словарь.

Ономапопы неодинаково представлены в количественном плане в различных языках. Достаточно много звукоподражательных слов, в частности в тюркских языках, в том числе и в кумыкском. Меньше встречается ономатопов в славянских языках. Несовпадающий состав и объем звукоподражательной лексики в различных языках, по мнению А.В. Красновой, зависит от ряда лингвистических и экстралингвистических факторов [2, с. 23]. Значение имеют и фонетические системы языков.

Исследователь тюркских языков К.Ш. Хусаинов полагает, что на количество звукоизобразительных слов оказывает влияние специфика грамматического строя [3, с. 163]. Следует отметить, что речь идет, прежде всего, о собственно звукоподражаниях (примарно мотивированных). Ономатопоэтическая лексика включает, помимо подобных слов, слова морфологически оформленные, которые утратили примарную мотивированность вследствие денатурализации и деиконизации.

Звукоподражательная природа слова (в том числе его этимология) может быть выявлена с помощью предложенного С.В. Ворониным метода фоносемантического анализа [1, с. 68]. Обратимся к конкретным примерам.

Гусь – родственная утке крупная дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей. Из праславянского *gъсь, восходящего к индоевропейской основе *ghans, звукоподражательной по происхождению (по характерному крику птицы) [4, с. 202]. Звукоподражательный характер слова отмечает и П.Я. Черных [5]. На вероятность звукоподражательного происхождения кумыкской лексики къаз «гусь» указывают и материалы словарной статьи Этимологического словаря тюркских языков, где а:з переводится как «гусь, лебедь, утка». Однако современными носителями русского и кумыкского языков ономатопоэтический характер слов гусь и къаз не осознается.

Интерес представляет и орнитоним *қарға* – название птиц семейства вороновых. Многие тюркологи указывают на оноματοпозитическое происхождение данного слова, восходящего к подражательному этимону *қъакъ* [6]. Лексему *қарға* в значении «ворона» приводит в своем словаре М. Фасмер [7]. В русском языке большинство этимологов отмечают звукоподражательный характер слова *ворона*. Лексемы *ворона* и *қарға* относятся к межъязыковым биолингвистическим параллелизмам. Данные орнитонимы тяготеют к двум лексическим основам *вар-вор-вра* – как результат славянские названия *ворона* – *врана* и *кар-кра-кор*. Второй тип основы более характерен для романских и тюркских языков. Сравним французское *corneille* и кумыкское *қъаргъа*. Несмотря на то, что и в этимологическом словаре П.Я. Черных [5, с. 380] отмечено значение *ворона* у лексемы *қарға*, тем не менее, существительное *қарға* в основном используется при переносном употреблении в значении «злая, сварливая, безобразная старая женщина». Слово стилистически маркировано и имеет пометы прост., бран. Образность семантики составляет один из критериев при фоносемантическом анализе слов. Различия в орнитонимах «обусловлены несхожестью восприятия голосов птиц людьми, говорящими на разных языках» [8, с. 12].

В современном русском языке существует немало орнитонимов, восходящих к звукоподражательным этимонам. Среди них можно отметить лексему *кеклик*, которая обозначает каменную куропатку. Данное название широко представлено в тюркских языках в разных фонетических вариантах: *кэклик*, *киклик*. Многие тюркологи отмечают звукоподражательное происхождение этого слова, так как звуки, издаваемые кекликом, напоминают *как-калик*, *каклик*. В одном из тюркских языков (киргизском) имеется звукоподражание пению каменной куропатки *кекилик-кекилик*. Лексема *кеклик* может выступать и в качестве фитонима. *Кэкликкоту* «трава куропатки, чабрец [6, с. 62].

В кумыкском языке нами не обнаружено специального слова для обозначения данного вида куропатки. В языке существует композит *қъыртавуқъ* «куропатка, букв. дикая курица». Приведенная кумыкская лексема не содержит звукоподражательного корня, в отличие от русского орнитонима *куропатка*, в котором можно отметить сразу два звукоподражательных этимона *кур+пат*. Первая часть этого сложного в этимологическом отношении слова *кур-* представляет собой старое название петуха, послужившее основой и для других звукоподражательных орнитонимов: *кура*, *курица*. Вторая часть – *пат* – это вокатив, который используется для подзыва уток.

В некоторых случаях в этимологических словарях можно обнаружить небольшие расхождения в этимонах звукоподражательных слов. В этом отношении показа-

телен пример с орнитонимом *жаворонок*. Не отрицая в целом оноματοпозитическое происхождение данного слова, авторы этимологических словарей приводят различное объяснение.

Жаворонок – маленькая певчая птица отряда воробьиных. Слово имеет общеславянский звукоподражательный корень. Такой корень содержится в слове **skvorьсь*. В конечном итоге орнитоним *жаворонок* соотносится с **skevran(ъk)ъ*. Однако после очень ранних фонетических преобразований это слово сближается с лексемой *ворон*. Так считает П.Я. Черных [5, с. 290]. По мнению М. Фасмера, слово *жаворонок* состоит из двух частей, при этом вторая часть произошла от *ворон*, а первая содержит звукоподражание, связанное с *гавронь* «ворон». [7, с. 32]. Схожее объяснение приводят в своих словарях Г.П. Цыганенко [9] и А.К. Шапошников [4]. Лексема *жаворонок* образована суффиксальным способом от утраченного слова *жаворон*, в котором в свою очередь можно выделить два корня: *жай+ворон*. При этом оноματοпозитическую составляющую, как полагают авторы словарей, имеет только первая часть *жай*.

Интересно в этимологическом плане и слово *жук*, в котором ряд этимологов [7, 9] видит звукоподражательную природу. Лексема представляет собой суффиксальное производное от звукоподражания *жу-*. Это же звукоподражание послужило основой для образования оноματοпозитического глагола *жужжать* и звукоподражательного существительного *жужелица*. Однако не все лингвисты согласны с подобной точкой зрения. Так П.Я. Черных [5, с. 307] полагает, что ввиду того что большая часть жуков безгласна, этимон *жу-* в данном случае не является звукоподражательным. Иную трактовку приводит А.К. Шапошников, который считает, что слово *жук* в этимологическом отношении соотносимо со словом *говѣдо* и соответственно с домашними животными – козами и быками. Мы придерживаемся мнения тех лингвистов, кто отмечает у этимона *жу-* звукоподражательное происхождение.

В русском и кумыкском языках существует немало слов, которые восходят к звукоподражательным корням, однако вследствие денатурализации не осознаются современными носителями языка как имеющие звукоподражательную природу. Значительное количество таких слов можно обнаружить среди орнитонимов.

Клёст – небольшая лесная птица с перекрещивающимися концами клюва. Свое звукоподражательное название, по мнению ряда этимологов [4, 7], получила от устаревшего праславянского глагола **kleskac* «хлопать, бить в ладоши». Еще одним показательным в этом отношении орнитонимом является лексема **коростель** – это средних размеров птица имеет и другое название *дергач*. Данный орнитоним восходит к звукоподражанию

*korstěljь; *kъrsteljь. Подобные скрипучие звуки издает самец птицы. [5, с. 432].

В кумыкском языке русским наименованиям *коро-стель* и *дергач* соответствует один орнитоним «тартар», который имеет звукоподражательную природу и образован путем редупликации. Интересным является и то, что кумыкская лексема *тартар* может употребляться и в переносном значении «тараторка». В языке существует и пословица *Тартарны тили башына яв*. «Коростель навивает беду из-за своего языка». [10, с. 291].

Композитное образование представляет собой и другой кумыкский орнитоним *тонкътонккъуш* «дятел». Название птица получила вследствие звуков, которые дятел производит своим клювом по дереву. В русском языке слово *дятел* соотносят с глаголом *долбить*. Птицу так назвали из-за ударов, которые она наносила по стволу дерева. В современном русском языке вследствие процессов денатурализации и деиконизации в орнитониме *дятел* сложно обнаружить звукоподражательную основу.

Несмотря на то что звукоподражательные слова в русском и кумыкском языках не имеют полного тождества вследствие различий в фонетических системах и грамматическом строе, тем не менее, они [ономотопы] относятся к универсальному пласту лексики. Этим объясняется в некоторой степени и «структурное сходство лексем с одинаковыми или практически одинаковыми лексическими значениями» [11, с. 46].

Исследование русских и кумыкских ономотопов в этимологическом отношении – вопрос перспективный и многоаспектный. В обоих языках существует немало слов, восходящих к звукоподражательным корням и не осознающихся ономотопэтическими современными носителями русского и кумыкского языков. Особенно велико количество таких лексем среди орнитонимов. Подобное явление объясняется тем, что в результате постепенных процессов денатурализации и деиконизации ономотопы утрачивают связь между звуком и значением (примарную мотивированность). Иконические знаки в ряде случаев становятся конвенциональными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Этимология и фоносемантика (на материале тюркских и некоторых других языков) // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.62-70.
2. Краснова А.В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2018. – 186 с.
3. Хусаинов К.Ш. О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С.158-163.
4. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: В 2 т. Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. Т.1. – 624 с.
6. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «к». Вып.1. Отв. ред. д.ф.н. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.2. (Е-Муж). Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.
8. Силаева О.Л., Вараксин А.Н., Ильичев В.Д. Имитационные взаимоотношения между человеком и животными. Акустический анализ. – М.: РУДН, 1999. – 49 с.
9. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.
10. Кумыкско-русский словарь: Более 30000 слов. Сост. Б.Г. Бамматов, Н.Э. Гаджихмедов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 523 с.
11. Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд филол. наук. – СПб, 2015.Т.1. – 223 с.

© Алиева Самая Азеровна (samaya.alieva.00@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БАДРУТДИН МАГОМЕДОВ: НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

BADRUTDIN MAGOMEDOV:
THE BEGINNING OF A CREATIVE PATH

I. Alkhlovova

Summary: The article presents the biographical milestones of the modern Kumyk poet Badrutdin Magomedov; the formation of the beginning of his creative activity is considered. The subject matter and problems of poetic texts are analyzed, attention is focused on the translation activity of the author.

Keywords: Badrutdin Magomedov, Dagestan literature, modern Kumyk poetry, Kumyk language, early creativity, translation activity, figurative language system.

Алхлавова Инна Хумкерхановна

к.филол.н., н.с., ИЯЛИ ДФИЦ РАН

inna.atavova@bk.ru

Аннотация: В статье представлены биографические вехи современного кумыкского поэта Бадрутдина Магомедова; рассматривается формирование начала его творческой деятельности. Анализируется тематика и проблематика поэтических текстов, акцентируется внимание на переводческую деятельность автора.

Ключевые слова: Бадрутдин Магомедов, дагестанская литература, современная кумыкская поэзия, кумыкский язык, раннее творчество, переводческая деятельность, образная система языка.

Бадрутдин Магомедов один из известных современных кумыкских поэтов. Он родился в 1943 году в селении Какамахи Карабудахкентского района. До того, как его отец Темаев Магомед уехал на фронт, они жили в с. Какамахи (как известно, Какамахинское городище существовало еще во времена Хазарского каганата. Изначально село называлось Къабармахи. Оно произошло от названия одного из хазарских тухумов Къабар, оставшегося на этой местности, когда хазары покинули Дагестан. Б. Магомедов это особо выделял, когда рассказывал о родном селе. Поэт в своих воспоминаниях делился, что в каждом своем сне он видел родное село, сравнивал его с началом огромной реки). После того, как отец без вести пропал, бабушка Бадрутдина Даражат забрала внука с матерью в с. Какашура, где поэт провел свое детство. Он окончил школу-интернат на медаль в с. Карабудахкент. Начало его творческой деятельности совпало со службой в Краснознаменной Каспийской флотилии в городе Баку (1963 – 1967). Три года из четырех он был комсоргом корабля, экипаж которого состоял из восьмидесяти шести человек. За систематические успехи в боевой и политической подготовке в дивизионе корабль называли «флагманским». После завершения службы он вернулся домой и стал работать инструктором Карабудахкентского райкома комсомола.

В 1967 году окончил с отличием Центральную международную Комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в Москве. В 1972 году окончил филологический факультет Дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина. Работал редактором кумыкского вещания Гостелерадиокомитета, заведующим литературной частью Кумыкского музыкально-драматического театра им. А.-П. Салаватова, редактором кумыкского выпуска журнала «Литературный Дагестан». С 1978 по 1981 г. – препода-

ватель литературного кумыкского языка в Кумыкской студии при Московском театральном училище им. Щукина, а с 1987 года – редактор художественной литературы на кумыкском языке Дагестанского государственного книжного издательства. О редакторской деятельности поэта положительно отзывался Юсуп Идрисов: «Более двадцати лет Бадрутдин Магомедов часами сидит над рукописями, выбирая самые достойные среди них, затем пропускает через свое сердце и дает дельные советы авторам. Удивительно, что посреди этого каждодневного рутинного труда, помимо которого поэту приходится принимать целые делегации разного рода просителей от земляков до нуждающихся в советах и поддержке молодых авторов, Бадрутдин выкраивает время и для собственного творчества, активно пишет и переводит» [3]. Так ответственно он подходил к своей редакторской деятельности. В период работы преподавателем при Щукинском училище Б. Магомедов часто встречался с Р. Гамзатовым. В одну из таких встреч Р. Гамзатов предложил ему поступить на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького, где в свое время учились Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, В. Быков, Шарип Альбериев, Аткай Аджаматов и другие известные писатели. Б. Магомедов последовал совету Р. Гамзатова и первого сентября 1979 года стал слушателем курсов. Вместе с ним учились два иностранца. Один из них Суренджав Шаравын, который перевел стихи Б. Магомедова на монгольский язык.

Бадрутдин Магомедов – лауреат Государственной премии РД, заслуженный работник культуры, член Союза писателей СССР с 1977 года. Член правления Союза писателей РД. Стихи на кумыкском языке публикуются с 1963 года на страницах республиканских периодических изданий. В 1968 году выходит в свет первый поэтический

сборник на родном языке «Доля» («Талигъ»). В последующие годы поэтом изданы книги стихов на кумыкском языке: «Слезы ночи» («Гечени гёзьяшлары»), 1972, «Шутки зимы» («Къышны маскъаралары»), 1974, «Медовые корыта» («Балчаралар»), 1981, «Радость» («Сююнчю»), 1985, «Письмо отцу» («Атама кагъыз»), 1988, «Окно в небо» («Пурха терезе»), 1990, «Полуденная молитва» («Тюш намаз»), 1993, «Бессмертник» («Сёнмесгюл»), 2000, «Избранное» («Сайламлы асарлары»), 2004 (в 2-х томах), «Оборванное стремя» («Узьюлген оьзенги»), 2008, «Муки рая» («Женнетни азабы»), 2017. Поэтический сборник «Шутки зимы» («Къышны масхарасы»), 1974) посвящен юным читателям. Творчество поэта хорошо известно и русскому читателю, ибо изданы книги стихов и на русском языке: «Третья красота» (1981), «Тропа» (1988), «Благая весть» (1991), «Душа в поднебесье» (2010), «Меж двух миров» (2013), «Муки рая» (2017). Стихи Б. Магомедова переводили: Вл. Артемов, П. Кошель, Ю. Мориц, В. Бояринов, А. Королев, Н. Лясковская, В. Топоров, В. Хатюшин, В. Юршов и др. Также произведения Б. Магомедова были переведены и изданы в Венгрии (2003).

Большое место в творчестве поэта занимает его переводческая деятельность. Брехт и Островский, Есенин и Высоцкий, Евтушенко и Лорка – кумыкский читатель может ознакомиться с мировой классикой на родном языке. Бадрутдин – признанный шекспировед. Им переведены на кумыкский язык и изданы отдельными книгами трагедии В. Шекспира «Гамлет» и «Макбет». Прежде чем приступить к переводу, поэт ознакомился с книгой «Достоинства и недостатки перевода «Гамлета», изучил тюркские переводы. «Гамлет» был переведен на русский язык сорок один раз, но одним из лучших переводов Б. Магомедов считал перевод Б. Пастернака. Мастерски переведя «Гамлета» и «Макбета» на родной язык, Бадрутдин сравнивал свой перевод с переводом Б. Пастернака и убедился в том, что кумыкский язык не беднее великого русского языка, даже наоборот. «Гамлета» и «Макбета» поэт переводил с подстрочного перевода Михаила Морозова, которого англичане считают самым первым шекспироведом. Так, переводы Б. Магомедова получили хорошую оценку таких профессоров и критиков как Камал Абуков, Камиль Ханмурзаев, Ибрагим Керимов. «Если бы не этот перевод «Гамлета», я бы не смог написать поэму «Муки рая», - признался Бадрутдин, - «это углубило мою борозду». Стоит отметить, что Шекспир был переведен еще и Т. Бейбулатовым («Отелло» и «Ромео и Джульетта»).

Со школьной скамьи поэта мучило мнение некоторых учителей, интеллигентных людей, ученых-исследователей, что кумыкский язык – «бедный» язык. Бадрутдин утверждал, что бедных языков не бывает. Бедными он считал тех, кто не знает свой родной язык. После перевода на родной язык «Гамлета» и «Макбета» В. Шекспира, его приглашали в Британский Королевский Центр Шекспира, расположенный в городе Страдфорде-на-Эйвоне,

Англия. Пьеса «Макбет» поставлена в Кумыкском музыкально-драматическом театре.

Б. Магомедов – гордость кумыкского народа, знаток творчества М. Ю. Лермонтова, В. Шекспира, В. Брехта, Г. Лорка. Им переведены пьесы Б. Брехта «Что тот солдат, что этот», В. Розова «Четыре капли», А. Островского «Бешеные деньги», М. Горького «Фальшивая монета». Из русской классики поэт перевел на кумыкский язык «Сказку о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, стихотворения и поэмы М. Лермонтова, Г. Лорки, А. Тарковского, С. Есенина, Е. Евтушенко, В. Высоцкого и др. Кумыкский читатель может ознакомиться с мировой классикой на родном языке.

Деятельность Б. Магомедова по популяризации национальной культуры, литературы, произведений дагестанских авторов не ограничивалась рамками Дагестана и Российской Федерации. В разные годы он представлял республику Дагестан, российскую культуру и литературу на таких международных форумах, как юбилей Низами Гянджеви (Азербайджан), «Дни Тараса Шевченко» (Украина), юбилей тюрколога Юлиуса Немета (Венгрия) и др.

Творчество Бадрутдина давно и заслуженно получило российское и международное признание. Он – лауреат премии журнала «Дружба народов» за 1981 год (за цикл стихов в переводе П. Кошеля), дипломант фестиваля германских пьес в СССР в 1981 году (за перевод пьесы Б. Брехта «Что тот солдат, что этот»), лауреат премии Организации по развитию тюркской культуры и искусства «За вклад в культуру тюркоязычного мира» (2006 г., Анкара), член-корр. Международной академии информатизации, член Международного центра Шекспира в Страдфорде-на-Эйвоне. За большой вклад в укрепление дружбы народов и литератур Клубом кавказских писателей Б. Магомедову в 2013 году было присвоено звание «Народный поэт Кавказа».

Голос Б. Магомедова, который креп с каждым годом на протяжении всего творческого пути, имел свою яркую и неповторимую окраску. Окружающий мир автор видел по-современному широко и объемно, в обнажении неожиданных связей и явлений, открывавшиеся зоркому глазу истинного поэта:

В сырых глубинах черной высоты
Пробьется зов пылающей звезды,
И на ее далекий слабый вскрик
Стремительно откликнется родник [6].
(перевод П. Кошеля)

Рассказывая порой о, казалось бы, обыденном и неприметном, он находил выход для глубоких и масштабных (космических) мыслей:

Я расскажу про свой аул,
Как он в ущелье прикорнул, –
Малютка на гигантском ложе –
И если любишь отчий край,
Ты не понять меня не сможешь [6].
(перевод П. Кошеля)

Внимательному читателю понятны боли и радости, которыми самозабвенно жил поэт. На наш взгляд, в этом и заключается секрет популярности его творчества на родине. Однако, как известно, духовное богатство одного народа не может одновременно не стать и достоянием других.

В 1981 году лучшие стихи Б. Магомедова были переведены и вышли отдельной книгой в московском издательстве «Современник». Объявленная в них жизненная позиция не может не привлечь своей определенностью и бескомпромиссностью:

... будь бесстрашен перед бедой,
Чтобы даже и умереть,
Осененному красотой [6].
(перевод П. Кошеля)

У Бадрутдина сильные национальные корни и в то же время он был космополитом – человеком планеты, вселенной, целого мироздания. Он не мыслил себя в отрыве от всего этого. У него весьма образная поэзия: поэт не только писал, но и говорил метафорами, эпитетами, сравнениями, олицетворениями. Б. Магомедов вобрал в себя достижение народной поэзии, поэзии кумыкской, дагестанской, вообще мировой поэзии. Он пропускал через себя возникновение жизни на планете (так, земля, люди возникли из пепла, поэтому в каждом человеке таится тепло, космическое тепло, сближающее людей, делающее значимыми на этой земле). Интригуют весьма интересные сравнения и сопоставления автора: млечный путь, например, сравнивается со стогом соломы, месяц сравнивается с подковой кобылы. Зримые понятные образы он сближал с мировым пространством человека. Поэт творил и на протяжении всего творческого пути старался найти выход, объясняя людям, что только лишь добром, благородством, гуманностью можно оказать содействие сближению народов. Бадрутдин был поэтом, создавший поэзию трагического звучания, вобравший в себя традиции Й. Казака, В. Шекспира. Он был большим путешественником. Из-за длительных и дальних командировок его прозвали «лягуш-путешественник» (Юрий Никитин). Поэзия Бадрутдина обрела мировой резонанс. В какой бы стране, республике, городе он ни был (Камчатка, Казахстан, Турция, Англия), там издавались его стихи, о нем узнавали: «В моем роду никто не имел дела с книгами. Знали только плуг и кинжал». Эти слова принадлежат гостю «Камчатской правды» дагестанскому поэту, кумыку по национальности Б. Магомедову. После такого

признания впору подумать, что рождение поэта в глухом предгорном ауле Какамахи оказалось мало объяснимой случайностью. Но он наследовал свой род в такое время, когда жизнь его народа уверенно входило в новое русло. Наследник табунщиков и пахарей мог учиться. Но и ему довелось испытать не одно лишь литературное прищипье. Он был почтальоном, рабочим, служил на флоте, работал в комсомоле и в газетах. Окончил университет и Высшие литературные курсы» [5], – отметил главный редактор газеты «Камчатская правда» В. Кудлин.

С эпизодами частных встреч с Бадрутдином Магомедовым поделился Исрапил Исаев в статье «Бадрутдин – какой он есть...». Так, на вопрос «кому присваивается звание «Народный поэт», ведь Йырчи Казак не удостоен такого звания», Б. Магомедов ответил: «В эпоху Йырчи Казака такое звание не присваивалось, но до сих пор никому не удалось оседлать его крылатого Пегаса, ибо нужно обладать божественным дарованием, чтобы обуздать этого легендарного коня. Признание к поэту приходит само, если он выражает чаяния народа, а бегать по коридорам власти, выпрашивая это звание, не имеет смысла: грамота есть, но нет народной любви...» [4]. Приведем еще один эпизод, где поэт возвышенно говорит о красоте и богатстве родного языка: «Нет сомнения, нам всем дорог родной язык. Да будет славен первый поэт планеты Вильям Шекспир, который помог мне постичь богатство родного языка... А если быть точным, кумыкский язык – язык хлеба и душевной щедрости. Голодный солдат может воевать? Нет! Значит, чтобы воевать и побеждать, наравне с порохом, необходим хлеб. А кумыки своим хлебом щедро делились с мюридами имама Шамиля» [4], – пояснил поэт. Самая большая забота Б. Магомедова состояла в сохранении языка. Он выступал сторонником изучения родного языка в школах, написал несколько статей на эту тему. Поэт не только любовно сохранял кумыкский язык, но и сполна владел его образной мощью. Он опирался на народные изречения, мудрые определения, применял вышедшие из обихода слова и выражения, что в дальнейшем помогло ему выразить все многообразие идей и тем, которые он сумел донести до читателя.

Известный ученый, литературный критик, литературовед, переводчик А.-К. Абдуллатипов и кандидат филологических наук, доцент Л. А.-К. Шабаева, характеризуя творчество лирика, отметили, что «он был поэтом, обладавшим сильным лирическим чувством. Бадрутдин был горд минувшей историей своего народа, выдвинувшей таких фольклорных героев как Минкюллю, Айгази, исторических лиц как Й. Казак, Нухай, Уллубий, Зайналабид, а также участников Великой Отечественной войны: Мажита, Магомедзапира, Басира и др. Его волновали образы пророков Нуха, Мухаммада, а также Прометея, Данте, Фауста, Петра I. Б. Магомедов добрыми словами отзывался о своем тухуме, прославившемся тем, что обладал

медовыми корытами, о своем отце, погибшем на войне, о своих бабушке, бабушке, матери и других» [1].

От своих современников Бадрутдин Магомедов отличается свойственным только ему богатым, мягким, тонким, чистым кумыкским языком. Тематика и стиль произведений своеобразны, достаточно самобытны. Однако за ними все же просматриваются глубокие гуманистические традиции, встречающиеся в творчестве В. Шекспира, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова и многих других поэтов. Б. Магомедов с этими выдающимися личностями роднит философская направленность произведений, стремление разобраться в людях и окружающих явлениях. В своих произведениях он поднимает вопросы, волнующие человечество, и пытается на них ответить. Его творения переведены на русский, турецкий, грузинский и другие языки. «Бадрутдин не просто яркий и талантливый поэт, но и личность с четко сформированной жизненной позицией. Его произведения объединяют, с одной стороны, сила правды, высокий дух, конкретность мировосприятия, с другой – поэзия, выстраданная, искренняя, чувственная, пронесенная через собственное сердце, наполненная красотой художественного слова» [8], – отметил Агарагим Султанмурадов.

Б. Магомедов – сын своего народа, потому в его поэзии преобладают атрибуты сельской жизни, окружающей его природы. Обозначим, что автор в своих произведениях пишет о жизни «в космических масштабах, увязывает земную жизнь с космосом, говорит о своем народе, щедром как солнце, о том, как «на полях вселенной наша планета как цветок». В этих образах ощущается любовь поэта к нашей Земле» [1].

Не обошла вниманием творчество Бадрутдина Магомедова поэт, переводчик, литературный критик Миясат

Муслимова. Она обозначила, что «только очень большой поэт может сделать факт из судьбы человека явлением литературы. В контексте нашего времени, когда идеалы и смысл жизни старшего поколения если не преданы, то отброшены, когда земля стала предметом циничного торга, поэзия Бадрутдина – это искупление. Поэт отдал сполна дань уважения отцам и дедам за многих из нас, передав в наследство юным самое дорогое: «Я землю не владею, Золота не знаю, Пред тобой благоговею, Бородза святая! Прежде чем глаза смежу я, Дай, тетрадь открою! Внукам брошу за межу я Слово золотое» («Тетрадь»)» [7].

«В манере работы Бадрутдина есть нечто от кузнеца, неотлучно находящегося у горнила: ни изнурительная жара, ни неутолённая жажда, ни духота не расслабляет его страсть к труду. Так и Бадрутдин с монастырским терпением, самоотречением, изо дня в день куёт свои не так легко поддающиеся отделке строки и стихи, поэмы и тематические циклы – свою, ни на кого непохожую Поэзию, которую убежденно пишет с большой буквы» [2], – отметил писатель, критик и литературовед Камал Абуков.

Таким образом, мы пришли к выводу, что основными мотивами поэзии Б. Магомедова являются любовь и преданность земле отцов, родному языку. Готовность к самопожертвованию во имя высоких целей, призыв беречь и охранять родные истоки. В его поэзии наблюдается новое видение мира, стилистическое многообразие, расширение тематического диапазона, обновление образной системы. Творческий путь поэта ознаменован активными поисками форм художественной выразительности, освоением новых жанровых разновидностей, повышением верификационной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллатипов А.Ю., Шабиева Л.А. История кумыкской литературы (с 1941 по 1990-й год). III часть. Махачкала, 2019. 359 с., с. 235.
2. Абуков К.И. Ему в мундире будет тесно // Литературная Россия. №4 от 25 января 2005 г.
3. Идрисов Ю.Р. Меж двух миров Бадрутдина. Дагестанская правда. №32 от 21 авг. 2014 г.
4. Исаев И.М. Бадрутдин – какой он есть... Дагестанская правда. №34 от 27 сент. 2013 г.
5. Кудлин В.А. «Горит огонь родного языка». «Камчатская правда», №100, 29 апреля 1983 год.
6. Магомедов Б.М. Благая весть: Книга стихов / Перевод с кумыкского. – Ярославль: Содействие. 1991. – 256 с., с. 99.
7. Муслимова М.Ш. Творчество есть, по сути, молитва. Дагестанская правда №3 от 16 мар. 2011 г.
8. Султанмурадов А.М. Меж двух миров. Газета «Вокруг нас». №12 от 24 марта 2014 г.

© Алхлавова Инна Хумкерхановна (inna.atavova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АБСУРД КАК ПЕРИФЕРИЙНАЯ ПОТЕНЦИЯ ЯЗЫКА И ЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Клецкая Светлана Ильинична

к.филол.н., доцент, Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону)
kleckaja@inbox.ru

ABSURD AS A PERIPHERAL POTENTIAL OF THE LANGUAGE AND THE PHENOMENON OF DISCOURSE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

S. Kleckaya

Summary: The article analyzes speech absurdity as a product of conscious speech-generating activity and substantiates an approach to speech absurdity as a peripheral potential of the language system, which is realized in special discursive contexts. An absurd statement always retains a close connection with the language system, since it is built from its elements (words, morphemes, phonemes) and is a consciously constructed statement, and in the language system itself, factors can hardly be found that absolutely prevent the appearance of absurd expressions and statements. Discursive factors, that is, the inconsistency of absurd statements with typical, natural communicative tasks (transmission of information, expression of thoughts, emotions, etc.), play an obstacle role. As a result, the traditional concept of absurdity as a deviation is complemented by the concept of absurdity as a realization of the peripheral potentialities of the language system, which becomes possible in special discursive-pragmatic contexts.

Keywords: absurd, absurd statement, nonsense, meaningless statement, anomalous statement.

Аннотация: В статье анализируется речевой абсурд как продукт сознательной речепорождающей деятельности и обосновывается подход к речевому абсурду как периферийной потенциальной языковой системы, которая реализуется в особых дискурсивных контекстах. Абсурдное высказывание всегда сохраняет тесную связь с системой языка, поскольку строится из ее элементов (слов, морфем, фонем) и представляет собой сознательно конструируемое высказывание, а в самой системе языка вряд ли могут быть обнаружены факторы, абсолютно препятствующие появлению абсурдных выражений и высказываний. Препятствующую роль играют скорее дискурсивные факторы, то есть несоответствие абсурдных высказываний типичным, естественным коммуникативным задачам (передача информации, выражение мыслей, эмоций и т.д.). В результате традиционное представление об абсурде как отклонении дополняется представлением об абсурде как реализации периферийных потенциалов языковой системы, которое становится возможным в особых дискурсивно-прагматических контекстах.

Ключевые слова: абсурд, абсурдное высказывание, нонсенс, бессмысленное высказывание, аномальное высказывание.

Введение

Хотя в настоящее время существует множество работ, в которых абсурд анализируется с точки зрения лингвистики и литературоведения, современная наука не располагает адекватной и завершенной теорией абсурда как речевого явления. В частности, к настоящему моменту сложилась традиция трактовки абсурда как своеобразного «антиязыка», то есть асистемного явления, в основе которого лежат отклонение и нарушение [1; 5; 12]. Разумеется, речевой абсурд систематически нарушает конвенции, ожидания и правила. Однако такая точка зрения не учитывает того, что, во-первых, абсурдные высказывания строятся из языковых единиц (звуков, морфем, слов), то есть соотносятся с системой языка, а во-вторых, порождение таких высказываний является частью специфических речевых (дискурсивных) практик и эти практики являются устойчивыми и воспроизводимыми.

Материалом для исследования послужили абсурдные высказывания, порожденные в контексте научных

исследований (лингвистика, философия) и художественной литературы. При анализе конкретного языкового материала были применены такие методы, как моделирование, фонетический, графический, морфологический, синтаксический, семантический, системно-структурный, коммуникативно-прагматический, контекстуальный и дискурсивный анализ.

Результаты и обсуждение

В настоящее время существует две дискурсивные сферы, в которых абсурдные высказывания получили устойчивое, хотя и относительно узкое распространение. Во-первых, это лингвистический и философский контексты, в которых абсурдные высказывания используются в качестве негативного языкового материала. Во-вторых, это дискурс художественной литературы, в которой выработались особые традиции, связанные с культивированием абсурда. Произведения фольклора (ср. пословицы *Ехала деревня мимо мужика; Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела; В огороде бузина, а в Киеве дядька* и под.), а также заговоры, детские считалки,

в которых речевой абсурд может принимать еще более радикальные формы) относительно периферийны для современной речевой культуры, а потому в рамках данной статьи от их подробного анализа мы отвлечемся.

1. Абсурд и бессмыслица как негативный языковой материал. Классическими примерами такого использования абсурда являются фраза Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка* и фраза Н. Хомского *Colorless green ideas sleep furiously* (*Бесцветные зеленые идеи яростно спят*). Принцип построения этих фраз заметно различается. Н. Хомский использует общеупотребительные английские слова, которые соединяются в соответствии с правилами английского синтаксиса, а аномальность фразы возникает в силу их лексической несочетаемости. Напротив, Л.В. Щерба за счет своеобразной симуляции корневых псевдоморфем полностью нивелирует лексический аспект предложения, выводя на первый план его морфолого-синтаксическую структуру, а также словообразовательную структуру входящих в него псевдолексем. Однако в обоих случаях мы имеем дело с нетипичными высказываниями, которые не поддаются интерпретации в полном смысле этого слова.

Имеются и другие, менее известные лингвистические примеры. В этом ряду можно упомянуть фразу *Le silence vertebral indispose la voile licite* (*Позвоночное молчание вызывает недомогание у законного паруса*), придуманную Л. Теньером; созданную Э. Ингрэмом в 1903 г. фразу *The gostak distims the doshes*; фразу Г.А. Лескиса *Под стурической стурой стурой стурсы стурается стуренность стураций о стурах между стурами и между стурными стурениями этой стурсы*; фразы Ч. Фриза *Woggles ugged diggles; Uggs woggled diggs; Woggs diggled uggles* и т.д.

К этим примерам собственно лингвистического использования абсурда/бессмыслицы примыкают примеры, возникшие в философском контексте. Мы имеем в виду заведомо ложные, аграмматичные или бессмысленные высказывания, а также псевдовысказывания, представляющие собой комбинации несуществующих псевдослов, не обязательно формально напоминающих реальные слова, например: *Quadruplicity drinks procrastination* (*Учетверенность пьет промедление*, Б. Рассел, «Исследование значения и истины»), *Caesar is and, Caesar is a prime number* (*Цезарь есть и, Цезарь есть простое число*, Р. Карнап, «Преодоление метафизики логическим анализом языка»), *Saturday is in bed* (*Суббота в постели*, Г. Райл, «Философские аргументы»), *Piroten karulieren elatisch* (Р. Карнап, «Логический синтаксис языка»), *Justice is red* (*Справедливость красная*, Р. фон Мизес, «Краткий учебник позитивизма»), *No ozderst is red, Ozderst vwxo ahlazza* (С.Дж. Оделл, «Нонсенс»), *Самовар доказывает галку* (А.Н. Колмогоров) и др. К этой категории случаев примыкают также примеры абсурдных высказываний и

выражений, анализируемые Э. Гуссерлем, идеи которого лишь отчасти пересекаются с проблематикой аналитической философии: *круглый квадрат, König aber oder ähnlich und* (букв. *Король но или похожий и*).

Специфичность последней группы высказываний заключается в том, что они изначально конструируются для иллюстрации не столько собственно-языковых аспектов, сколько логических проблем, находящихся в тесной связи с языковым выражением. Тем не менее, в формальном и смысловом плане мы вряд ли можем обнаружить существенные различия между абсурдными высказываниями, возникающими в лингвистическом и философском контекстах. Эти высказывания выполняют иллюстративные функции и реализуют периферийные потенции языковой системы, которые в силу разных причин не реализуются в обычном общении.

При оценке подобных примеров представляется принципиально важным исходить из того, что они являются искусственно сконструированными. Речь не идет об ошибке, которая была извлечена из реального высказывания и подвергнута анализу. Примеры анализа таких ошибок имеются в аналитической философии (см., разбор Карнапом философских положений Хайдеггера [2]), однако они составляют особую категорию явлений. Если ошибка представляет собой следствие дефекта в языковой компетенции или мышлении того, кто ее породил, то в примерах, вроде приведенных ранее речь идет о намеренно сконструированных высказываниях и выражениях. Такие фразы и выражения, будучи, по сути, негативным языковым материалом, остаются продуктами осознанного речепорождения, функционирующими в особых контекстах, и при этом могут получать широкую известность и регулярно воспроизводиться.

2. Абсурд и бессмыслица в эстетическом контексте. Выражения и высказывания, построенные по аналогичным принципам, мы обнаруживаем в художественной литературе. В качестве примера можно привести стихотворение «Jabberwocky» Л. Кэррола («Бармаглот» в русском переводе Д. Орловской), сказки Л.С. Петрушевской, среди которых наибольшую известность получила сказка «Пуськи бятые» (*Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку...*), опыты авангардистов и футуристов, например, стихотворение А.Е. Крученых «дыр бул щыл...» или стихотворение «Ursonate» Курта Швиттерса (*Fümms bö wö tää zää Uu, // pögiff, // kwii Ee...*), и т.д.

Тот факт, что потенции языковой системы порождают абсурд и бессмыслицу нашли своеобразное «признание» и применение именно в художественной литературе, представляется неслучайным. Языковой абсурд даже в самых его радикальных формах родствен вымыслу, фантастике и лжи. Разумеется, вымысел (включая фантасти-

ку) и ложь предполагают особые прагматические установки и эксплуатируют способность языка описывать несуществующие явления. Объединяет их с речевым абсурдом то, что во всех случаях речь идет об особых возможностях языка, позволяющих выйти за пределы «нормальной» коммуникации, подчиненной потребностям непосредственного взаимодействия. Заслуживает упоминания также то, что многочисленные попытки семантизации фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously*, созданной как лингвистический пример, исходят из восприятия этой фразы если не как поэтической, то как образной и в значительной части случаев предполагают ее помещение в реальный поэтический контекст, который намеренно для этого создается (обзор см. в работе [10]). Возможность такого изменения контекста свидетельствует о родстве абсурда в эстетическом контексте и с абсурдом как негативным языковым материалом, и с поэтической речью.

Впрочем, это не означает, что проявления абсурда в лингвистическом и философском контексте абсолютно тождественны абсурдным высказываниям в художественной литературе. Подобное отождествление может быть обнаружено в некоторых работах, ср.: «В 80-е годы XX века у глокой куздры появился конкурент — пуськи бьятые. Таково название впервые опубликованной в „Литературной газете“ юморески Людмилы Петрушевской...» [3, с. 138]. У этого суждения, несомненно, имеются основания, однако такое сближение не учитывает некоторые важные моменты. Единственное, что объединяет фразу Л.В. Щербы и текст Л.С. Петрушевской, — это общий формальный принцип, на основании которого они построены. И этот принцип, перенесенный из лингвистического контекста в контекст художественной литературы, приобретает иное наполнение и иную прагматическую нагрузку.

Для Л.В. Щербы задача состояла в демонстрации значимости морфологии при понимании предложения, в своеобразном «высвечивании» его морфолого-синтаксического «скелета», для Л.С. Петрушевской — в создании необычного, привлекающего внимание и стимулирующего воображение игрового текста. Предложение, придуманное Л.В. Щербой, с точки зрения его замысла принадлежит к метаязыковому измерению, тогда как в тексте Л.С. Петрушевской на первый план выступает собственно коммуникативное воздействие, которое осуществляется нестандартным образом и предполагает как интеллектуальную, так и эмоциональную реакцию (удивление, недоумение, смех). Занимательность, которая в примере Л.В. Щербы важна лишь в качестве вспомогательного инструмента осуществления дидактической функции, в тексте Петрушевской выступает на первый план, а вопрос о том, как «сделан» этот текст, принципиальный для лингвистического примера, наоборот, вытесняется на периферию (хотя, конечно же,

может быть поставлен).

Почему такие явления возможны? Любое абсурдное высказывание в той или иной степени опирается на систему языка, поскольку использует в качестве «строительного материала» те или иные элементы языковой системы. При этом система языка не содержит жестких ограничений, которые налагали бы абсолютный и непреодолимый запрет на создание таких выражений, как *квадратный круг* или *colorless green ideas*. Даже если аномальность таких выражений определяется не внешними факторами (то есть невозможностью найти для них референт или логической противоречивостью), а внутренними свойствами языковых единиц (то есть лексической сочетаемостью), мы все равно не вправе утверждать, что язык не допускает создания таких выражений. Само наличие таких выражений свидетельствует о том, что они возможны.

Даже в таких, казалось бы, радикальных случаях, как *дыр бул щыл* Крученых, связь с речью и языком не преодолевается. Во-первых, мы осознаем и саму знаменитую строку, и само стихотворение как высказывания, за которыми скрываются определенные намерения (эпатаж, исследование возможностей языка и т.д.). Даже если мы полностью отказываем этому произведению в эстетической или историко-литературной ценности, мы вряд ли вправе отрицать тот факт, что оно является высказыванием и фактом речи.

Во-вторых, зависимость от системы языка проявляется в том, что Крученых использует звуки русского языка. Сам Крученых осознавал это, поскольку, согласно одной из автоинтерпретаций знаменитого стихотворения, оно представляет собой «квинтэссенцию русской фонетики» [4]. Он использует графику русского языка, которая отклоняется от письменной нормы лишь незначительно (*щыл*), и это не нарушает фонетических принципов русского языка — стихотворение Крученых предназначено для декламации и не содержит элементов, которые нельзя было бы произнести.

Наконец, в-третьих, используя «алгоритм», заложенный в *дыр бул щыл* (или лежащую в его основе фонетико-графическую структуру, становящуюся своего рода грамматикой), мы можем создать едва ли обозримое множество аналогичных «высказываний»: *кам суг фыр*, *бар мыф гоб* и т.д. Последнее означает, что высказывание *дыр бул щыл* становится образцом, на основании которого могут создаваться аналогичные высказывания и тексты. Прямолинейное копирование фонетико-графической структуры стихотворения Крученых вряд ли имеет смысл, однако сам факт существования подобных явлений в разнообразных текстах начиная от фольклора (детские считалки, заклинания, см. примеры в работе [7]) и заканчивая современной поэзией (заумь, конкретная

поэзия) свидетельствует о том, что за бессмысленными и абсурдными высказываниями обнаруживается продуктивная модель.

Последний момент нуждается в пояснении. Языковая практика абсурда оказывает обратное воздействие на дискурс. Сам факт существования таких выражений или высказываний (не так важно, возникли они случайно или были сконструированы намеренно) задает возможность того, что подобное речевое поведение будет воспроизведено в будущем.

В этом отношении заслуживают внимания соображения П. Норвига, высказанные им в полемике с Н. Хомским [11]. Как известно, Хомский был противником вероятностных и статистических моделей языка, которые, по его мнению, не способны адекватно представить языковую компетенцию. Знаменитая фраза *Colorless green ideas sleep furiously* была сформулирована Хомским в качестве аргумента, поддерживающего эту критику: вероятностная модель языка не способна адекватно обработать такую фразу, так как она, во-первых, аномальна, а во-вторых, не зафиксирована ни в одном корпусе английского языка [9, p. 15–16].

Возражая Хомскому, П. Норvig в качестве одного из аргументов приводит тот факт, что природа языка и языковой компетенции является динамической. Появление фраз, подобных фразам Щербы или Хомского, оказывает воздействие на языковую компетенцию в той мере, в какой подобные речевые явления приобретают известность, становясь достоянием языка и культуры. Носитель языка исходит не из абстрактных грамматических правил, а из реального речевого материала, на основе которого он усваивает язык. По большому счету, этот аргумент не противоречит даже идее Хомского о врожденности грамматических структур: универсальные грамматические структуры действительно могут быть врожденными, но конкретный язык усваивается личностью в онтогенезе, и языковая компетенция ребенка «вбирает» в себя тот речевой материал, который формирует его языковую среду.

В контексте обсуждаемой проблемы эта аргументация представляется существенной потому, что возникновение фразы Хомского *Colorless green ideas sleep furiously*, а тем более ее широкая известность не могли не оказать воздействия на языковую компетенцию носителей английского языка (и носителей других языков, поскольку эта фраза была переведена на них). Предложив эту фразу, Хомский сделал ее возможной (хотя из этого не вытекает, что данная фраза является осмысленной) и предложил образец, которому можно подражать.

Наличие в языке возможностей для создания абсурдных выражений и высказываний может служить основа-

нием для утверждений о несовершенстве естественного языка. В этом отношении показателен следующее рассуждение из статьи Г. Фреге «Über Sinn und Bedeutung» (в русских переводах «О смысле и значении» или «О смысле и денотате»). Фреге видит недостаток естественных языков в том, что «они допускают выражения, которые облечены в правильную грамматическую форму и потому представляются имеющими некоторый денотат (как бы обозначают некоторую вещь), хотя в действительности денотата у них может и не быть» [6, с. 368]. Далее он продолжает: «В идеальном языке... любое грамматически правильное выражение, построенное из ранее определенных знаков, которое вводится в качестве собственного имени, должно обязательно обозначать нечто, и всякий новый знак может вводиться в качестве собственного имени лишь при условии, что ему обеспечен некоторый денотат» [6, с. 369]. Это означает, что в «идеальном языке» любое высказывание должно быть заведомо осмысленным, грамматичным и даже истинным, сама же структура «идеального языка» должна исключать все аномальное, фиктивное и ложное (о более подробной характеристике идей ранней аналитической философии об «идеальном языке» см. [8]).

Абсурдные высказывания раскрывают эту «неидеальность языка», причем эта демонстрация осуществляется даже в более широких границах, чем это подразумевает рассуждением Фреге (ср. приведенные в данной статье примеры высказываний с использованием псевдослов, которые в принципе не могут рассматриваться как имеющие референты). В этих явлениях как раз и проявляется «зазор» между структурой языка и реальностью. Проект «идеального языка», возможно, уместен в контексте философии науки. Однако именно существование речевых фактов, которые не соответствуют идеалам научной точности, выражения истины, осмысленности и т.д., свидетельствует о том, что язык как особое явление культуры в силу своей природы предполагает возможности, которые идут вразрез с указанными идеалами, но при этом могут быть восприняты как самоценные конструктивные потенциалы.

Выводы

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что абсурдность/бессмысленность высказывания или текста по отношению к системе языка не является абсолютно негативным явлением. Абсурдное высказывание опирается на систему языка, и в этой опоре заключаются и условие его возможности, и специфичность производимого им эффекта. Функционируя в качестве негативного языкового материала (лингвистика, логико-философские исследования), абсурдные/бессмысленные высказывания способствуют более глубокому пониманию языковых/речевых явлений (в частности, смысловой стороны высказывания, его лексико-грамматической

структуры) и частных дискурсивных правил. С другой стороны, они представляют собой особые возможности, заложенные в языковой системе, и культура, и некоторые частные дискурсы (литературное творчество, магические практики, языковая игра) в определенной степени стремятся освоить эти возможности и найти им применение. Такое положение явно свидетельствует о творческом потенциале речевого абсурда. Наконец, сам факт существования абсурдных высказываний создает прецедент, который может определять и реакции носителей языка на абсурдный речевой материал, и их собственную речевую практику.

Предлагаемая точка зрения на речевой абсурд предполагает, что объяснение периферийности и нечастотности абсурдных высказываний следует искать не в самом языке, а во внешних коммуникативно-дискурсивных факторах. Абсурд возникает там, где имеют место необычные комбинации слов или звуков, появление которых не может быть мотивировано стандартными коммуникативными потребностями и языковой традицией.

Однако это не означает, что с точки зрения системы языка они являются невозможными. Раскрытие этих потенций может иметь место лишь в особых дискурсивных контекстах, которые не подчинены основным, стандартным целям речевой коммуникации и составляют особые дискурсивные практики. Следовательно, вопрос заключается в том, какие дискурсивные и прагматические факторы приводят к тому, что эти заведомо периферийные возможности реализуются и, более того, оказываются мотивированными.

В плане перспектив дальнейшего исследования наиболее важным представляется рассмотрение вопроса о том, что именно нарушается при порождении абсурдных высказываний. По нашему мнению, более целесообразно говорить не об асистемности явлений речевого абсурда, а об их отклонении от узуса (дискурсивной традиции), который формируется под влиянием типичных коммуникативных потребностей. Впрочем, данная гипотеза нуждается в дополнительном изучении и обосновании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каргаполова И.А. О лингвистической проблематике абсурда (nonsense) // *Studia linguistica* (Санкт-Петербург). 2009. Вып. XVIII. С. 285–294.
2. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // *Аналитическая философия: Становление и развитие* (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.
3. Киклевич А. Проблемы описания русского синтаксиса в семантическом аспекте // *Лужнословенски филолог*. 2009. Вып. LXV. С. 127–151.
4. Клецкая С.И. Авто- и метакомментарии А. Крученых к стихотворению «дыр бул щыл...» // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 9 (152). С. 151–157.
5. Кравченко О.В. Явления языкового абсурда: металингвистические, когнитивно-дискурсивные и семиотические аспекты: (на материале русскоязычных и франкоязычных художественных текстов). Ростов н/Д., 2010. 181 с.
6. Фреге Г. Смысл и денотат // *Семиотика и информатика*. Вып. 35. *Opera selecta*. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 352–379.
7. Шкловский В.Б. О поэзии и заумном языке // Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: Статьи. Воспоминания. Эссе*. М., 1990. С. 45–58.
8. Bianchi A. The language of thought as a logically perfect language // *Languagescapes. Ancient and Artificial Languages in Today's Culture* / Eds. V. I. Cassone, J. Ponzio, M. Thibault. Roma: Arcane, 2020. P. 159–168.
9. Chomsky N. *Syntactic Structures*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002.
10. Jahn M. 'Colorless Green Ideas Sleep Furiously': A Linguistic Test Case and Its Appropriations // *Literature and Linguistics: Approaches, Models, and Applications*. Festschrift Jon Erickson / Eds. M. Gymnich, A. Nünning, V. Nünning. Trier: WVT, 2002. P. 47–60.
11. Norvig P. Colorless green ideas learn furiously // *Significance*. 2012. Vol. 9. № 4. P. 30–33.
12. Rossi-Landi F. *On Absurdity* // Rossi-Landi F. *Between sign and non-sign*. Amsterdam: John Benjamins B. V., 1992. P. 131–156.

© Клецкая Светлана Ильинична (kleckaja@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ ГИБРИДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ПОЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ

Левитская Юлия Игоревна

Преподаватель, ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда

missnemo@ya.ru

CONCEPT OF HYBRID WORD IN THE GERMAN-SPEAKING WORLD BASED OF ENGLISH

Yu. Levitskaya

Summary: Foreign words, getting into the recipient language, can be fixed and assimilated over time. German and domestic linguists have studied this process for more than half a century and noted that not only English loanwords fall into the German language, but also parts of words that are embedded in the system of German morphology. Many linguists have called the new portmanteau words "hybrid words".

Keywords: English loanwords, hybrid words, loan blend, Anglicism, adoption, portmanteau words.

Аннотация: Иностранные слова, попадая в язык-реципиент, могут закрепляться и со временем ассимилироваться. Немецкие и отечественные лингвисты изучали данный процесс в течение более полувека и отмечали, что в немецкий язык попадают не только полные заимствованные англо-американизмы, но и части слов, которые встраиваются в систему немецкой морфологии. Многие лингвисты назвали новые комбинированные слова гибридными образованиями.

Ключевые слова: частичные заимствования, гибридные образования, заимствования, англо-американизмы.

Язык представляет собой постоянно изменяющуюся систему, которая стремится совершенствоваться и развиваться с помощью разных способов. Одним из компонентов языка наряду с грамматическим и фонетическим строем является словарный состав языка, который постоянно изменяется и обогащается в том числе путём заимствования из других языков.

Современные языки состоят из большого количества заимствований, например, в русском языке по мнению лингвистов до 90% заимствований, в английском - около 70%, в немецком - от 30%. Установить точное количество заимствований в языках не представляется возможным, так как данный процесс никогда не прекращается.

Проблема языкового заимствования актуализировалась в последние десятилетия после 2 мировой войны в связи с активной разработкой различных аспектов взаимодействия языков. Основные положения теории заимствования находим в работах по общей лексикологии отечественных авторов, например А. Изкос и А. Ленковой («Deutsche Lexikologie»), Л.Р. Зиндер и Т.В. Строевой («Современный немецкий язык»), М.Д. Степановой и И.И. Чернышовой («Лексикология современного немецкого языка»), а также у немецких исследователей, например В. Фляйшера («Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache»), Т. Шиппан («Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache»), К. Геллера («Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart»).

Заимствования попадают в язык-реципиент разными способами: в виде готовых лексем (полные заимствова-

ния) или через конструирование лексических моделей с немецкими словообразовательными элементами (гибридные образования). Присутствие в лексической и словообразовательной системе немецкого языка иноязычных элементов не может остаться без внимания лингвистов. Они отмечают последний способ как наиболее продуктивный.

Среди первых лингвистов, которые начали изучать гибридные образования, был П. фон Поленц [1]. Он обратил к исследованию иностранных и заимствованных элементов в языке, ввёл понятие «Lehnwortbildung». Целью фон Поленца стало создание словаря заимствованных словообразовательных элементов немецкого языка. Хотя данная цель не была достигнута, но исследования, проведённые группой учёных совместно с фон Поленцем, послужили основой для изучения вопроса заимствованных элементов в немецком языке.

В одно время с П. фон Поленцем данный вопрос в Германии рассматривал В. Фляйшер. В своей монографии «Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache» [2], переизданной несколько раз (последний в 2012 году совместно с И. Барц [3]), он вводит новый для лексикологии термин «die Fremdwortbildung», отмечая тем самым, что слово образовано с неродным для языка элементом. Развивая данный вопрос, В. Фляйшер показывает в своих исследованиях, что под данное понятие попадают не только корневые слова, но и заимствованные суффиксы, префиксы. Он также наблюдает, как такие слов и части слов встраиваются в систему немецкого языка на разных уровнях, и называет их «гибридные образования» (die

hybride Bildungen).

В 90-е гг. XX века немецкий лингвист Тэа Шиппан отмечает в своей монографии, что заимствованные слова и собственно немецкие слова в синхронии практически не различимы, так как имеют схожее написание, произношение, морфемную структуру и т.д. Но при переходе из иностранного языка слово проходит определённые этапы ассимиляции в новом языке. Следовательно, немецкая исследовательница выделяет промежуточный этап перехода слова из категории иностранных слов (Fremdwörter) в заимствованные (Lehnwörter), который называет «гибридное образование» (die hybride Bildung). Под гибридными образованиями лингвист понимает любые комбинации из морфем родного и иностранного языков, при этом выделяя 2 основных вида:

1. немецкая основа + иностранные аффиксы
2. иностранная основа + немецкие аффиксы. [4]

Немецкий лингвист Х.Х. Мунске изучал словообразовательные процессы в синхронии и диахронии. Он пришёл к выводу, что термин «Lehnwortbildung», придуманный П. фон Поленцем, характерен больше для диахронного подхода, а термин Фляйшера «die Fremdwortbildung» - для синхронного. На основе изученного он вывел новую классификацию немецкой лексики, которая объективно наиболее полно передаёт охватывает немецкую лексику:

1. собственно немецкие слова,
2. заимствованные лексемы, интегрированные в грамматику и морфологию немецкого языка,
3. неинтегрированные иностранные лексемы. [5]

Также Х. Мунске [6], как П.О. Мюллер [7], А. Зайферт и С. Михель [8], подробно изучает возможности и варианты ассимиляции заимствованной и иностранной лексики в немецком языке. Он относит слова-гибриды ко

второй группе классификации и делит их на 2 большие группы: гибридное словообразование с использованием аффиксов и гибридное словосложение.

Среди отечественных лингвистов слова-гибриды изучали Е.В. Розен [9] и И.П. Савицкий [10]. Они не употребляли название «гибридное образование», а использовали термин «неологизмы второго порядка».

Д.С. Лотте изучал заимствование и упорядочение терминов и их элементов. Под словом «гибрид» в лексикологии он понимал смешанное заимствование, которое появляется «в результате построения терминов с использованием иноязычных элементов». [11]

В XXI веке среди отечественных лингвистов, изучающих гибриды, можно выделить Нефёдову Е.А. Она под «гибридным образованием» понимает комбинацию автохронных и иноязычных (заимствованных) элементов. При этом она, как и предшествующие лингвисты, классифицирует иноязычные элементы по языкам, из которых они заимствованы. [12]

В последние два десятилетия к вопросу гибридизации в словообразовании обращались сразу несколько лингвистов в Санкт-Петербургском государственном университете: С.А. Жилук [14], Т.В. Пономарёва [13] и др.

Актуальность данного вопроса в современном мире обусловлена мировой глобализацией и большим потоком входящих англоязычных лексем в немецкий язык. Компактные англо-американизмы встраиваются быстро в немецкий язык, дополняя имеющиеся уже лексемы или используя словообразовательные элементы.

Следовательно, под «гибридным образованием» нужно понимать словообразование или словосложение из элементов родного и иностранного языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Polenz, P. Fremdwort und Lehnwort sprachwissenschaftlich betrachtet / P. Polenz // Muttersprache 77: 1967. - S.65-80.
2. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer - Leipzig: VEB bibliographisches Institut, 1969. - 393 S.
3. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. - Berlin/Boston: de Gruyter, 2012. - 484 S.
4. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan. - Tübingen, 1992. - 306 S.
5. Munske, H.H. Ist das Deutsche eine Mischsprache? Zur Stellung der Fremdwörter im deutschen Sprachsystem / H.H. Munske // Munske, H.H. Polenz, P. Reichmann, O., Hilderand, R. (Hrsg.). Deutscher Wortschatz. Lexikologische Studien - Berlin/New York: de Gruyter, 1988. - S.46-74.
6. Munske, H.H. Was sind eigentlich 'hybride' Wortbildungen / H.H. Munske // Müller, P.O. (Hrsg.) Studien zur Fremdwortbildung. - Hildesheim/Zürich/New York: Georg Olms Verlag, 2009.
7. Müller, P.O. Foreign word-formation in German // Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin/Boston: de Gruyter, 2014. - 545 S.
8. Michel, S. Deutsche Fremdwortbildung. Probleme der Analyse und der Kategorisierung / S. Michel // Habermann, M., Müller, P.O. & Naumann, B. (Hrsg.): Wortschatz und Orthographie in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Horst Haider Munske zum 65. Geburtstag. - Tübingen: Niemeyer, 2000. - S.115-134.
9. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. - 192 с.
10. Савицкий И.П. Неологизмы второго порядка в системе лексики современного немецкого языка // Сб. науч. трудов. Калинин, 1987. - 146 с.

11. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте; [Предисл. Т. Л. Канделаки, С. В. Гринева]. – Москва: Наука. – 1982. – 152 с.
12. Нефедова Л. А. Иноязычная лексика в современном немецком языке: иноязычная лексика в контексте заимствования: Монография. – М.: Прометей, 2012. – 98 с.
13. Пономарева Т.В. Проявление тенденции к интернационализации в немецком словосложении // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. С. 25-31.
14. Жилюк, С.А. Использование заимствований в системе немецкого словообразования : диссертация кандидата филологических наук : 10.02.04 / Жилюк Сергей Александрович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2015. - 231 с.

© Левитская Юлия Игоревна (missnemo@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ТВИТТЕРЕ ДОНАЛЬДА ТРАМПА: ЛЕКСИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Павлова Елена Касимовна

*Д.филол.н., доцент, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
helen_pavlova@hotmail.com*

MEANS OF EXPRESSION OF NEGATIVE EMOTIONS IN DONALD TRUMP'S TWITTER: LEXICAL AND STATISTICAL ANALYSIS

E. Pavlova

Summary: The article is devoted to the study of the specifics of the vocabulary used by D. Trump when conducting political discourse in the Twitter messenger. The choice of lexical and stylistic means is determined both by the basic characteristics of Donald Trump's linguistic personality (emotionality, categoricalness and harshness of statements, disregard for the standards of "political correctness"), and by peculiarities of the communicative space (the limited length of the message forces the use of a lapidary style, the absence of pre-moderation gives a certain freedom in expressions, the broadness of the audience requires simplicity and comprehensibility of messages). The vocabulary of Donald Trump's tweets is distinguished by the wide use of negatively coloured emotional and evaluative expressions, nicknames, interjections and exclamations. Lexical and statistical analysis of the complete set of 30599 D. Trump's tweets for the period from 2016 to 2020 made it possible to compile a frequency dictionary of the negative emotional-evaluative vocabulary used in them, to identify the most frequent lexemes and the main contexts of their use.

Keywords: political discourse, D. Trump, statistical linguistics, vocabulary, emotions.

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики лексики, использованной Д.Трампом при ведении политического дискурса в мессенджере Твиттер. Выбор лексических и стилистических средств определяется как базовыми характеристиками языковой личности Д. Трампа (эмоциональность, категоричность и резкость высказываний, пренебрежение стандартами «политкорректности»), так и особенностями коммуникативного пространства (ограниченная длина сообщения вынуждает использовать лапидарный стиль, отсутствие премодерации даёт определённую свободу в выражениях, широта аудитории требует простоты и общепонятности сообщений). Лексика твитов Д. Трампа отличается широким использованием негативно окрашенных эмоционально-оценочных выражений, кличек, междометий и восклицаний. Лексико-статистический анализ сплошной выгрузки 30599 твитов Д. Трампа за период с 2016г по 2020г. позволил составить частотный словарь употреблённой в них негативной эмоционально-оценочной лексики, выявить наиболее частотные лексемы и основные контексты их употребления.

Ключевые слова: политический дискурс, Д. Трамп, статистическая лингвистика, лексика, эмоции.

Современные информационные технологии создают новые коммуникативные пространства для ведения политического дискурса, среди которых, наряду с Интернет-версиями традиционных средств массовой информации всё большую популярность приобретают Интернет-форумы, социальные сети и мессенджеры — приложения и платформы для обмена короткими сообщениями. В данной работе рассматривается использование мессенджера Твиттер президентом США Дональдом Трампом в период с 2016г. по 2020г. Ведение политической агитации в этой новой информационной среде, не предназначенной первоначально для таких целей, стало одной из характерных особенностей политического дискурса Д. Трампа, дало ему заметные конкурентные преимущества в политической борьбе и помогало преодолевать информационную блокаду, устроенную Д. Трампу в течение его президентского срока и в ходе избирательной кампании 2020г. ведущими СМИ США, большинство из которых сочувствует его политическим противникам или напрямую принадле-

жит им.

Д. Трамп сделал Твиттер основной площадкой для своего публичного политического дискурса. Ко времени выдвижения кандидатом в президенты США он уже имел опыт интенсивного и плодотворного использования Твиттера (с 2008г.) для продвижения своего бизнеса. Таким образом, уже владея технологией общения с помощью коротких сообщений и аудиторией подписчиков, он сумел максимально эффективно использовать возможности и особенности Твиттера для решения задач политической агитации. Площадка Твиттера позволила Д. Трампу сформировать широкую аудиторию подписчиков и дала ему возможность обращаться к этой аудитории непосредственно, минуя все фильтры и барьеры, существующие в традиционных СМИ (редактуру, корректуру, цензуру), что, наряду с оперативностью и общедоступностью информации, размещаемой в Твиттере, помогло Д. Трампу победить в избирательной кампании 2016 года. Когда же основные СМИ США фактически объ-

явили Д. Трампу бойкот и начали против него информационную войну, социальные сети и мессенджеры, прежде всего – Твиттер, стали для него основным средством общения с электоратом.

Твиттер стал для Д. Трампа особенно удобной площадкой для пропаганды его идей и агитации избирателей ещё и потому, что он позволил ему формулировать свои сообщения, особо не стесняясь в выражениях и присущей ему манере: лаконичные категоричные высказывания, демонстрирующие пренебрежение правилами политкорректности, содержащие прямую, не смягчённую эвфемизмами, критику политических противников с использованием прямых наименований, дисфемизмов, презрительных и уничижительных эпитетов и кличек. Несмотря на то, что ряд исследователей уделяли внимание анализу особенностей речи Д. Трампа как в целом [1; 8; 10], так и конкретно в Твиттере [2; 4], специальное исследование негативно окрашенной эмоционально-оценочной лексики в твитах Д. Трампа является актуальным и может представлять интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения, учитывая намерение Д. Трампа продолжить борьбу за пост Президента США и отсутствие реальной альтернативы его кандидатуре в рядах Республиканской партии.

Для выявления лексических и стилистических осо-

бенностей твитов Д. Трампа в качестве объекта исследования были выбраны архивы его публикаций в Твиттере [11] за период с 2016г. по 2020г., включающий обе президентские избирательные кампании, в которых он участвовал. Предметом исследования является негативно окрашенная эмоционально-оценочная лексика, употреблявшаяся Д. Трампом для номинирования его политических противников, их действий, взглядов и личных качеств. Методика исследования включает в себя лексикографические методы выявления искомой лексики, лексико-статистический анализ [5; 9] частотности употребления лексем и прагмалингвистический анализ [3; 6], позволяющий выявить причины употребления этой лексики в соответствующем политическом дискурсе.

Лексико-статистический анализ исследованного корпуса текстов объёмом около 4,5 млн. знаков (30 600 твитов) позволил составить частотный словарь негативной эмоционально-оценочной лексики Д. Трампа и выделить наиболее часто используемые лексемы. В таблице 1 приведены 20 лексем с наибольшим числом вхождений в тексты.

Из приведённого в таблице 1 материала следует, что статистика употребления лексем определяется, прежде всего, конкретной экстралингвистической ситуацией и тематикой дискурса. Лидером по частоте употребле-

Таблица 1.

	Лексемы	Перевод	Обнаружено вхождений
1	fake	поддельный, фальшивый	1311
2	crime, criminal	преступление, преступный	653
3	corrupt, corruption	коррупцированный, коррупция	486
4	crooked	кривой, лживый	405
5	failed, failing	провалившийся, проваливающийся	387
6	illegal, illegals	незаконный, нелегалы	358
7	fraud, fraudulent	мошенничество, мошеннический	343
8	worse, worst	худший, наихудший	317
9	hoax	фальсификация	307
10	crazy	сумасшедший	248
11	swamp	болото	239
12	sleepy	сонный, вялый	234
13	rigged	сфальсифицированный	203
14	disgrace, disgraced, disgraceful	позор, опозоренный, позорный	188
15	sad	грустный	176
16	weak	слабый	167
17	lie	ложь	124
18	terrorist	террорист	121
19	violence, violent	насилие, насильственный	118
20	threat	угроза	52

ния стало слово *fake* (поддельный, фальшивый). Наиболее часто оно употреблялось в составе прозвища «Fake News» (фальшивые новости), которое Д.Трампа дал CNN, The Washington Post и другим СМИ, контролируемым демократами и действительно постоянно публиковавшим фальшивки о якобы существовавшей связи Д.Трампа с Россией и якобы имевшем место вмешательстве России в выборы президента США в 2016г. Эта дезинформационная кампания продолжалась в течение всего срока его президентства, что и обусловило постоянное и столь многократное использование в его твитах выражения «Fake News».

Обострение внутривнутриполитической борьбы между республиканцами и демократами привело к небывалому росту лжи, фальсификаций, обмана и манипуляций, что нашло отражение в лексике твитов Д. Трампа в форме широкого употребления слов, близких по смыслу и идентичных по негативной эмоциональной окраске: *fake* (поддельный, фальшивый), *fraud* (мошенничество) и *fraudulent* (мошеннический), *hoax* (фальсификация), *rigged* (сфальсифицированный), *lie* (ложь) и *crooked* (кривой, лживый). Суммарное количество вхождений этих лексем в твиты составило 2693. При общем количестве исследованных твитов 30599, в среднем слова из данной группы встречались в одном из каждых 12 твитов. Среднее же число твитов, ежедневно публиковавшихся Д. Трампом в течение 5 лет с 2016г. по 2020г. составляло около 17. Таким образом, лексика, обозначающая ложь, обман, фальсификации и мошенничество, употреблялась Д. Трампом практически ежедневно, частота её употребления росла по мере приближения президентских выборов 2020г. и достигла максимума в декабре 2020г., когда Д. Трамп пытался оспорить результаты выборов, обвиняя демократов в подтасовке и фальсификации результатов голосования.

Вторую по частоте вхождений в дискурс группу составили лексемы, номинирующие незаконные действия, в которых Д. Трамп обвинял своих политических противников. Это слова *crime* (преступление) и *criminal* (преступный), *corrupt* (коррупцированный) и *corruption* (коррупция), *illegal* (незаконный) и *illegals* (нелегалы), *violence* (насилие) и *violent* (насильственный). Суммарное количество вхождений этих лексем в твиты составило 1615, что составляет в среднем 1 вхождение на 19 твитов, что также близко к ежедневному употреблению.

В третью группу можно объединить лексемы, характеризующие негативные деловые и личностные характеристики политических противников Д. Трампа, критикующие их деятельность. Для этого он наиболее часто употреблял следующие слова: *failed* (провалившийся) и *failing* (проваливающийся), *worse* (худший) и *worst* (наихудший), *crazy* (сумасшедший), *swamp* (болото), *sleepy* (сонный, вялый), *disgrace* (позор), *disgraced* (опозорен-

ный) и *disgraceful* (позорный), *sad* (грустный), *weak* (слабый). Суммарное количество вхождений этих лексем в твиты составило 1956, что составляет в среднем 1 вхождение на 16 твитов при среднестатистическом количестве 17 твитов.

Особого внимания заслуживает практика использования Д. Трампом обвинительных и презрительных кличек для обозначения участников политической борьбы. Кроме упомянутого выше выражения «Fake News» (фальшивые новости) – клички, которую Д. Трамп дал работающим против него СМИ, кличку «Crooked Hillary» (Кривая/лживая Хиллари) получила от Д. Трампа кандидат в президенты США от Демократической партии Хиллари Клинтон. Основанием для этой клички послужили ложные показания, которые Х. Клинтон дала в ходе расследования нарушения ею секретности переписки в период выполнения обязанностей госсекретаря США. Политический истеблишмент и Вашингтонская бюрократия, принявшая в штыки избрание Д. Трампа на пост Президента США и саботировавшая большинство его инициатив, получила от него кличку «Washington swamp» (Вашингтонское болото). Эта кличка вошла в состав лозунга «Drain the Washington swamp» (Осушить Вашингтонское болото), ставшего одним из ключевых пунктов политической программы Д. Трампа. Наконец, Джо Байден, с которым Д. Трамп боролся за пост Президента США в 2020г, получил от него обидную кличку «Sleepy Joe» (Сонный/вялый Джо). Эта кличка декларировала неспособность Д. Байдена к политической деятельности по причине слабого физического и умственного здоровья вследствие преклонного возраста.

Таким образом, в среднем, ежедневно в твитах Д. Трампа употреблялись лексемы, негативно характеризующие его политических противников, их действия, их личности и публикации поддерживающих их СМИ. Эта лексика в основной своей массе совершенно не вписывается в правила политкорректности, принятые и соблюдавшиеся во внутривнутриполитическом дискурсе США в последние полвека, во многом, благодаря редакционной политике ведущих СМИ, являвшихся основной коммуникативной средой публичного политического дискурса. Однако сейчас в социальных сетях и Интернет-мессенджерах лексика и стилистика политического дискурса всё более напоминает классическую политическую сатиру Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы»[7], написанную 150 лет назад. Несмотря на уход Д. Трампа с поста Президента США и блокирование ему доступа в Твиттер, накал политической борьбы и явная усталость избирателей от скучного, туманного и лживого «политкорректного» политического дискурса позволяет сделать предположение, что негативно окрашенная эмоционально-оценочная лексика продолжит оставаться востребованной в политическом дискурсе США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылёва К.В., Галигузова А.В. Метафора войны как основной способ образной репрезентации пандемии коронавируса в англоязычном политическом дискурсе. // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат: электронный сборник научных трудов – Москва: МГИМО – Университет, 2021. – с.91-96. [Электронный ресурс], URL:<https://inno-conf.mgimo.ru/2021/inno-magic-2021.pdf> 05.12.2021 20:55
2. Гальчук, Д.С. Стратегии и тактики речевого воздействия Д. Трампа (на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США) / Д.С. Гальчук // Политическая лингвистика. – 2021 – № 4 (88). – С. 29-34. – DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_03.
3. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – Москва: Либроком, 2013. – 344 с.
4. Катермина В.В. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте — июне 2020 г. / В.В. Катермина, Н.А. Рябченко, С.Х. Липириди, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева // Политическая лингвистика. – 2020 – № 5 (83) – С.87-107. – DOI 10.26170/pl20-05-09.
5. Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов / М.Ю. Мухин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 232 с.
6. Павлова Е.К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе. Монография. – МАКС Пресс Москва, 2012 – 388 с.
7. Твен М. Как меня выбирали в губернаторы / Собрание сочинений в восьми томах – Т.1 – М: Правда, 1980 – с.148-153.
8. Bhatia S. Trait Associations for Hillary Clinton and Donald Trump in News Media. A Computational Analysis / S. Bhatia, G. P. Goodwin, L. Walasek. – Text : unmediated // Social Psychological and Personality Science. – 2018 – Vol. 9. – № 2. – P.123-130. – DOI <https://doi.org/10.1177/1948550617751584>.
9. Embleton S.M. Statistics in Historical Linguistic. Quantitative linguistics, 30. – Bochum: Brockmeyer, 1986 – 194 p.
10. Sclafani J. Talking Donald Trump: A Sociolinguistic Study of Style, Metadiscourse, and Political Identity – Routledge, 2018 – 114p.
11. Trump Twitter Archive V2 [Электронный ресурс] URL: <https://www.thetrumparchive.com/> 05.12.2021 20:00

© Павлова Елена Касимовна (helen_pavlova@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПИР В ХЕОРТЕ: ПРЕЗЕНТЕМЫ ВЛАСТИ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»)

FEAST IN HEOROT: PRESENTATIONS OF POWER IN GERMANIC SOCIETY OF THE EARLY MIDDLE AGES (BASED ON THE POEM "BEOWULF")

*I. Palashevskaya
V. Gogenko*

Summary: The article is written from the position of semiotic and axiological approaches of modern linguistics to the study of social phenomena and is devoted to lingua-semiotic (sign) clusters of power that form its images in culture of German society in the early Middle Ages. The research is based on the epic poem "Beowulf". Considering the descriptions of the feast at king's court as a collective symbolic action, the authors focus on the signs-locatives – designations of places of public self-presentation of power and its socio-cultural communication, the collective actions performed and potestas insignia used in this practice.

Keywords: semiotics, power, status, sign, presentem, performance, speech act, communicative event, ritual.

Палашевская Ирина Владимировна

д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»
irina_777@volsu.ru

Гогенко Виктория Владимировна

старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»
gogenko-v@yandex.ru

Аннотация: Статья выполнена в русле семиотического и аксиологического подходов современной лингвистики к изучению социальных феноменов и посвящена знаковым комплексам власти, формирующим ее образ в культуре германского общества раннего средневековья. В качестве материала исследования служит поэма «Беовульф». Рассматривая описания пира при дворе конунга как коллективного символического действия, авторы фокусируют внимание на знаках пространства публичной самопрезентации власти и ее социокультурной коммуникации, исполняемых в этом пространстве действиях и используемых при этом предметах, наделяемых символическими смыслами.

Ключевые слова: семиотика, власть, статус, знак, презентема, перформанс, речевой акт, коммуникативное событие, ритуал.

Поэма «Беовульф» как источник представлений о власти

«Беовульф» (3182 рукописных строк) называют великой эпической поэмой, написанной на древнеанглийском языке, выразительность аллитераций, разнообразная игра слов и сила воздействия которого накладываются на смысловые тонкости [2, с. 33]. Возникновение данного жанра словесного творчества ученые связывают с появлением раннегосударственных образований, процессами племенной консолидации в завоевании территорий и сохранении контроля над ними [9, с. 10]. Ключевыми ценностями эпического повествования являются этническая самоидентификация, ценность коллективной общности и отдельной личности, ее героический характер, необходимый в сражении с враждебными силами [там же]. Такие качества, как отвага перед противником, доблесть, мужество, несгибаемая воля, определяли ценностную картину раннесредневекового германского мира и также важны для понимания его политического устройства, представлений о власти, смысле ее существования, ее облике, обаянии, отождествлении с конкретным лицом и его действиями. Будучи основой жизнеспособности

общества, данные качества привлекали и определяли требования к персоне правителя, покровителя воинов, являлись неотъемлемой составляющей его образа в культуре (*sigerof* (Bwf., l. 619) – *победоносный*, *bregorof cyning* (Bwf., l. 1925) – *славный, доблестный правитель*, *headorof cyning* (Bwf., l. 2191) – *неустрасимый в бою конунг*). В тексте поэмы отражена определенная система представлений о назначении этой фигуры в устройстве германского мира.

Так, функции власти, связанные с обеспечением безопасности, военной защиты территории, неприкосновенности ее границ, выражены в таких номинантах конунга, как, например, *helm Scyldinga* (Bwf., l. 371, 456, 1321, 2461, 2705) – *шлем Скильдингов* (кеннинг), т.е. защита Скильдингов (о Хродгаре – предводителя войска, но также правителя); *eodur Scyldinga* (Bwf., l. 663) – *заступник, покровитель Скильдингов*, *folces hyrde* (Bwf., l. 1849, 2644, 2981), *frod folces weard* (Bwf., l. 2513) – *защитник, мудрый охранитель народа*.

Представления о власти, основанной на вознаграждении, достойной награде за воинскую отвагу и преданность, отражено в таких лексемах, как *beaga bryttan* (Bwf.,

l. 35) – даритель колец, сокровищ, *goldwine gumena* (Bwf., l. 1604) – тот, кто дарует воинам золото и покровительство. Функции властителя получают соответствующее обрамление и реализуются в перформансных практиках публичного восхваления и поощрения ратных подвигов. К таким практикам относится пир при дворе конунга, описанный в рассматриваемой поэме.

Следует заметить, что германский героический эпос включает элементы исторических и политических реалий, повествования о реально существовавших родовых династиях, союзах знатных кланов, обладавших властью и богатствами, о конунгах, дружинах, их завоеваниях, смешивая элементы историзма с вымыслом [13]. Однако, как отмечают исследователи, эпос содержит «народно-поэтическую концепцию исторического прошлого» [7, с. 25], «в его формировании принимают участие еще недостаточно исследованные механизмы отбора, иерархизации, редукции и компрессии жизненного материала, точнее – его проекций в общественной памяти» [9, с. 15]. Отсюда проблема датировки поэмы «Беовульф» и неразгаданность большей части исторической прото-сюжетной основы ее повествований. Сегодня рукопись поэмы, побывавшая в частных коллекциях Л. Ноуэла и Р. Коттона, является достоянием Британской библиотеки и ценным источником представлений общества прошлого о военной и политической власти, знаковых комплексах, формирующих ее образ и семантическое поле в культуре раннего средневековья.

Презентационная сторона власти, изучаемая в рамках потестарной имагологии [3; 11; 17], притягивает внимание и лингвистов [10; 18; 21; 5; 15 и др.]. В поле зрения науки о языке – знаковые комплексы-системы, факты коммуникации, которые организуются и становятся понятными в соответствии с определенными кодами восприятия и узнавания (наборами ожиданий), раскрывающими определенное видение мира и отношение к нему [20, с. 199]. При этом представления о власти передаются посредством разных знаковых компонентов, включая объекты природного и городского ландшафта, изображения, мелодии, цвета и детали одежды, речевые акты, жесты, предметы и т.п. – визуальные, вербальные, тактильные, густальные, scentальные средства конструирования потестарных образов в культуре, взаимосвязанные друг с другом.

Актуальным лингвосемиотический подход к изучению социальных феноменов представляется именно в отношении раннесредневекового общества, в котором, власть не мыслится как абстрактная, безликая сила; она персонифицирована, визуально узнаваема, инсценируется властителями и подвластными в перформансных практиках ритуального характера, включающих предметы, слова и жесты. Она есть то, как она осуществляется людьми [3; 4; 6; 16]. Данный подход фокусирует вни-

мание на индивидуальном облике власти, ее внешней презентационной стороне – атрибутах, символике, церемониалах, протокольных процедурах, раскрывающих существующие властеотношения в обществе. Она отождествляется с конкретными субъектами (носителями власти), которые принадлежат правящим слоям общества и оказывают огромное влияние на ход событий его жизни.

Пир в Хеороте: презентемы и функции

С позиции презентационной теории дискурса, процесс представления власти обществу, ее социокультурной коммуникации может быть представлен в виде «разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем» – «комплексных знаков» (невербального, вербального и смешанного типов), «базовая функция которых состоит в передаче и фиксации концептов и образов действительности» [10, с. 182–183]. Так, например, власть в таком событии, как пир в Хеороте (*symbel*), предстает в виде общности людей, обладающих определенным статусом, находящим внешнее выражение в деталях облачения, коммуникативных инициативах и модусе обращений, жестах выражения почтения и т.п. Посредством презентем она создает свой образ, предъясвляет себя обществу и воспринимается в нем.

Презентемы власти в данном событии включают знаковые комплексы различной природы: локусные, артефактные, знаки-персоналии и т.п. Прежде всего, особым образом устроенное пространство, место действия (медовый дворец), объекты, наполняющие это пространство и служащие для демонстрации статуса властителя и его приближенных (трон, медовые скамьи и т.п.); символические предметы, используемые в происходящих в данном пространстве событиях (чаша с медовым напитком, дары); ключевые фигуры (хозяин и устроитель пира, подносительница напитка, дружинный певец, гости, страж медового дворца, знатные люди и воины), их определенное позиционирование в символическом материальном пространстве, эксплицирующее иерархический элемент. Так, например, один из персонажей поэмы, Унферт (*Unferð*), во время пира сидит у ног конунга (*be æt fotum sæt frean Scyldinga* (Bwf., l. 499)), что означает его высокое положение при дворе, особую приближенность к правителю и подчинение ему. Участник пира в Хеороте считается частью сообщества, и место, где он сидит – значимый проксемический компонент коммуникации, служит средством демонстрации всем присутствующим его статуса. Соответственно смена места демонстрирует смену статуса в этом сообществе. По прибытии в Хеорот Беовульф сидит с молодыми воинами, но после победы над врагами Хротгара он располагается с сыновьями и людьми, входящими в ближайшее окружение конунга. Это перемещение персонажа не является его личным выбором, оно обусловлено повышением его статуса и

указанием хозяина пира.

Презентемы власти включают также акциональные знаки – заданную традицией последовательность происходящих на пиру действий. В структурном отношении пир – сложносоставное событие, включающее внесение напитка, поднесение чаши хозяину пира, его речь, открывающая пир, обход с чашей присутствующих, словесные поединки (хула), служащие для демонстрации воинственности, боевого пыла воинов (поединок Унферта и Беовульфа), славящие отважных воинов хвалебные песни, произнесение клятв и благопожеланий, а также вручение даров.

Это событие узнаваемо, имеет перформансный характер, происходит на глазах определенной общности, которая «создает в символическом материальном пространстве символическое социальное пространство», является как участником, так и наблюдателем события [6, с. 246–247], выполняет функцию «l'assistance», «способствования посредством присутствия», «активного свидетельства» [26, р. 67]. Пир в Хеороте обладает зрелищностью, эмоциогенностью, притягательной и вовлекающей силой, является запоминающимся. Словесные обозначения данного перформанса в тексте включают такие единицы, как *gomen in gearðum* (Bwf., l. 2460), *healgamen* (Bwf., l. 1065) – *празднество, веселье при дворе конунга*.

Занимая важное место в жизни данов, пир выполнял ряд функций. Во-первых, рассматриваемое действие являлось формой самопрезентации, экспонирования определенного сообщества людей, включая устроителя и хозяина пира – конунга (*cyning, beodcyning*), его ближайшее окружение: родовой клан (*суп*) и дружину (*gedryht, gedriht: ... hæleþa gedryht, eodur Scyldinga* (Bwf., l. 662–663) – *дружинное войско, опора Скильдингов ...*), в которую входили люди благородного происхождения, стремящиеся к славе и добывавшие ее в битвах – эрлы (высший слой знати) и тэны (... *þær Hroðgar sæt ... mid his eorla gedriht* (Bwf., l. 356–357) – *где Хротгар сидел в окружении эрлов; Higelaces þegn* (Bwf., l. 194) – *тэн, воин на службе у Хигелака* – о Беовульфе). Высокий статус праздника подчеркивается тем, что участие в нем общало приглашенным чувство принадлежности к этой элитной общности, которая, желая продемонстрировать свое могущество, выставляла себя напоказ в доспехах, оружии, украшенная золотом и драгоценностями. Таким образом, данное событие обладало консолидирующей силой, связывая людей в единое привилегированное множество. Пир в Хеороте – также действенный инструмент приближения к конунгу, расположения к нему и подчинения элиты общества его власти.

Как повествует поэма, пир играл важную роль не только в укреплении существующих связей и отношений внутри сообщества, но и являлся частью налажи-

вания внешних политических отношений, служил демонстрацией готовности к союзу племен геатов и данов, актом гостеприимства, взаимного уважения и признания. Пир также служил способом самопредъявления, самопозиционирования, создания образа властвующей элиты своего общества на межземельном уровне. Обладая сближающей силой, это публичное коллективное действие имело политическое значение, выступало инструментом решения государственных задач. При этом, как иронично отмечается во многих исследованиях, в германском героическом эпосе пир – одно из основных состояний бытия его героев: они либо сражаются, либо пируют. «Беовульф» повествует о четырех крупных пиршествах: три происходят непосредственно в самом Хеороте и еще одно во дворце геатов, по возвращению Беовульфа-победителя чудовищ в родные края.

Презентемы власти в архитектурном облике Хеорота

Пространство власти образуют семиотически маркированные места (локусы) ее присутствия, средоточия. Хеорот – центр земли данов, не просто дворцовое сооружение раннесредневековой эпохи, но, прежде всего, знаковое место собраний и церемоний власти (*medelstede* 'meeting place') [25, р. 116]. Особый статус этого сооружения подчеркивается его архитектурной семиотикой и размерами: ... *Sele hlifade, heah ond horngeap* [Bwf., l. 81–82] – *Чертог возвышался, широко расставленными рогами украшенный...* (оленьи рога традиционно трактуется как средневековый символ власти, а также доблести воина, готового к сражению). Это сооружение «темных веков» источает лучезарный свет, распространяющийся на земли данов, производя буквально и фигурально ослепительное впечатление. Увидев Хеорот, Беовульф и его дружина были поражены его сияющим великолепием: *þæt wæs foremærost foldbuendum receda under roderum* (Bwf., l. 309–310) – *То был лучший для на земле живущих чертог под небесами*.

Описания ярких деталей архитектурного декора, внешнего и внутреннего убранства свидетельствуют о роскоши и великолепии Хеорота: *sincfage sel* (Bwf., l. 167) – *украшенный сокровищами хором, fagne flor* (Bwf., l. 724) – *мозаичный пол, разноцветный, hrof golde fahne* (Bwf., l. 925–926) – *кровля, золотом покрытая, goldfag scinon, web æfter wagum* (Bwf., l. 994–995) – *переливающиеся золотом тканые полотна на стенах, gifstol – трон дарителя сокровищ* (Bwf., l. 168, 2327), *medubenc tonig ... golde geregnad* – *множество скамей медовых, золотом украшенных* (Bwf., l. 776–777). Красота и лучезарный блеск – часть космологической картины средневековья [19, с. 99–110]. В поэме также упоминается об элементах фортификации Хеорота – искусно кованых железных поясах (*irenband* 'iron band'), укреплявших его стены внутри и снаружи: ... *he ... fæste wæs, innan ond*

utan irenbendum, searþoncum besmipod (Bwf., l. 773–775).

Хеорот – воплощение гармонии мира данов, устойчивости существующего в нем порядка; он несет в себе идеологическое содержание и встроено в дуальную мифологическую систему противостояния враждующих племенных миров – своего и чужого, удаленного, зыбкого (болотного), темного, хтонического, несущего разрушение данам. Отсюда описанные выше цветосветовые и артефактные презентемы ключевого пространства социальной реальности данов несут эмоционально-аттрактивный характер и представляют собой заданные культурой визуальные объективации эмоциональных состояний, связываемых с этим сооружением и теми ценностями, которые оно воплощает. Богатство, блеск золота и самоцветов выполняли фасциативную функцию, призваны были поражать, вызывать удивление, приковывать внимание, демонстрируя могущество их обладателя и процветание мира данов.

Своим исполнением Хеорот служил презентемой власти, средством демонстрации обществу ее присутствия, щедрости, внушения представлений о ее незыблемости, военном успехе и неукротимой мощи.

Как знаковый комплекс медовый чертог эксплицирует коллективные представления о способе организации и использования пространства власти, формах совместного действия в нем, отражающих существующую в обществе систему социальных отношений.

В поэме используется ряд композитных лексем для обозначения Хеорота, раскрывающих его назначение в потестарной культуре: *medoheal* (Bwf., l. 484, 638) – *медовый зал, трапезная*; *beahsele* (Bwf., l. 1177) – *палата для дарения колец*; *goldsele* (Bwf., l. 715) – *золотая палата, дворец*; *gifhealle* (Bwf., l. 838) – *хором для раздачи даров*. Данные обозначения связывают архитектурный объект с его функцией и соответствующими моделями поведения в нем, выступают «шапками» свернутых сюжетных структур, ритуалов власти, основанной на подвиге и вознаграждении. Особую роль в этих акциональных структурах презентации власти играли медовый напиток и дары.

Медовый напиток как презентема власти

Согласно поэме, мед, медовый напиток (*medo*) имел высокий семиотический статус и служил символическим атрибутом власти в германском обществе раннего средневековья. Сама возможность медовой трапезы на дружинных пирах означала отсутствие войны внутри общности и с другими народами: «Mead was more than just a drink. It was a symbol of power. If you had the time and luxury to sit around drinking mead, then all must have been well in your land. And conversely: if you didn't that op-

portunity, things must have been going badly» [23, p. 20]. В то же время разоренные медовые залы и привезенные в качестве трофеев медовые скамьи символизировали победу и власть над врагом.

В тексте поэмы используется множество лексических единиц, репрезентирующих культуру, связанную с питием данного напитка (*medodrinc*) и обозначающих а) сооружение, где проводятся медовые трапезы: *medoærn*, *medoheal*, *meduseld* (Bwf., l. 69, 484, 638, 3065) – *медовая палата, хором, чертог для пиршеств*; б) пространство где находится данное сооружение: *medowang* (Bwf., l. 1643) – *поле, долина медового чертога*; в) дорога, ведущая к нему: *medostig* (Bwf., l. 924); г) предметы мебели, используемые во время пиров: *meodosetla*, *medubenc* (Bwf., l. 5, 775) – *скамьи для медовых пиршеств*; утварь для медового напитка: *meduscenc* (Bwf., l. 1983) – *сосуд для меда*, *medoful* (Bwf., l. 624) – *медовая чаша*; д) состояние насыщения напитком: *meduwerig* – *упившийся медом*, *druncne dryhtguman* (Bwf., l. 1231) – *хмельные дружинники*; состояния радости и восторга во время пиршества: *medudream* (Bwf., l. 2019) – *медовое веселье*.

Поднесение медового напитка в Хеороте – важная составляющая «сценария власти», назначение которой – выделить героев и воздать им почести. При описываемом в поэме церемониале существовали определенные правила. Так, чашу подносит Вальхтеов (*goldhroden freolicu folccwen* – *золотом украшенная благородная королева народа*). Сначала – Хротгару как хозяину пира и правителю, упрашивая его принять чашу:

<p><i>Onfoh þissum fulle, freodrihten min, sinces brytta. þu on sælum wes, goldwine gumena, ond to Geatum spræc mildum wordum swa sceal man don.</i></p>	<p><i>Прими эту чашу, о господин мой, даритель сокровищ. Возрадуйся, щедрый друг героев, и геатам молви доброе слово, как и должно воину.</i></p>
--	---

(Bwf., l. 1169–1172)

Обратим внимание на то, что речь Вальхтеов содержит ряд заданных культурой обращений, презентем-вокативов власти, служащих символическим обозначением статусной позиции Хротгара (кто он) и роли (что он должен делать): *sinces brytta* (раздающий богатства, сокровища) и *goldwine gumena* (букв. «золотой друг воинов»).

Почетной чашей наделяется и гость в знак особого уважения. Согласно описываемому в поэме ритуалу, поднесение воинам медовой чаши, восхваления их отваги и благопожелания следуют после того, как конунг испивает медовую чашу до дна. Принятие чаши с медом из рук королевы считалось почетным, это презентема-демонстратив привилегии, предоставленной участникам пира, которой удостоивались лишь наиболее знатные и отличившиеся воины. Принимающий чашу должен был

совершить ответные действия. Во время первого пира, Беовульф, приняв чашу, произносит клятву (*að*) совершить доблестный поступок (*eorlic ellen*) – одолеть Гренделя, разоряющего земли данов. Клятва строится как инвертирование благопожелания (призывания желаемых событий) и включает злопожелание говорящего самому себе, в случае невыполнения данного обещания:

*lc gefremman sceal
eorlic ellen, oþðe endedæg
on þisse meoduhealle minne gebidan.
(Bwf., l. 636–638)*

*Совершу я должный поступок от-
важный или погибель свою в этом
медовом чертоге встрече.*

Наряду с похвалой и благопожеланиями, клятвы рассматриваются как один из видов публичных вербальных жестов, производимых персонажами перед сражением, в качестве психологической подготовки к нему. Данный перформативный речевой акт выступает также одним из семиотических средств формирования социальных границ, образования племенных союзов в условиях внешней агрессии [12, www]. Произнося клятву, Беовульф присягает на верность конунгу, который, в свою очередь, вверяет геату судьбу сокровищницы данов – символа величия их правителя, его могущества и власти. Клятва, таким образом, является также актом-презентом статусного позиционирования и сопровождает ситуацию установления на пиру определенных отношений, в которой воин принимает на себя обязательство, а конунг осуществляет свою власть, оказывая ему доверие, что в тексте поэмы выражается посредством речевых актов-побуждений, выражающих волеизъявление конунга: *Hafa nu ond geheald husa selest* (Bwf., l. 658). – *Прими и защиты чертог наилучший*. Отношения воина и конунга скрепляются медовым напитком. Питие медового напитка в Хеороте, таким образом, – социальный ритуал, связывающий конунга и воина словами и действиями.

Презентационная функция даров властителя

Завоевание земель, приумножение власти зависело от военных ресурсов, воинов, которых привлекала на службу возможность получения щедрой награды. Отношения власти и подчинения в данном случае определяются через понятие дара – определенной траты, утверждающей статус дарителя и обозначающей социальную дистанцию между конунгом и воином. Раздача даров эксплицирует этот иерархический элемент в системе общества. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «дар есть источник и самая сущность власти. Власть упраздняется лишь отдариванием» [1, с. 108]. Дар в поэме является платой за службу, поэтому не может быть взаимным. Раздача конунгом материальных ценностей – одно из важнейших средств демонстрации и удержания своей власти.

К ценностям, имеющим отношение к атрибутам во-

енной власти и отражающим принадлежность человека к элите общества, поэма относит, прежде всего, искусно изготовленные предметы оружия, одежды боя и конское снаряжение (*herebyrne hondum gebroden, sid ond searofah* (Bwf., l. 1443–44) – *кольчуга, вручную сплетенная, широкая и искусно украшенная, herenet hearde* (Bwf., l. 1553) – *сеть боевая (кольчужная), тяжелая; hwita helm... since geweorðad... besette swinlicum* (Bwf., l. 1449) – *сверкающий шлем, драгоценно украшенный и вепрем увенчанный*). Источник подробно описывает дары, которые получает Беовульф в Хеороте в награду за свои подвиги: *helm ond byrnan* (Bwf., l. 1022) – *шлем и кольчугу, segen gyldenre* (Bwf., l. 1021) – *стяг золототканый, mære maðþumsweord* (Bwf., l. 1023) – *меч знаменитый, eahta mearas fætedhleore* (Bwf., l. 1035) – *восемь боевых скакунов, щёчными бляхами (в сбруе, соголове) покрытыми* (Bwf., l. 1036), *sadol searwum fah... þæt wæs hildesetl heahcyninge* (Bwf., l. 1038, 1040) – *седло боевое конунга (Хротгара), искусно украшенное (пестрое, цветами переливающееся)*.

Особой социальной и культурной значимостью наделяется такое клинковое оружие ближнего боя, как меч. Меч – артефактная презентема элиты германского общества раннего средневековья, не только предмет вооружения, но и отличительный знак знатного, благородного воина. Мечи нарекались именами, имели свою историю жизни, включавшую их особое происхождение (родословную), участие в битвах, передачу по наследству или в качестве дара (*sweord-gifu*) и погребение [24, p. 13–20]. Они выступали символами рода, клана, народа, «наследием предков». В малых жанрах фольклорной культуры, наряду с другими предметами вооружения, они персонализировались, наделялись коммуникативной потенциальностью и рассказывали свои истории. Среди вербальных презентем статусности данного предмета вооружения можно выделить лексему *maél* ‘отмеченный, имеющий отличительный знак, примету, примечательный чем-л’, входящую в состав таких слов-композиций древнеанглийского языка, как *hringmaél* – *кольцами отмеченный*, *wundenmaél*, *bródenmaél* – *отмеченный сложноузорчатой многослойной ковкой*. К статусным отличиям относились проверенность временем, боевую историю (*eald sweord* (Bwf., l. 1559, 1664, etc.), *sweord ... gomol* (Bwf., l. 2683) – *меч старинный*), невероятную прочность, гибкость меча, его рубящие качества, грани лезвия (*escgum þyhtig* (Bwf., l. 1558) – *с закаленным острым лезвием*), текстуру оружейной стали, технологиюковки клинка и узоры, специальные отметины, украшения (*sweord ... wreoethen-hilt and wyrm-fah* (Bwf., l. 1699) – *с крученой рукоятью и драконом украшен; gomol ond grægmæl* (Bwf., l. 2683) – *старинный с серебряными прожилками*). В коллективном сознании германских народов меч, несомненно, относился к категории ценностей.

Как отмечает Е.А. Мельникова, «великолепие и неповторимость оружия является распространенным прие-

мом героической характеристики, оно служит видимым атрибутом героической сущности персонажа. Избранность героя находит отражение и в избранности оружия, в их предназначенности друг другу» [8, с. 85]. Отсюда, получить особенное оружие в качестве награды – высшая честь, которой удостоивался лучший воин, *secg betsta* (Bwf., l. 947), своими подвигами добывший славу (*ðær wæs Beowulfes tærdō* (Bwf., l. 856-57) – *то была слава Беовульфа*). Трофеи и дары, как символ прославления своего рода, Беовульф передает Хигелаку: *eafor heafodsegn* (Bwf., l. 2152) – *венреглавый стяг*, *headostearne helm* (Bwf., l. 2153) – *высокий боевой шлем*, *hare byrnan* (Bwf., l. 2153) – *железную кольчугу*, *gidſweord geatolic* (Bwf., l. 2154) – *боевой меч отменный*. Это жест преданности и подчинения воина своему властителю – конунгу.

Выводы

Поэма «Беовульф» – ценный источник для исследования презентационной стороны власти в германском обществе раннего средневековья. Эта внешняя сторона рассматриваемого социального феномена наиболее ярко представлена в описаниях пира при дворе конунга – социокультурной практики, создаваемой коллективно, обладающей вовлекающей и объединяющей силой, в которой вербально и визуально эксплицируются характерные для данного периода представления о власти, модели статусной стратификации общества и отношений между людьми.

Как устоявшаяся форма экспонирования устройства социального мира, пир в Хеороте имеет ритуальный символический характер, предполагает повторение типовых сценариев социальной коммуникации, вовле-

чение в происходящее ключевых участников, присутствующих лиц, телесных и речевых практик, а также предметов. Он характеризуется неоднородностью знаковых комплексов, зрелищностью, эмоциогенностью и фасцинативностью.

Комплексные знаки власти в данном событии включают семиотически маркированное пространство (Хеорот), в котором предъясняются и взаимодействуют между собой артефактные и акциональные презентемы выстраивания и коммуникации образов власти, демонстрации обществу ее присутствия, щедрости, военного успеха и неукротимой мощи. Особое внимание при этом уделяется презентационной функции материальных объектов, высоко ценимых в социальной практике, представлявших собой ценности самой власти. Обладание ими, получение их в качестве дара от властителя – свидетельство избранности, особого статуса. Отсюда угощение медовым напитком и раздача даров в Хеороте – важная составляющая «сценария власти» и инсценирования существующих внутри общества отношений.

Лингвосемиотический подход к исследованию социальных феноменов фокусирует внимание на демонстрационной коммуникации знаков, драматургической организации общения, на мельчайших единицах воздействия и позволяет раскрыть презентационный потенциал таких многомерных концептов, как власть.

Источники и принятые сокращения

1. Bwf. – Beowulf 4.0 (online edition). – The British Library and The University of Kentucky College of Arts & Sciences, 2015. – URL: <https://ebeowulf.uky.edu>, (accessed 20.10.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет: КДУ, 2009. – 389 с. ISBN 978-5-98227-619-3
2. Брэгг М. Приключения английского языка. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-91671-822-5.
3. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред.: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 383 с. – ISBN 978-5-91419-366-6.
4. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. – Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009. – 164 с. – ISBN 978-5-94348-050-8.
5. Гвоздецкая Н.Ю. Формульность и лексикон ритуальной речи в древнеанглийском героическом эпосе (на материале введения прямой речи в поэме «Беовульф») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2016. – Т. 15, No 4. – С. 168–178. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.17>.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 326 с. – ISBN 5-7525-0740-5.
7. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – Москва: Вост. лит., 2004. – 462 с. – ISBN 5-02-018476-4.
8. Мельникова Е.А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. – Москва: Мысль, 1987. – 203 с.
9. Неклюдов С.Ю. Эпос в мировой литературе // ШАГИ/STEPS, 2015. – Т 1. – № 2. – С. 7–22.
10. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Москва: Гнозис, 2007. – 407 с. – ISBN 5-7333-0184-8.
11. Санников С.В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища (интер)тексты: монография. – Москва: Буки Веди, 2016. – 220 с. – ISBN 978-5-4465-1225-6.
12. Санников С.В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // Universum: электрон. научн. журн. – 2017. – № 10 (44). –

- URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171> (дата обращения: 25.10.2021).
13. Смирницкая О.А. Эпос Северной Европы: Пути эволюции / О.А. Смирницкая, И.Г. Матюшина, Е.А. Гуревич и др. – Москва: Изд-во МГУ, 1989 (1990). – 175 с. – ISBN 5-211-00365-9.
  14. Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия: каноны и толкования. – Москва: Яз. славян. культуры, 2005. – 175 с. – ISBN 5-9551-0089-X.
  15. Томберг О.В. Образ. Ценность. Культура: лингвоаксиологические аспекты изучения художественных образов древнеанглийской литературы: монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019. – 310 с. – ISBN 978-5-7996-2582-5.
  16. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. – Москва: Магистериум, 1996. – 447 с. – ISBN 5-85374-006-7.
  17. Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века = Pouvoir et société en l'Europe occidentale au Moyen Âge. – Москва: Наука, 2008. – 312 с. – ISBN 978-5-02-035981-9.
  18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Москва: Гнозис, 2004 – 324 с. – ISBN 5-7333-0144-9.
  19. Эко У. Свет и цвет в Средние века // История красоты; под ред. У. Эко. – Москва: СЛОВО/SLOVO, 2017. – С. 99–131. – ISBN 978-5-387-01336-2.
  20. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. – Санкт-Петербург: Symposium, 2004. – 538 с. – ISBN 5-89091-252-6.
  21. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04. – Волгоград, 2009. – 492 с.
  22. Crystal D. The story of English in 100 words. – London (Croydon): GPI Group (UK) Ltd, 2012. – 260 p. – ISBN 978 1 84668 428 9.
  23. Culbert T. The Narrative Functions of Beowulf's Swords // The Journal of English and Germanic Philology. – Vol. 59. – No. 1. – 1960. – P. 13–20. JSTOR. – DOI:10.2307/27707401.
  24. Earl J.W. Thinking About 'Beowulf'. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 220 p.
  25. Grant S. Fifteen Theses on Transcendental Intersubjective Audience / S. Grant // About Performance. – 2010. – No 10. – P. 67–79. – ISSN 1324-6089.

© Палашевская Ирина Владимировна (irina_777@volsu.ru), Гогенко Виктория Владимировна (gogenko-v@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РЕГИОНАЛИЗМОВ¹

Семенов Алексей Иванович

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный
государственный университет», г. Магадан
aisemenoff@mail.ruDESCRIPTIVE FUNCTION
OF REGIONALISMS²

A. Semyonov

Summary: In the scientific literature, not all functions of regional vocabulary have been identified and described. The novelty of the research is seen in the fact that the descriptive (descriptive) function of lexical units is considered on the basis of regional material. Examples of the implementation of the descriptive function are considered based on the study of lexicographic sources, functional and contextual research methods are used in the work. Developing the ideas of V.A. Nikonov, who proposed a descriptive function to explain onomastic phenomena, the author clarifies the concept of a descriptive function, which is considered for the first time in relation to common nouns. It seems that the descriptive function is a set of etymological, diachronic and synchronic stable associative connections that are generated by this word, "suggest" a possible discourse, form the direction in which it is necessary to comprehend the use of a lexeme (for example, a corresponding narrative). The descriptive function of regionalisms is most clearly manifested when comparing different discourses (regional and all-Russian, different regional discourses). A separate topic of study can be such a special case of the functional limitation of lexemes of local use as their discursive connectivity, and the need for such studies is due to the fact that these regionalisms are involved not only in the formation of local variants of the language picture, but can also be a means of identifying ideas about a given region among speakers of other regions or the national language in general.

Keywords: regional linguistics, regionalism, jargon, Kolyma; descriptive function, discursive limitation.

Аннотация: В научной литературе выделены и описаны далеко не все функции региональной лексики. Новизна исследования видится в том, что описательная (дескриптивная) функция лексических единиц рассматривается на региональном материале. Примеры реализации описательной функции рассматриваются с опорой на изучение лексикографических источников, в работе используются функциональный и контекстный методы исследования. Развивая идеи В.А. Никонова, предложившего дескриптивную функцию для объяснения ономастических явлений, автор уточняет понятие описательной функции, которая впервые рассматривается применительно к нарицательным существительным. Представляется, что описательная функция – это совокупность этимологических, диахронических и синхронических устойчивых ассоциативных связей, которые порождаются данным словом, «подсказывают» возможный дискурс, формируют направление, в котором необходимо осмысливать употребление лексемы (например, соответствующий нарратив). Дескриптивная функция регионализмов наиболее ясно проявляется при сравнении различных дискурсов (регионального и общерусского, разных региональных дискурсов). Отдельной темой изучения может быть такой частный случай функциональной ограниченности лексем локального употребления, как их дискурсивная связанность, а необходимость подобных исследований обусловлена тем, что данные регионализмы участвуют не только в формировании местных вариантов языковой картины, но и могут быть средством выявления представлений о данном регионе среди носителей других диалектов или общенационального языка в целом.

Ключевые слова: региональная лингвистика, регионализм, жаргонизм, Колыма; описательная функция, дискурсивное ограничение.

Появление региональной лингвистики было связано с изучением функционирования лексики локального употребления в художественной или этнографической литературе. Именно отсюда появилось выделение номинативной (в том числе номинативно-терминологической) и стилистической функций [22, с. 27–28]. В текстах региональные лексемы могут выполнять и другие функции: поэтическую, номинативную, этнографическую, идентифицирующую, познавательную или эмотивную [18].

С одной стороны, регионализмы являются не только

фактами литературной речи (точнее сказать, вкраплениями в нее), так как ими пользуются носители разных форм существования языка, представители разных социальных групп. Изучение речи региональных социальных групп – одно из возможных направлений исследования функционирования региональной лексики. С другой стороны, далеко не полностью исчерпан потенциал литературных и этнографических текстов, в которых употребляется региональная лексика. Изучение функций лексики локального использования в подобных текстах также является важным направлением региональной лингвистики. Отдельной темой изучения функциональ-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России».

2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project 20-012-00266 "Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia".

ных возможностей регионализмов может быть их дискурсивная связанность (как частный случай функциональной ограниченности), а необходимость подобных исследований видится в том, что они помогают понять не только локальные варианты языковой картины, но и выявить представления о данном регионе среди носителей других региолектов или общенационального языка в целом.

В области ономастики описательную (дескриптивную) функцию ввел в научный обиход В.А. Никонов, который рассматривал наряду с описательной еще номинативную и идеологическую функции онимов. Он считал, что дескриптивная функция опирается «только на этимологическое значение (Рыжий, Третьяк)». В.А. Никонов утверждал, что «эта функция действует только в первичных именах (образуемых непосредственно из нарицательных) и только пока живо этимологическое значение» [16, с. 247]. Отметим, что указанная социальная роль ономастическими единицами выполняется далеко не всегда (в отличие, например, от номинативной функции). Реализация дескриптивной функции свидетельствует о формировании у носителей языка устойчивых ассоциаций, связанных с этимологией слова.

Опираясь на материал поэтических антропонимов, мы предложили расширить понимание описательной функции, выделив три аспекта: этимологический, диахронический и синхронический [21]. Этимологический аспект – это дескриптивные ассоциации или формы рефлексии, связанные с происхождением слова. Этимологический аспект – это часть диахронического «измерения», и данное разграничение достаточно условно. Тем не менее отдельное рассмотрение этимологического аспекта объясняется не только следованием традиции, но и акцентированием внимания на том, что «живость» этимологического значения соотносится с определенными формами рефлексирования по поводу происхождения данной леммы, включая паронимическую аттракцию. «Этимологическое значение» может соответствовать, а может и не соответствовать научной этимологии. Добавим также, что этот аспект, по нашему мнению, проявляется в формировании «этимологического контекста» (наличие устойчивых представлений о возникновении слова, которые опираются на этимологические и словообразовательные отношения между словами, при которых можно наблюдать языковую игру, региональную прецедентность, использование фигур речи, построенных на этимологии). Ср., например, регулярное обращение пропагандистов к этимологии слова «Петр» («камень») в Петровскую эпоху [4]. Внутри «этимологического контекста» «производное» может обогащать дополнительные смыслами производящую основу.

Диахроническое измерение – это такие исторические связи слова (развитие его внешнеязыковых контактов

или его внутриязыковая эволюция), которые вызывают дескриптивные ассоциации при использовании данной леммы, что помогает, например, сообщить об исторических изменениях, происходивших с предметами или явлениями через исторические связи слов, служащих для обозначения этих предметов или явлений. Частным случаем реализации диахронического аспекта является такое использование имен в тексте, при котором данное художественное произведение «связывается» с другими текстами (это одно из средств вертикальной организации текста [15]). Например, отождествление в пьесах школьных театров Петра I с Давидом, Иисусом Навином и другими библейскими персонажами (Давид = Петр I), как персонаж пьесы и библейский Давид [4]. Следует добавить, что речь идет не только об авторских текстах, но и народной поэтической традиции, в том числе, о мифологемах, существовавших в различных социальных группах.

Синхронический аспект – это дескриптивные ассоциативные связи с теми или иными актуальными социальными явлениями, реально существующими людьми и т.п. Так, в пропетровских пьесах школьных театров связь имени персонажа с реальным лицом по законам барочной поэтики могла быть реализована через использование аллегорических имен, в этих пропагандистских произведениях таким лицом мог быть только сам царь-реформатор [4].

Итак, описательная функция выражается в том, что слово вызывает соответствующий дескриптивный ассоциативный ряд или даже рефлексию по поводу своего происхождения или функционирования, но ассоциации и рефлексирование не являются самоцелью (это уже приближение к метаязыковой функции), так как все это необходимо для «описательного» наименования предмета или явления (при отсутствии понятия о предмете или явлении, или при подмене существующего понятия). Это донаучный этап осмысления существования слова и его отношений с денотатом (например, наличие народной этимологии, иррациональных негативных или позитивных ассоциаций, приписывание качеств или свойств человеку, предмету или явлению), привлечение научной методологии позволяет трансформировать это явление в металингвистическую (метаязыковую) функцию. Развитие же образной составляющей при использовании поэтических средств может дать трансформацию в эстетическую (поэтическую) функцию. Описательная функция – дескриптивность (и нарративность) на уровне слова.

Отличие интересующей нас функции от номинативной можно проиллюстрировать схемами: 1) слово – понятие (понятие известно) – вещь (это номинативная функция); 2) слово – неизвестно понятие/подмена другим понятием – вещь (это описательная функция).

Рассуждения о трех аспектах описательной (дескриптивной) функции имен собственных вполне можно распространить на региональные онимы.

В качестве примера возьмем группу омонимов «Колыма», где обнаруживаем следующие значения: I) гидроним: 'река на северо-востоке Российской Федерации'; II) регионим: 1) 'территория, прилегающая к реке Колыме' (условно называем «узким» территориальным значением, остальные являются «широкими»); 2) 'территория на северо-востоке Российской Федерации, богатая природными ресурсами (золото, серебро и др.) и имеющая суровый климат'; 3) 'территория на северо-востоке Российской Федерации, где во времена сталинских репрессий находились многочисленные лагеря для заключенных' (кроме того, обнаруживается и гораздо более широкое понимание онаима: 'место заключения для осужденных (в прошлом и настоящем)'); 4) 'территория на северо-востоке Российской Федерации, совпадающая с современными границами Магаданской области' [20].

По нашему мнению, описательная функция лексемы «Колыма» реализуется следующим образом:

1. Этимологическое «измерение»: это слово не имеет надежной этимологии, и различные авторы предлагают свои варианты (несколько примеров см. в [9, с. 198–199]). «Своя» этимология – один из признаков «освоения» территории. Однако формируется значительный «этимологический контекст», который имеет разнообразные проявления (см. многочисленные примеры деривации в работе [3]), некоторые образования имеют исторический характер («колымский народ», «колымская вера», а также, возможно, «колымская нарта» [7]). Можно также добавить такие примеры языковой игры, как «Колыма-ГА» (некогда широко известное в Магадане название команды КВН), «КолыМачо» (название конкурса, Нижняя Колыма, Якутия), колымашники (название сотрудников телеканала «ТВ-Колыма-Плюс», жаргонизм магаданских журналистов). Здесь также можно обратить внимание на переосмысление лексемы «Хохлома», что может быть оценено жителями других регионов как не вполне политкорректная деривация: хохол 'украинец' + Колыма = Хохлома; просторечный регионализм отражает факт наличия большого количества этнических украинцев на Колыме и на данной территории не имеет негативных коннотаций.
2. Диахронический аспект: устойчивые ассоциации, обусловленные различными историческими изменениями, связанными с данным словом, например, наличие устойчивых представлений о Колыме (в том числе, и о современной) как о месте содержания заключенных. Эволюция восприятия Колымы и изменение политических условий отра-

жаются, как выразился А. М. Бирюков, на «мобильности» воззрений некоторых авторов на один и тот же объект – Колыму (ср. изменение оценки Колымы в романах В. Пальмана «За линией Габерландта» и «Кольцо Сатаны» [1, с. 599–613]).

3. Синхронический аспект: разница в представлениях о границах употребления слова, при которой наблюдаются различия оценочного характера. Многие люди, впервые приезжающие в Магадан из «центральных районов страны», обычно удивляются тому, что его жители, магаданцы, считают себя еще и колымчанами (от Магадана до Колымы более 500 километров). Кроме того, внутри «колымского пространства» можно встретить примеры контекстуального противопоставления Магадан – Колыма, причем в таком варианте, который не вполне очевиден для жителей остальной России: антитеза строится не столько на противопоставлении узкого и широкого территориальных значений топонима «Колыма», сколько на трансформации широкого («административного») значения, из которого «исключается» Магадан. Так, колымский краевед И.А. Паникаров, внесший значительный вклад в изучение истории поселков Колымы, упрекал «магаданских литераторов» за то, что они «не сочли нужным "повозиться" с рукописью» романа «Кольцо Сатаны» [1, с. 611] («магаданские литераторы»: в приведенной фразе относится только к литераторам Магадана, но не Магаданской области. Вероятно, это упрек в сторону А.М. Бирюкова).

За пределами Колымы на лексеме «Колыма» сказывается восприятие территории сквозь призму сталинских репрессий, топоним расширяется до «метафоры тоталитарного насилия, несвободы, бесправия, смерти» [3, с. 204]. Эти различия иллюстрируются, как отмечает Е.М. Гоголева, известной сценой в знаменитой кинокомедии Л.И. Гайдая «Бриллиантовая рука». Многим зрителям памятна реакция испуга и отторжения («Нет уж, лучше Вы к нам!») жуликоватого героя в исполнении А.А. Миронова на простодушные слова добродушного северянина («Будете у нас на Колыме – милости просим!») [3, с. 203].

Наличие этимологических, диахронических и синхронических устойчивых ассоциативных связей, которые порождаются данным словом, формируют или дискурсивные ограничения (то направление, в котором необходимо осмысливать употребление слова), или соответствующий нарратив. Вероятно, дескриптивная функция наиболее ясно проявляется при сравнении дискурсов (регионального и общерусского, дискурсов разных регионов), в формировании которых участвуют регионализмы.

Возьмем в качестве примера лексику «трасса» / «Трас-

са». В качестве местного семантического регионализма это слово имеет следующее толкование: 'обширное пространство, по которому проходит Колымская трасса, включающее в том числе и населенные пункты, расположенные на данной территории' [11]. Перед нами расширение значения, с которым данное слово обычно используется (наряду со словосочетанием «Колымская трасса»): это разговорное наименование автомобильной дороги общего пользования федерального значения Р504 «Колыма». Позитивный (или нейтральный) нарратив для колымчан (ср. название и содержание песни «Колымская трасса» (*Трасса, колымская трасса, Магадана душа...*), стихи О. Волина и музыка Б. Тихонова [8]) обусловлен тем, что это главная транспортная артерия региона. Дискурсивно оформленным является восприятие этой дороги как «дороги костей» в описаниях путешественников из других регионов страны [6]. Блогер, проживающий на Колыме, делает акцент на суровых природных реалиях (ср. название и содержание публикации Е. Радченко «Колымская трасса. Суровая и беспощадная» [17]).

Разные региональные дискурсы, в формировании которых участвует лексема «трасса», также могут содержать интересующие нас примеры реализации описательной функции. Пример ситуации, в которой представлена нетождественность региональных лексико-семантических вариантов данной лексемы, приводит Ю.Ю. Магерарова. Таксист, проживающий в Магадане, на свой вопрос («Ты что, с трассы?») получил в ответ бурную реакцию от девушки, прилетевшей в Магадан из Барнаула (для жителей Алтая словосочетание «девушка с трассы» – эвфемизм к слову «проститутка»). Указанное словосочетание для жителя Колымы является нейтральным. [10, с. 99]. Для жителей разных регионов употребление данной лексемы дискурсивно ограничено регионально измененной семантикой и соответствующим ассоциативным рядом.

Другой пример – лексема «материк», которая в качестве семантического регионализма служит средством описать «пространство, связанное с постоянной или временной жизнью в климатически более теплых регионах Отечества (сначала – Советского Союза, а теперь – Российской Федерации) за пределами Магаданской области, преимущественно в Европейской части России» [3, с. 200]. Как отмечает Ю.Ю. Магерарова, «территориальная отдаленность Крайнего Северо-Востока от Центральной России привела к тому, что словом *материк* магаданцы и жители Магаданской области называют любую территорию России, кроме самой Колымы» [11].

Е.М. Гоголева сообщает о психолингвистическом эксперименте, в ходе которого магаданцам (разные группы жителей) предлагалось «содержательно оценить фразу «Магадан находится на материке». Как отмечает ис-

следователь, «первой реакцией детей и взрослых было некое семантическое сопротивление, что выражалось в замедлении ответа, обдумывании (у детей в спонтанном возражении)». Е.М. Гоголева говорит о восприятии Магаданской области как своего рода острова, отсюда «островная метафора» в сознании магаданцев и в текстах колымских авторов [3, с. 200–202], лексема «материк» – одно из средств реализации этой метафоры, этот регионализм также дискурсивно связан (реализация нарратива изолированности и отдаленности региона).

Вероятно, наибольшую наглядность реализации описательной функции можно видеть в словах, образованных от имен собственных (например, от географических названий). Здесь «этимологическое значение» (в том числе словообразовательные связи) может «подсказывать» нужное понимание такого деривата (своеобразная опора на «этимологический контекст»).

Так, в группе омонимов «Колымка»/«колымка» (все это разговорно-просторечные слова) есть имена собственные и имена нарицательные. В первом случае обнаруживаются как реально существующие регионализмы (значения неофициальных омонимов: 'нижнеколымская газета «Колымская Правда»; 'верхнеколымский районный конкурс детского творчества «Колымская звездочка»; 'Колымская ГЭС'), так и «фейковые» слова ('река Колыма'; 'Колымская трасса'; 'улица Колымская в г. Магадане'). Подробнее о лексических значениях данных слов и особенностях их функционирования см. в нашей работе [19]. В дополнение к тому, что было сказано нами ранее, отметим то, что сближает многие значения интересующих нас слов. Вообще, среди нарицательных существительных этой группы омонимов не всегда понятно, является ли данное слово продуктом словотворчества одного человека или это факт речи многих носителей языка. Среди примеров употребления лексемы «колымка» в качестве имени нарицательного есть случаи, когда русскоязычные жители других регионов (или даже других государств) демонстрируют такое использование этой лексемы, которое «приписывает» Колыме наличие предмета (его появление, его некую ценность и т.д.), названного этим словом (в самих колымских региолектах данное слово не используется в указанных значениях). Интересующие нас омонимы являются частью региолектов, не связанных с Колымой. Ср. значения: 'салат из свежей рыбы, то же, что пятиминутка' (Якутск); 'двуручная пила' (один из русских региолектов на территории Украины); 'самодельная лампа' (В.Т. Шаламов); 'шапка-ушанка лагерного образца' (Ж. Росси) [19].

Если обратить внимание на общность семантики интересующих нас омонимов, то нарицательные «колымки» – все это нечто грубое (грубо сделанное), простое, если не примитивное (хотя можно подобрать и иное определение: «брутальное», «суровое»). Можно предпо-

ложить, что в этих производных слова «Колыма» отражается значительная часть устойчивых негативных представлений об этой территории. Национальному корпусу русского языка это слово почти неизвестно (колымка: 1 документ, 2 примера употребления), речь идет о цитатах из произведения В. Т. Шаламова, в некоторых словарях жаргонизмов можно встретить два «лагерных» значения [13].

«Приписывание» тех или иных свойств необязательно должно иметь негативный характер. Возьмем в качестве примера название одной разновидности хлеба, которое можно встретить в Магадане: «Белгородский». Тот же вид хлеба, по нашим наблюдениям, в самом Белгороде (а также в Воронеже) называется «Городской». Приписывание происхождения этого вида хлеба Белгороду, возможно, отражает положительное восприятие этой территории в глазах магаданцев.

Следующий пример – лексема «якутка», в национальном корпусе русского языка (15 документов, 18 примеров употребления) слово известно только со значением 'представительница коренного населения Якутии' [13]. Здесь также можно указать на колымский регионализм, имеющий значение 'лошадь якутской породы' (см. в воспоминаниях Е.С. Гинзбург: «И конечно же, они привязали к дереву эту лошаденку, кривоногую якутку» [2, с. 336]; по нашим наблюдениям, в Магаданской области с данным значением это слово используется и сегодня). Наряду с указанными существует еще одно значение: 'якутская шапка' – это слово используется в качестве товарного наименования, появление товара ассоциативно соотносится с Якутией («Якутка-люкс», «Якутка» [5; 23];

ср. также в той же функции употребление лексемы «Якутяночка» [24]).

Отсутствие знаний о понятии, названном словом, может формировать разнообразные устойчивые ассоциативные связи, которые искажают представления о предмете. Так, в известном на Ямале словосочетании «чумовой капитал» (национальный корпус русского языка знает лексему «чумовой» только в разговорно-просторечном значении (50 документов, 80 примеров употребления), ср. значения в словаре жаргонной лексики: 'превосходный, отличный' и 'неординарный, производящий впечатление; шокирующий' [12, с. 677]). Незнание местных реалий «формирует» искаженное представление о том, что названо этим словосочетанием. Речь идет о деривате лексемы «чум» 'дом, яранга'. Впрочем, и слово «капитал» в региональном ямальском официальном дискурсе в данном словосочетании явно предстает семантическим регионализмом: речь идет не о денежной сумме, а о комплекте материалов для постройки и перевозки чума [14].

Выводы. Представляется, что описательная функция – это совокупность этимологических, диахронических и синхронических дескриптивных устойчивых ассоциативных связей, которые порождаются данным словом. Эти связи – следствие манипуляций, связанных как с планом выражения, так и с планом содержания. При помощи ассоциативных связей формируется необходимое автору высказывания направление, в котором необходимо осмысливать употребление данного слова, тем самым обнаруживается связанное со словом дискурсивное ограничение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков А.М. Две Колымы Вячеслава Пальмана // Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2 : Очерки и эссе. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011. – С. 599–613.
2. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. – Магадан: Книжное издательство, 1989. – 713 с.
3. Гоголева Е.М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. – 2007. – Вып. 2. – С. 199–208.
4. Дворянова А.А. Имена префигураций Петра Великого в пьесах школьных театров // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2018. – № 30. – С. 89–94.
5. Детская шапка «Якутка-люкс» 2009-4 // Пчелкин Дом: Интернет-магазин детской одежды. – URL: <https://pchelkindom.ru/product/2009-4-shapka-yakutka-lyuks> (дата обращения : 11.11.2021).
6. Жирухин А. Трасса Колыма, или «Дорога костей». Прокатился по дороге с самой жуткой историей [17.06.2020] // Яндекс. Дзен: сайт. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/bepowerback/trassa-kolyma-ili-doroga-kostei-prokatilsia-po-doroge-s-samoi-jutkoi-istoriei-5ee8cd5476a61866586096a8> (дата обращения : 18.11.2021).
7. Золотова М.В. Лексема «колымский» как исторический регионализм // Евразийское научное объединение. – 2019. – 4-5 (50). – С. 299–301.
8. Колымская трасса: [11.05.2010] // Изба-читальня. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/178091> (дата обращения : 21.11.2021).
9. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. – Магадан: – Книжное издательство, 1989. – 456 с.
10. Магерарова Ю.Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 93–102. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-93-102.

11. Магерасова Ю.Ю. Семантические регионализмы (на примере использования на Крайнем Северо-Востоке России лексемы трасса) // Тезисы VI Международной научной конференции «Культура русской речи»: 2019. – URL: <https://drive.google.com/file/d/1dk9BDJfQ6dX52n5cTr6D0v5mrRkKbNtq/view> (дата обращения : 18.10.2021).
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – 720 с.
13. Национальный корпус русского языка: – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 12.12.2021).
14. На Ямале начали вручать чумовой капитал [30.04.2021] // Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа: официальный сайт. – URL: <https://www.yanao.ru/presscenter/news/67958> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3–18.
16. Никонов В.А. Имя и общество. – Москва: Наука, 1974. – 278 с.
17. Радченко Е. Колымская трасса. Суровая и беспощадная [25.03.2015] // LiveJournal = Живой Журнал. – URL : <https://drs-radchenko.livejournal.com/48019.html>.
18. Семенов А.И. Поэтический регионализм (к определению понятия) // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 62–73. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-62-73.
19. Семенов А.И. Группа омонимов «Колымка» (словообразовательный и функциональный аспекты) // Научный диалог. – 2020. – № 10. – С. 172–193. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-172-193.
20. Семенов А.И. Из истории семантики слова «Колыма» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 163–168. URL :<http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2021/%E2%84%961/37450c10-edb7-454c-aa53-cf4e6691e313>. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.01.28.
21. Семенов А.И., Дворянова А.А. Описательная функция поэтонима // Филологический аспект. – 2018. – № 6 (38). – С. 29–36.
22. Соколянская Н.Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект): Учеб. пособие. – Магадан: Изд-во СМУ, 2006. – 85 с.
23. Шапка Якутка в Плесеце // abino: сайт. – URL: <https://abino.ru/plesetsk/detskaya-odezhda/shapka-yakutka-iz-naturalnoy-634917079> (дата обращения : 11.11.2021).
24. Шапка якутяночка из соболя (28 фото) // Alimentola: сайт. – URL: <https://alimentola.info/shapki/33139-shapka-jakutjanochka-iz-sobolja-28-foto.html> (дата обращения : 11.11.2021).

© Семенов Алексей Иванович (aisemenoff@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный государственный университет

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ДИАЛЕКТАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА¹

Соколянская Наталья Николаевна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный
государственный университет»
nata_sokol@mail.ru

EVALUATIVE VOCABULARY IN THE DIALECTS OF THE FAR NORTH-EAST²

N. Sokolyanskaya

Summary: This article discusses the main thematic groups of evaluative vocabulary in the dialects of the Far North-East.

Target. Study of emotional-evaluative connotation in the lexical meaning of dialect vocabulary in the speech of old-timers of the Far North-East.

Methods: analysis, synthesis, deduction, induction, classification and comparison.

Results. Evaluative vocabulary is a reflection of the specific features of the national and cultural perception of the world. Thematic groups of evaluative vocabulary are associated with realities that are relevant for dialect speakers (crafts, weather, assessment of a person's inner qualities, his attitude to work, sociability, etc.)

Conclusions. A large number of lexical units with a connotative element of expressiveness and evaluativeness, reflecting a person's subjective perception of the world around them, testify to the anthropocentricity of the speech dialect system of the Far North-East.

Keywords: dialectal vocabulary, evaluativeness, connotation, stylistic coloring, emotional content.

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные тематические группы оценочной лексики в говорах Крайнего Северо-Востока.

Цель. Изучение эмоционально-оценочной коннотации в лексическом значении диалектной лексики в речи старожилов Крайнего Северо-Востока.

Методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация и сравнение.

Результаты. Оценочная лексика является отражением специфических особенностей национально-культурного восприятия мира. Тематические группы оценочной лексики связаны с актуальными для носителей диалекта реалиями (промыслы, погода, оценка внутренних качеств человека, его отношение к работе, коммуникабельность и др.)

Выводы. Большое количество лексических единиц с коннотативным элементом экспрессивности и оценочности, отражая субъективное восприятие человеком окружающего мира, свидетельствуют об антропоцентричности речевой диалектной системы Крайнего Северо-Востока.

Ключевые слова: диалектная лексика, оценочность, коннотация, стилистическая окраска, эмоциональное содержание.

Отношение человека к миру и к окружающим его людям выражается в особом психологическом состоянии субъективного переживания, имеющего вид эмоций. К числу базовых эмоций, по мнению К.И. Изарда, относятся радость, горе, интерес, удивление, гнев, отвращение, презрение, стыд, вина, страх. Обычно они обнаруживаются в сочетании друг с другом, а если проявляются «отдельно», то «лишь в течение очень коротких периодов времени, в частности, до того, как активизируется другая эмоция» [7, с. 84].

Языковые средства выражения эмоциональности в речи проявляются на всех уровнях языка - фонетическом, лексико-семантическом, словообразовательном и др. При этом возможно использовать слова, которые не только выражают эмоции (*зайчонок, лентяй*), но и описывают их (говорить *гневно*, смотреть *изумленно*). Обычно выражение чувств осложняется еще и особой экспрессией, добавочной коннотацией, сопровождаю-

щей лексическое значение слова. Такие оттенки позволяют выразить более тонкие переживания говорящего в момент речи при употреблении эмоционально окрашенных слов: *хваленый* (ироническое), *новоиспеченный* (шутливое), *смазливый* (фамильярное) и др.

Кроме того, экспрессивные оттенки в слове могут обнаруживать дополнительную, как положительную, так и отрицательную оценочность: *незабвенный* (торжественное), *манерный* (неодобрительное), *малевать* (пренебрежительное), *холуйство* (презрительное), *хлюпик* (уничижительное) и т.д. Экспрессивность лексической единицы позволяет «репрезентовать субъективные аспекты восприятия человеком действительности» и выражать качественно-количественные свойства реалий, а также «непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения, оценки» [9, с. 213].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России»

² This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project 20-012-00266 "Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia"

Предметом нашего исследования является речь русских старожилов Крайнего Северо-Востока, потомков людей, которые более трех веков назад осваивали новые земли и осели на них, смешавшись с коренным населением. Северные условия и существование в окружении эвенов, чукчей, юкагиров, ительменов и т.д. привели к заимствованию русскими моделей хозяйствования (охота, рыболовство), а также типов материальной и духовной культуры их соседей.

Этнографы признают, что старожильческое население было сосредоточено в таких населенных пунктах, как Русское Устье (на Индигирке), Походск, Нижнеколымск, Среднеколымск, Верхнеколымск (на Колыме), Черский, Анадырский острог, Марково, Усть-Белая (на Анадыре), Гижига (на Гижиге) и т.д. Большинство этих поселков подробно описаны в научной литературе, основанной также на отчетах приезжавших туда с проверкой чиновников, записках путешественников и миссионеров РПЦ, исследованиях врачей (Олсуфьев, Гондатти, Сокольников, Аргентов, Богораз и т.д.).

Термин «русские старожилы», по мнению Н.Б. Вахтина, можно использовать условно, поскольку «эти группы не являются в полной мере русскими, и уж точно они не более старожилы, чем коренные народы» [6, с. 16]. В.Г. Богораз отмечал «своеобразную племенную смесь», возникшую от смешения русских с «туземными аборигенами». При этом в лингвистическом отношении был сохранен русский язык «со многими старинными словами и выражениями, русские песни, сказки, суеверия» [3, с. 103].

Более детальные языковые факты мы получаем из областных и региональных словарей, «богатейшие данные которых позволяют исследовать народную речевую культуру как важную составную часть и средство выражения духовной культуры» [1, с. 233]. Для исследования нами был выбран «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока», включающий около 6 тысяч лексем и устойчивых словосочетаний, которые являются фактом речи русского старожильческого населения Охотского побережья (Охотск, Ямск, Ола, Тауйск), реки Колымы (Походск, Нижнеколымск, Среднеколымск и др.), Гижиги, Марково и др. Кроме того, были использованы материалы «Областного словаря Колымского русского наречия» В.Г. Богораз, «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Словаря русского языка XI-XVII вв.».

Предметом изучения стала лексика с оценочной коннотацией, позволяющей субъективно выразить отношение говорящего к предмету речи или адресату речи. Этот элемент лексического значения слова показывает ценность объекта высказывания на основе испытываемых чувств. В диалектной среде критерием оценивания являются народные представления о норме, чем определяется шкала оценочности от «положительного» до

«отрицательного/негативного». Более широкая палитра эмоций включает в себя и такое отношение к предмету речи, как одобрение/ неодобрение, ценное/ неценное, полезное/ вредное, нравится/ не нравится и т.д.

На словообразовательном уровне оценочное значение формируется с помощью субъективно-оценочных суффиксов, традиционно именуемых как «уменьшительно-ласкательные» (-ечек-, -ишк-, -ок- и др.). Однако часто эти суффиксы выражают общую экспрессию речи. Смысловое содержание этих суффиксов разнообразно, среди них наблюдаются и эмоционально-оценочные, и эмоционально-размерные, и уменьшительно-увеличительные, способные подчеркнуть объективные свойства предмета, влияющие на его восприятие и оценку. Так, например, повсеместно на Крайнем Северо-Востоке употребляется слово *туесок* («ласк.») - то же, что *туес* - посуда из бересты; *положечек* («уменьшит.-ласк.») к *полог* - спальное помещение в яранге; *ганзишка* («уменьш.-пренебреж.») к *ганза* - курительная трубка, чаще всего деревянная, иногда из мамонтовой или моржовой кости [8, с. 539].

Тематические группы оценочной лексики прямо соотносятся с актуальностью для говорящих предметов, свойств, действий, понятий, которые они называют. В частности, это сфера промыслов, погодные условия, способность к работе, социальное значимое поведение и эффективная коммуникация, оценка человека по интеллектуальным и физическим данным, отношение к окружающей обстановке, характеристика предметов материального мира.

Промыслы

Проживание русских старожилов и коренного населения в общих селениях сказалось на формировании общего типа хозяйствования, которое включало рыболовство, разведение ездовых собак, охоту на дикого оленя. Особенности промысловой деятельности русского населения на Крайнем Северо-Востоке предполагали наличие в каждой семье собачьей упряжки. Ездовое собаководство обеспечивало транспортом рыболовство, пушной промысел, хозяйственные нужды.

Хотя исконно оленеводством на севере занимались преимущественно коренные народы, но русские также использовали этих животных в хозяйстве: приручали их, впрягали в нарты, находили применение меху оленя, готовили из мяса различные блюда и запасали на зиму. В первой половине XX века с началом коллективизации и организации колхозов, русское старожильческое население также было вовлечено в сферу оленеводства, поэтому в их речи отмечены такие характеристики оленей [8, с. 539]:

- держальный олень* («прирученный дикий олень»);
- худомозглый олень* («тощий олень»);
- худомозгло мясо* («нежирное мясо»);

худой мозг (дурной вкус мозга в трубчатых оленьих костях);
сухой олень («худой, чахлый, больной олень»);
ондата («самый сильный, крупный олень в стаде, но в то же время самый послушный»);
матёрый («большой, крупный, сильный»): «Матёрой олень убили, а жонка (важенка) сама к поселку пришла»;
добромозглый («тучный, сытый (об оленях); в трубчатых костях этих оленей мозг имеет хороший вкус»);
пряговой олень («олень для езды»): «Праговы олени в цене...»;
ходовой олень («впрягаемый в нарту олень»);
полохливый («пугливый»): «Домашние олени полохливы, кидацца туды-суды, бояцца»;
хромая зараза («болезнь копыт у оленей; копытка»);
кудряшок («годовалый олень») [8, с. 539].

Важную роль в хозяйственной жизни русских старожилов играло *рыболовство*, потому что рыба была основной пищей людей и собак в северных условиях: все лето ее вялили, а к началу осени складывали в специальные амбары.

Среди оценочных слов мы находим наименования и признаки рыбы (свежей и вяленой) разного качества [8, с. 539].:

ходовая рыба («рыба, идущая в реки из моря для метания икры (кета, чир, нерка); промышленная рыба разделяется на два сорта: на ходовую рыбу и постоянную»);
уловная рыба («лучшая рыба, добываемая на уловах (осетр, нельма, чир)»);
дагамса = дахамса («высший сорт юколы»): «На дахамсу использовался лучший лосось – нерка, кижуч. Дахамсу снимали с тушки рыбы одним пластом, а позвоночник с хвостом оставался в качестве отхода. Эти позвоночники с остатками мяса связывались хвостами попарно и вялились на корм собакам»;
снулая рыба («сонная, неживая рыба в зимних водоёмах»);
хачира («сушеная рыба низкого качества, приготовляемая на корм ездовым собакам (обычно сельдьятка, чокур)»: «С вашей сладкой юколы уйду на свою гнилую хачиру»);
пустой («некачественный») «Пустая нельма... Дазе человека называли в досельно врэма – пустые гвозди» [8, с. 539].

Положительная оценочная коннотация отмечена и в группе слов охотничьей тематики, где требуется дифференциация меха различных животных, выражение отношения к изобилию или отсутствию зверей, указание на степень плодовитости птиц других обитателей леса:

норничный мех («мех песцового щенка, выкопанного из норы (мех малоценный)»); *пышное* («дорогие меха»); *пышно* («пушнина»); *пышный мех* («мех, обладающий длинным пушистым ворсом»: «Пышной мех из песцех, из

лисицы из дошлых»; *пакостьеватый* («богатый, обильный чем-либо (о мелких зверях: песцах, лисицах, зайцах)»): «Место пакостьевато песцами»; *плодущий* («плодовитый»): «Сто собацка, сто песец – онно плодусса твар» [8, с. 539].

Влияние погодных условий различных атмосферных процессов на результаты промысловой и хозяйственной деятельности нашло отражение в группе «лексика природы». Наиболее актуальными являются характеристики погоды, времени года, ветра, снега, воды. Здесь мы встречаем метафорическое образное выражение *погода опомнилась* («погода успокоилась, стала лучше»), которое отражает понимание тесной связи человека и природы, олицетворение стихии ее силы. На Крайнем Северо-Востоке, где лето очень короткое и каждый день важен для промысла и заготовок на зиму, погодная стихия действительно воспринимается как бедствие: «Ноньса погода опомнилась, дамно июле не було такого. Подобное переносное значение, с акцентом на интенсивность действия, отмечается в глаголе *распалиться* («разбушеваться, разъяриться (о реке, когда от прибылой воды в ней усилится течение или она выступает из берегов)») [8, с. 362].

Для описания летних температурных аномалий используются лексемы *меженный* («жаркий, серединный (о лете)») и *межень* («середина лета, от Иванова до Ильина дня») [8, с. 362].

Дождливый день и его последствия оцениваются как негативная ситуация:

мокредь «сырость, слякоть»: «Насу мокредь ночью пойдед, обутки оставис (в) грязе»;
растороп («весеннее бездорожье; распутица»): «Утром поедешь, хорошо, полден по расторопу невозможно, вечером опеть хорошо, доберешься» [8, с. 539].

Группа однокоренных слов с общим семантическим компонентом «туман, сумрак» включает лексемы со значением предметности, признака, действия и признака действия [8, с. 539]:

морок («туман, сумрак, облачность, ненастье»); *морочный* («пасмурный, мрачный, облачный (о погоде)»): «У нас цисто весна-то мороцна, ну казной год, а лето хоросоё»; *морочать* («надвигаться сумраку, облачности, туману»): «Погодите выеззять, морочает, мозете (в) пургу попасти»; *морочно* («пасмурно, облачно, мрачно по небу»): «Сомолет не будет, мороцно с утра було, а к вецеру погоду не зди».

Словосочетание *худой ветер* («холодный, северо-западный ветер») указывает на направление ветра и одновременно обозначает его негативный эффект для прогнозирования погодных изменений. Другое направление ветра обозначено прилагательным *гнилой (гнилой ветер)* («ветер с северо-востока»). Старожилы севера

считают, что он плохо влияет на состояние человека и опасен для него. Прилагательное *гнилой* распространено в русских народных говорах прежде всего в значении «гнилая болезнь, сифилис», что привело к его стилистической окраске «бранное». Семантика прилагательного *гнилой* в разных регионах варьируется как «злой дух» (Арх.), «гнилая сторона, гнилой угол – сторона, откуда дуют ветры» (повсеместно, в том числе Иркут., Колым. Якут., Том.). В «Словаре русских народных говоров» значение «восточный (о ветре)» отмечено для Корсунского уезда Симбирской губернии в 1895-1896 гг. [12, с. 246]. Но еще раньше в середине XIX века Охотский окружной врач Богородский, составляя медико-топографическое описание Гижигинского округа отмечал, что такой ветер «вредным образом действует на здоровье»: «Действие его ощутительно не только на тело, но и на оправления духовные: человек под продолжительным влиянием его чувствует какое-то расслабление во всем теле, теряет аппетит, расположен к сонливости, и большую часть дня проводит или во сне или в бездейственном состоянии..» [4, с. 61]. Слово сочетание *гнилой угол* также фиксируется на Крайнем Северо-Востоке в значении «направление SWW» [2, с. 539]; «сторона, откуда дует сырой ветер»: «Опеть подуло с гнилого угла» [8, с. 118].

Человек представляет собой сложную систему, воплощением которой является не только материальное (видимое внешне), но и социальное, психическое и т.д. Оценка человека как факта обыденного сознания является постижением познавательного опыта некой общности людей, которые осмысливают реальную действительность и отражают ее в фактах языка. При этом имеет место не только рациональное и логическое восприятие человека, но его эмоциональная характеристика. В процессе общения вырабатывается сходное отношение к определенным качествам человеческой личности, единство национально-ценностных взглядов. Семантические блоки, которые можно выделить при исследовании тематического поля «Человек», включают название, характеристику и оценивание человека. Специфика оценочной установки в диалектном сообществе заключается в том, что, в отличие от литературного языка, отрицательно-оценочные слова преобладают: «языковую маркированность» получают «явления аномальные», неприемлемые, «не вписывающиеся в норму» [14, с. 479].

Внешние качества человека являются отражением внутренних психоэмоциональных особенностей личности, а значит, в социальной жизни являются информацией повышенной важности. Эмоциональная оценка зависит от характера эмоции, которую вызывает человек: положительная эмоция коррелирует с положительной коннотацией в лексическом значении (*дошлый* «искусный, проворный, ловкий»; *подхотливый* «бойкий, смазливый»; *приуборенький* «нарядный»), а отрицательная – с негативной коннотацией (*дракливый* «драчливый»; *дракун* «драчун, забияка»; *мухортый* «слабый, тощий,

хилый») [8, с. 539].

Вербальные ряды с оценкой качеств человека формируются вокруг таких тематических групп, как «физические данные, сила, здоровье», «отношение к труду», «смелость, храбрость», «социальная характеристика», «умственные способности», «коммуникабельность» и др.

Слова, оценивающие физические данные, силу и здоровье, составляют синонимические ряды и антонимические оппозиции. Так, семантический компонент «сила, выносливость» отмечен в словах [8, с. 539]:

осилок («невероятной силы человек, силач»); *дюжий* («крепкий, выносливый»): «Побегот – он всех перегоняет, у него нервы здоровы, нет одыски и сердце дюжее»; *омбал* («здоровяк, крепыш, здоровый крепкий парень»): «Оннако, сто нас Ока, сто твой Юра – омбалы, одинаковы»; *улаханистый* («сильный, крепкий»): «Улаханистой парень, а не дерется, в борьбу не ходит»; *улахан* («большой, крупный человек, животное»): «Такого улахана разве уложишь (в борьбе)»; *задушный* («тщедушный»): «Ты спрашивас, сто это знацит? (задушный). Вот дед Новгороддох задусной, вот смотри больно худ».

В этой лексической группе находятся слова, в которых выражено противопоставление таких понятий, как «ловкость» и «неповоротливость, медлительность» [8, с. 539]:

облом («крупный, неуклюжий человек»); *меледливый* («медлительный»): «Шибко ты меледливой, парень!»; *меледный* («медленный»): «Меледной шаг, так до Низнего два ння пройдед»; *легач* («лёгкий на ногу человек»): «Я молодой бул, легач бул.. Человек легко бегат»; *дошлый* («искусный, проворный, ловкий»): «Васка, он дошлой, олень ловит больсе всех».

Оценочная лексика, связанная с описанием физического здоровья, силы и ловкости, обычно соотносится с очень важной характеристикой человека – отношением к работе, работоспособностью. Так, прилагательное *кисловатый* в своей региональной семантике имеет значение «неповоротливый, апатичный (о человеке)». Иллюстративный материал из речи русских старожилов подчеркивает связь физических данных человека и его способность к работе: «Микто Березкин - кисловатой парень: отец гуворит: - Иди собачек запряги, - а он обутки снимат, потом опять обуват, сапку исчет, просло времо...» [8, с. 539].

Историю развития такого переносного значения у признакового слова можно объяснить особенностями пищевых заготовок у коренных народностей: рыбу, гусей, оленей, которые добывались летом, хранили в небольших ямах где они подвергались брожению, подгнивали, «кисли» до наступления холодов. Сема «испорченное» в слове «кислый» отмечается также «Словарем русских народных говоров» в Сибири, на Камчатке, в

Амурской, Вологодской, Мурманской областях: «Протухший, испортившийся, загнивший, разлагающийся» [12, с. 235]. Но словосочетание *кислый человек, кисловатый парень* в значении «плохой, неповоротливый работник, апатичный и недеятельный человек» зафиксировано только на Колыме [3, с. 66].

Отношение к труду передается с помощью следующих лексем с оценочным значением:

относливый («хорошо относящийся к делу, старательный»): «Он относливой парень, выполняют работу здорово»; *трудолюбимый* («работающий, трудолюбивый»): «Нина Игнатьевна трудолюбима, сейчас в школе работает и дома порадок, корову дёрзят»; *трудящий* («работающий, трудолюбивый»): «Не трудяшкой, так что ж на пенсию надеяться»; *прихилиться* («притаиться, спрятаться от работы»): «Прихилиться – это уж не работник, оман, притаился»; *нешевелющий* («недеятельный, ленивый, нетрудолюбивый»). лексемы, характеризующие человека по его желанию/нежеланию работать,

Адъективное слово *могутный*, мотивированное глаголом «мочь», на Колыме имело значение «сильный, могучий»: «Могутной человек, борец, не как теперешние молодяжники» [3, с. 81]. При дальнейшем употреблении прилагательного к акцентированию на физических данных человека присоединилась оценка работоспособности, умения трудиться: «Человек, который способен много и хорошо работать, что-либо изготовлять. «Николай-то Егоровиц Потапох могутной музик, фсо мзот роботать, бул много лет председателем совета» [8, с. 539].

Успешность любого промысла зависит не только от удачи, но и от ловкости и старательности охотника или рыбака, поэтому слово *добычливый* также относится к группе лексики, которая раскрывает понятие о трудолюбии: «Старательный, прилежный, удачливый (об охотнике). «Добучливой можот всегда добусти, хоросой охотник, промусляет песцох, рыбу, нерпей» [8, с. 539].

Гендерное разделение видов занятости дает возможность охарактеризовать и женскую работу, главным критерием которой является чистота и порядок в жилище и подсобных помещениях, умение поддерживать чистоту одежды и предметов быта. Нами зафиксированы синонимические ряды предметного и признакового характера со значением «плохая хозяйка», что свидетельствует об актуальности женской работы на Крайнем Северо-Востоке. Среди них имеются фонетические варианты (например, *ахреян – охреян*) [8, с. 539]:

арахлейка («неряшливая женщина»): «Арахлейка баба, неряшливая, нечистоплотная»; *ахреян* («то же, что охреян»); *охреян* («неряха, нечистоплотный человек (бранное)»): «Эх ты, охреян!»; *охреянка* («неряха, нечистоплотная женщина (бранное)»); *годовка* («нечистоплотная, бесхозяйственная женщина»): «Хозяйка не моет, не стирает, плаття не передевает, годовка»; *дендеруха*

(«неопрятная, неповоротливая женщина»); *халява* («неряха»): «Девка-то, мольче халява, ходит, распустя оборы, как стень»; *хабарковатый* («неряшливый»): «Э-э, хабарковато какова: тут не уберет, тут не усмотрит, посуду не вымёт, порядку нет...»; *арахлеватый* («распущенный, неряшливый»): «Экой арахлееватой, прости господи, ходит, распустя оборы»; *распустя оборы ходить* («быть неряшливым»): «Это тоцно распустя оборы ходит: сапка нет завязки, обутки – рваньё, сам не бритой неделю, а получат хорошо...» [8, с. 539].

Взаимоотношение людей в северных условиях оказывают влияние на слаженность работы, успешность промысла и даже на безопасность. Культурная традиция имеет стереотипы на уровне коммуникативного поведения на вербальном и невербальном уровне. Напряженность в общении, вызванная разными представлениями о правильном поведении говорящих, ведет к конфликтам, затрудняющим любое сотрудничество. «Диалектная речь как вербальное средство, с одной стороны, обслуживает процесс коммуникации, с другой – является образовательной платформой для передачи новым поколениям знаний о традициях устного народного общения» [13, с. 170].

Тематическая группа оценочного типа, отражающая специфику коммуникации в говорах Крайнего Северо-Востока, включает следующие слова:

ерестливый («сварливый, ворчливый»): «Приеззает и говорит, сто, мама, я зыть там не буду, мать его ереслива, отец пьяница, и он туда зээ»; *опроцаник* («человек, уклоняющийся от общения с другими, нелюдимый»); *куркулей* («нелюдимый, злобный человек»); *нетоварищный* («неприветливый, необщительный»): «Пойдес к нему, там покурить или денег попросить, он скажет – нет, а у самого есть, а если даст – недовольный буват, вот они и нетоварисной целовек»; *неприбежный* человек («не желающий общаться с другими, нелюдимый, неприветливый»); *оглода* («грубиян, отвечающий на просьбы, приказы бранью, неуступчивостью, огрызающийся человек»): «Уступи младсей, оглода, она просит теба»; *глодаться* («браниться, ссориться»): «Не глодайся с ним, Юра, он маленький, ты большой мольчик...»;

худобышный («сердитый, грубый»): «Я висла замус свекровь така худобысна була, детей було многоро, труно приходилось... и по хозяйству, и дома, а топер мои невестки говорат – я худобысна, мнуков не люблю...»;

худонравный («то же, что худобушный»); *раскострыжиться* («раздражённо, злобно ответить, окрыситься»);

разнобаярщина («несогласие, спор, неразбериха»): «Казной год у них разнобаярсона, никак сговориться не могут, с кого сколько взять»;

распробранюшка («ссора, брань между кем-либо»): «Распробранюшка була с угрумою жenuшечкой»;

попирать («бранить, ругать»): «Мы там вон попирались вчера, дело до драки досло»;

ереститься («ссориться, браниться»): «Ерестятся между собой, не сходятся, не могут примириться»;

подсекнуться («подольститься, лицемерно похвалить»): «Вот ты пийёхой цейёвек (к примеру), думаю я, а говору тебе – хоросой; вот я и подсекуйся к тебе»;

подхилимный («притворный»): «С тобой друзимся, а пойду и говору: она така, да сека, вот это подхилимной и есть»;

сокатый («зубатый, бойкий на язык»): «Сокатый парень, что и говорить, мольчеть уж не станет»;

треститься («приставать, цепляться к кому-либо»): «Чего-то он трестится наскоковат, чё надо-то ёму»;

наёра («забияка, задира»): «Ванька Остракох, сын бабки Маланьи, фаброй наёра, а драться не могот»;

полоротый («рассеянный, невнимательный»): «Эко полоротой, да возгровкой Госа»;

простоязыкый («болтливый»);

просмешник («насмешник, шутник»): «Убери своего просмешника, я с пьену могу прибить»;

плесничать («сплетничать») [8, с. 539].

Семантическая группа с репрезентацией интеллектуальных способностей направлена на оценку быстроты ума, сообразительности, памяти и речи:

умняк («умник, хозяйственный человек; не дурак»): «Дядя Кеша бул умняк, старшой сын в него, а Серога балбес, учится не стал и работать не хочет»;

памятливый («обладающий хорошей памятью»): «Спроси Зипона Брагина, он паметливый, цлен партии, бувал на собраньях»;

посказательный человек («хороший рассказчик; человек, знающий много старин и старых сказок»): «Старики-то посказательны були люди, а мы то есть никова не помним и не знаем, хуже чукок»;

посказатель («знаток песен и сказок, хороший рассказчик»);

говорок («бойкий на язык человек, говорун»): «Мирон Старцев да Лизавета Броккина – вот говорки, все молчат, они говорят»;

альясный («глупый, бестолковый»): «Госа, перестань, не трогай Светоцуку, у, алясной, не понимаеш слов-то»;

худоумный («скудоумный»): «Нельзя сказать, чтобы худоумной бул, а ленивой, не хочет уроки учить...»;

альяс («бестолковый, придурковатый человек; употребляется как ругательство»): «Алляс – это дикой маненько, диковатой, дурак. Экой алляс!»;

альясничать («говорить вздор, заговариваться»): «Аллясной какой, я ему говору, а он не понимает, аллясничят»;

олишать («сойти с ума, лишиться ума, одуреть; остервенеть»): «Сохсем парень олисал, выпихка довела, а какой роботяссой бул, Хабаровске уцлился» [8, с. 539].

Сложность и разнообразие речевых ситуаций в говоре затрудняет стилистическую дифференциацию и не позволяет установить узуальный характер нормы. Однако мы можем все-таки выявить в рамках исследования эмоционально-оценочных лексических единиц, как на-

родные представления о мире соотносятся с эмоциональной сферой носителей русского языка на Крайнем Северо-Востоке. Кроме того, представляется возможным определить, как реконструируется окружающая действительность в свете этой оценочной практики. Народная речь, представленная в иллюстративном материале анализируемого регионального словаря, дает богатый материал, по которому можно судить о коннотативных особенностях того или иного слова. Метафоричность семантики слов отражает образные представления о реалиях, существующих в сознании человека.

Группа слов со сходным значением, с одной стороны, очерчивает границы понятийного поля, а с другой – детализирует каждый элемент внеязыковой действительности, уточняя и дополняя его. Приведем некоторые примеры синонимов, характеризующих эмоции и состояния человека, а также общую оценку явлений:

страститься («пугаться, бояться, страшиться»);

дыгнуть («струсить, оробеть»): «Оробел, сначала сопротивлялся, а потом дыгнул»;

опризориться («ощетиниться, взъесться; возненавидеть»): «Ниолай Егоровиц да Мирон-то Алексеевиц опрезорились, не розговаривают год»;

оскаляться («сердиться, браниться»): «Сероска, не озорницай, дедуска оскаляться будёт»;

осердиться («рассердиться, взбеситься»);

дурну одёрнуть(сдёрнуть) («разгневаться, сорвать зло»): «Я на тебя дурну сдёрнул»;

тихомирный («тихий, смирный, скромный»): «Никовды не ссорытся, никово не трогат и робетисок не обизат, тихомирный парень Кока»;

мольчажливый («молчаливый, скромный»): «Детей-то моих семь цёловек, один неронной, хоросой мальчик, мольцазливой такой, послушной...»;

стыдкой («нехороший, некрасивый, неприличный, неудобный»);

дурной («непутёвый, некрасивый»): «Много девуски дурные»;

страстной («добротный, отменный, хороший»): «Страстные собаки у Митрея!»;

достойный («добротный, отличный, замечательный»);

годявый («годный хороший»): «Годяво дело затеял, да струменту нет, не осилить»;

Антонимические пары слов с качественной семантикой дифференцируют ту или иную сущность, указывая на противоположности внутри нее:

копошкой («быстрый, проворный»): «Развитой, сустрой парниско, как у нас скажут – копосной»// *меледливый* («медлительный»): «Шибко ты меледливой, парень!»;

худящий («негодный, очень плохой»): «Да, век свой живет криво, худящей человек, вот и топер попался на преступлении»// *достойный* («добротный, отличный, замечательный») [8, с. 539].

Архаическую семантику сохраняют в диалектной речи однокоренные слова с положительной оценкой *опасный, опасно*. В русском литературном языке качественное прилагательное *опасный* употребляется как нежелательная характеристика ситуации: «закрывающий в себе опасность»// «способный причинить большое зло, несчастье»// «такой, который может отрицательно повлиять, оказать нежелательное воздействие» [5, с. 715].

Об актуальном употреблении прилагательного *опасный* в диалектной среде Крайнего Северо-Востока можно судить по развитию многозначности в его семантической структуре: «Опасный. 1. Добротный, быстрый (о ездовых собачках). 2. Отличный, первоклассный (о мастере). *Он опасной кузнец бул*». Адвербиальный дериват, образованный от этого качественного прилагательного, сохраняет эту семантику: «*Опасно*. Хорошо, здорово, добротнo. *Старик рассказывал опасно*» [8, с. 539].

Обращение к словарю XI-XVII вв. дает материал для изучения истории функционирования слова на примере древних официально-деловых текстов. Широкий диапазон значений адъектива включает такие компоненты, как «тщательный, прилежный», «бдительный, внимательный», «обеспечивающий защиту, охрану», «надежный», «искусный, ловкий», «опасающийся, боящийся чего-либо», «защищенный, обереженный».

При этом в русских народных говорах в XX веке происходит развитие многозначного потенциала прилагательного и фиксируются такие значения, как «осторожный, осмотрительный», «заботливый», «чрезмерный, необыкновенный, в проявлении чего-либо» [12, с. 241].

Таким образом, говоры в отличие от литературного языка, имеют разнообразный не вполне упорядоченный набор выразительных средств. М.В Панов считал, что «если в одной из синхронных разновидностей языка преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях) то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим». Важной определяющей чертой литературного языка, по мнению ученого, «является преодоление нефункционального разнообразия единиц» [10, с.56]. Исходя из такого понимания, говоры представляют более простое в стилистическом отношении образование, чем литературный язык. Их стилистика ограничивается исключительно стилистической окрашенностью отдельных слов и их групп. В диалектной речи проявление различных видов оценок зависит от коммуникативной ситуации и объекта оценки, поэтому так важно, чтобы в зону внимания при анализе лексических единиц вовлекался иллюстративный материал живой диалектной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова И.О. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры// Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – М.: Наука. – 2002. С. 232-240.
2. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собр. на месте и сост. В.Г. Богораз. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 346 с.
3. Богораз В. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. V. 6. P. 103–125.
4. Богородский А.А. Медико-топографическое описание Гижигинского округа// Журнал Министерства внутренних дел. – 1853. – Октябрь. – С. 49-138.
5. БТСРЯ - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб. : Норинт, 2002. – 1536 с.
6. Вахтин Н.Б. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания / Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцер П.. — Москва: Новое издательство, 2004. — 294 с.
7. Изард, К.Е. Эмоции человека: [Пер. с англ.] / Кэррол Е. Изард; Под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 439 с.
8. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России [Текст]: около 6000 слов и выражений / Г.В. Зотов; под ред. А.А. Соколянского-го. - Магадан: Северо-Восточный гос. ун-т, 2010. - 539 с.
9. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии// Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2009. - №1 (9). – С. 211 – 215.
10. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 568 с.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва: Наука, 1975-.
12. СРНГ - Словарь русских народных говоров. Вып. 1- 48. - М., Л., СПб., 1965-2015.
13. Соколянская Н.Н. Отражение в диалектной лексике коммуникативных качеств речи (на примере говоров крайнего северо-востока) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2021. - №01. - С. 169-174.
14. Шулякина Ю.С. Оппозиция «добрый, отзывчивый человек»/ «злой, недоброжелательный человек» в говорах ивановской области// Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее / сост. Н.С. Ганцовская. - Кострома, 2015. С. 479-483.

© Соколянская Наталья Николаевна (nata_sokol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ С XXI ВЕКА НА ОСНОВЕ ВИЗУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Сюй Ян

Кандидат наук, Ляонинский педагогический университет,
г. Да Лянь, Китай
xuyangdl@sina.cn

RESEARCH OF BORROWED LEXICON IN CHINESE FROM THE XXI CENTURY ON THE BASIS OF VISUAL ANALYSIS

Xu Yang

Summary: With the help of literature search and visual analysis of City Space, this article summarizes the achievements and shortcomings of research on Chinese borrowings from the 21st century. This article says that individual research of loanwords in Chinese is better than general research; static research is better than dynamic research; there have always been differences in the definition of loanwords and they need to be better discussed; research and compilation of loanwords are relatively backward, and there is still room for further efforts.

Keywords: borrowed vocabulary, Chinese language, Visual analysis, City Space.

Аннотация: С помощью поиска литературы и визуального анализа Cite Space в статье обобщаются достижения и недостатки исследований китайских заимствований с XXI века. Автор приходит к выводу, что индивидуальное исследование заимствованных слов в китайском языке является более перспективным, чем общее исследование. Кроме этого, статические исследования заимствованной лексики более информативные, чем динамические исследования. В лексическом значении заимствованных слов существуют определенные различия, которые необходимо исследовать. Компильция заимствованных слов является относительно отсталым методом изучения, поэтому вопрос исследования заимствований в китайском языке до настоящего времени является актуальным.

Ключевые слова: заимствованная лексика, Китайский язык, визуальный анализ, Cite Space.

Введение

Термин «заимствованная лексика» появился в 1950-х гг. вместе с понятием «слово» в китайском языке. В данной статье используются методы количественного и качественного анализа для изучения китайских научных достижений в области заимствованной лексики в XXI веке. При использовании количественных инструментов программное обеспечение Cite Space «концентрируется на эволюции входов и выходов из области знаний на карте сети цитирования» [21, с. 76]. Поэтому нами используется Cite Space 5.7 в программе Java.R2, с помощью которой можно перекодировать литературу для формирования базы данных образцов. Количественный анализ использует базу данных академических журналов «China Knowledge Network» (CNKI) (далее именуемую <url>) в качестве источника данных исследования. Используя функцию расширенного поиска <url>, устанавливаются следующие критерии поиска: «Тема=Заимствованные слова» или «Тема=перевод», при этом результаты поиска не должны содержать «Информацию», «Онлайн-дебют», «Расширенную публикацию» и «Расширенную китайскую и английскую» литературу.

Журналы отбираются по следующему критерию: «Академические журналы». В полученных результатах вручную сортируются «уведомления», «эссе» и «объявления» от работ, в которых отражено «содержание исследования».

1. Тенденции исследований

Подсчитав такую информацию, как распределение времени и объем статей, опубликованных в базе данных, можно интуитивно отобразить количество результатов исследования китайских заимствований и степень академического внимания. В хронологической карте распределения исследовательской литературы (рис. 1) представлены выдающиеся достижения в области исследований китайских заимствований в XXI веке [20, с. 98]. Тенденция к росту в предыдущие десять лет была более очевидной, поскольку наблюдались небольшие колебания с 2011 по 2016 год, а также снижение количества исследований с 2016 по 2020 год.

С точки зрения распределения дисциплин (рис. 2), лингвистика занимает основное место, при этом на китайскую и иностранную лингвистику приходится более 80% [25, с. 56]. Больше внимание концентрируется на изучении медицины, образования, СМИ и сельского хозяйства.

2. Анализ сети авторского сотрудничества

Нами был проведен визуальный анализ китайских заимствований в XXI веке. Наиболее важной командой в карте знаний, которой делятся авторы исследования, являются результаты исследований в области математики и библиотечного дела, а не исследования иностранной лексики в лингвистике. В лингвистике относительно

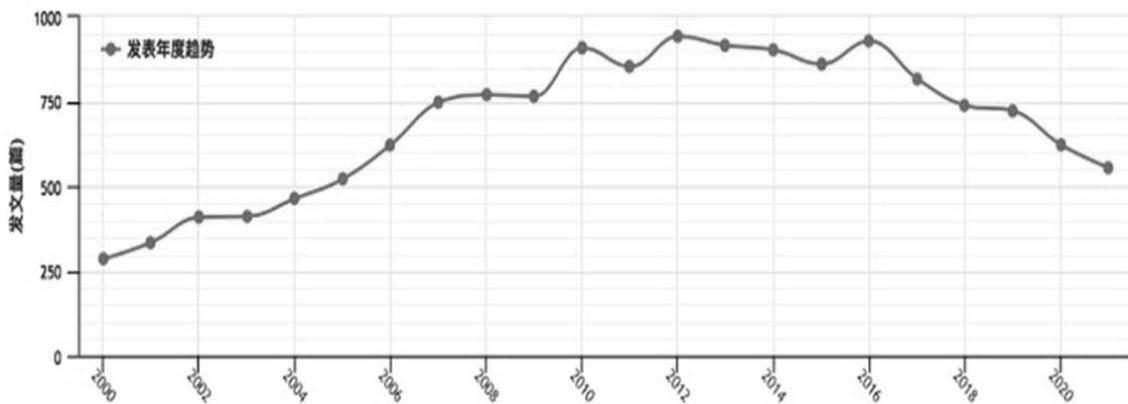

Рис. 1. Хронологическая карта исследовательской литературы (2000-2020)

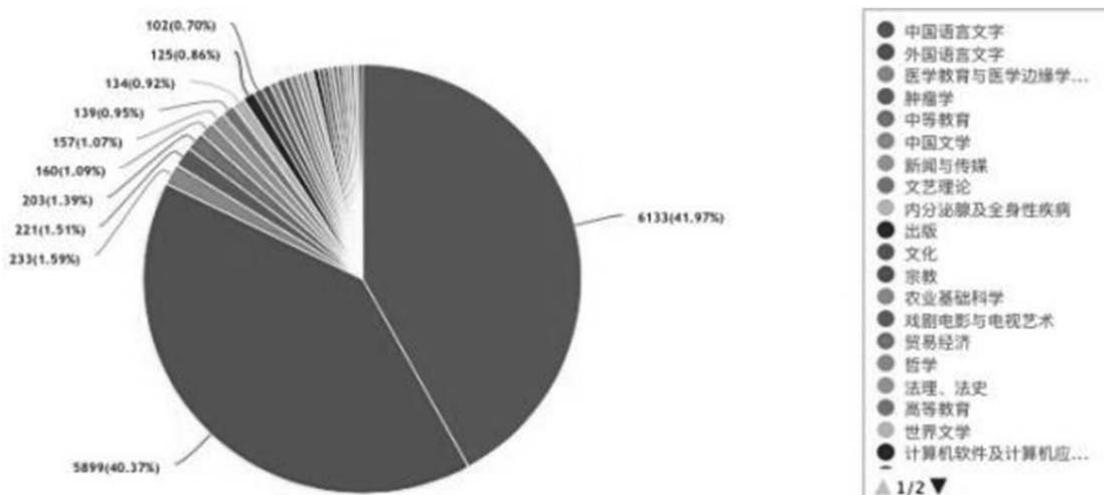

Рис. 2. Научные журналы. Карта распределения предметов (2000-2020)

мало групп по изучению иностранных слов. Кроме этого, большинство из них являются личными исследованиями.

Результаты исследования авторов, которые чаще появляются в базах данных (см. табл. 1) являются:

1. Джин Qibin (2004-2020), который изучал транслитерации и имитации иноязычных слов английского происхождения, выдвигал предложения по переводу имен собственных, анализировал семантические изменения иноязычных слов английского происхождения. Ученый исследовал новые тенденции в переводе иноязычных слов английского происхождения (запись перевода Гонконга и Тайваня), описывал степень усвоения иностранных слов.
2. Ю. Хи (2007-2020) изучал фонологические аспекты иностранной лексики английского происхождения, фонетическую подачу сонорных звуков («л», «р»), вставку, добавление, удаление, и т.д. из транслитерации лексем.
3. Ши Chunjang (2012-2017) подробно анализиро-

вал китайский перевод личных имен, выдвинул идеи о преподавании английского языка, имен и принципов перевода иностранных лексем на китайский язык.

4. Лю Fagong (2001-2019) занимался переводом юридических терминов.
5. Клык Синьсинь (2002-2007) обратила внимание на роль иностранных слов в аудировании с целью повышения «чувство языка» у обучающихся. В качестве доказательства она проводила соответствующие экспериментальные исследования [4, с. 67].

3. Актуальные вопросы исследования

Авторами статьи был проведен анализ совпадения ключевых слов в исследованиях иностранной лексики с начала XXI века. Были выбраны высокочастотные лексемы в ключевых словах в Cite Space, удалены и сопоставлены ключевые слова поиска, для того чтобы получить карту распространения совпадений ключевых слов в исследованиях иностранной лексики в современный пе-

Таблица 1.

Пятерка лучших авторов с частотными выступлениями (2000-2020)

Место	Частота	Ключевые слова	Первый год появления
1	16	金其斌	2004
2	10	于辉	2007
3	8	石春让	2012
4	8	刘法公	2001
5	8	方欣欣	2002

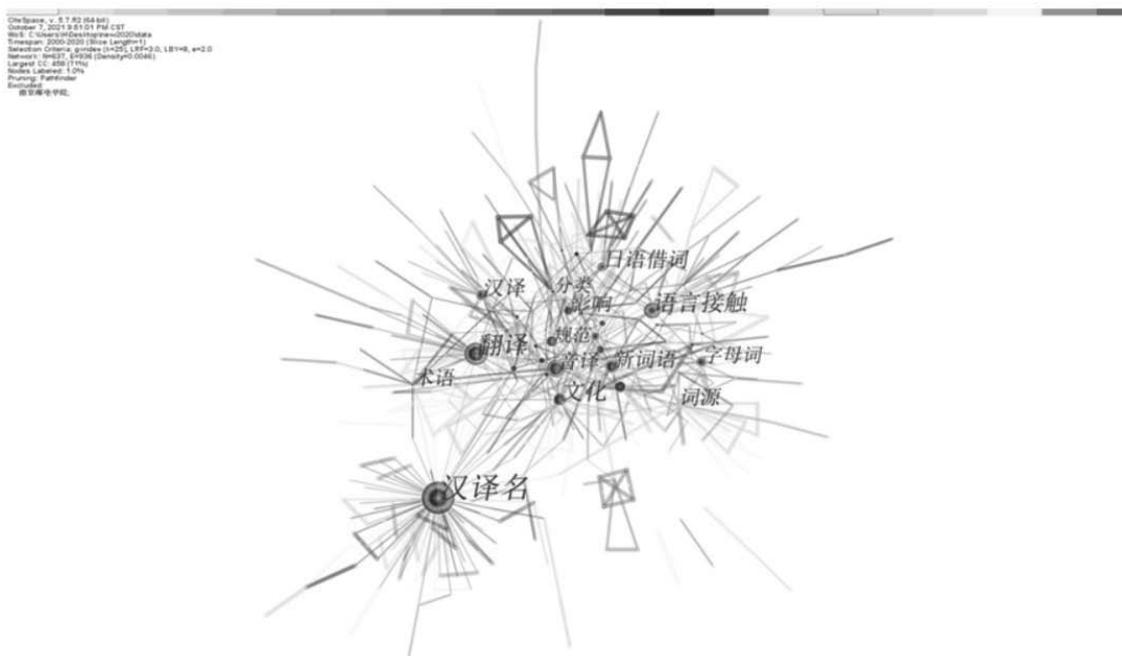

Рис. 3. Распространение совместного использования ключевых слов в исследовании китайских заимствований (2000-2020)

риод.

На рисунке 3 график генерирует в общей сложности 637 узлов и 936 соединений. Диаграмма показывает актуальность исследований в области перевода иностранных слов, транслитерации, языковых контактов, культуры, новых лексем и лексических норм в течение последних 20 лет.

4. Содержание исследования

Авторы работы отобрали ключевые слова в Cite Space для автоматической кластеризации, взяли первые 4 тега кластеризации, чтобы создать карту кластеризации и в результате получили «Карту распространения кластеризации ключевых слов китайских заимствований» (рис. 4).

Благодаря анализу кластеризации сети совместного использования ключевых слов можно обнаружить, что исследования иностранной лексики в XXI веке больше не придерживаются базового содержания работ, такого

как определение природы иностранных слов и перевод существительных.

Обобщим содержание исследований иностранной лексики за последние 20 лет:

1. Перевод терминов.

Начиная с XXI века в условиях все более тесного обмена информацией между странами и стремительного развития науки и техники, изучение перевода терминологии по-прежнему остается одним из основных направлений исследований китайских заимствований [3, с. 54].

С точки зрения терминологических категорий он включает названия животных и растений, личные имена, географические названия, научные и технологические термины, юридические термины, торговые термины и медицинские термины [22, с. 98]. Рутан Хунцзяо (2004) использовал иностранные слова при изучении древнекитайской номенклатуры растений; Чэнь Гоуа,

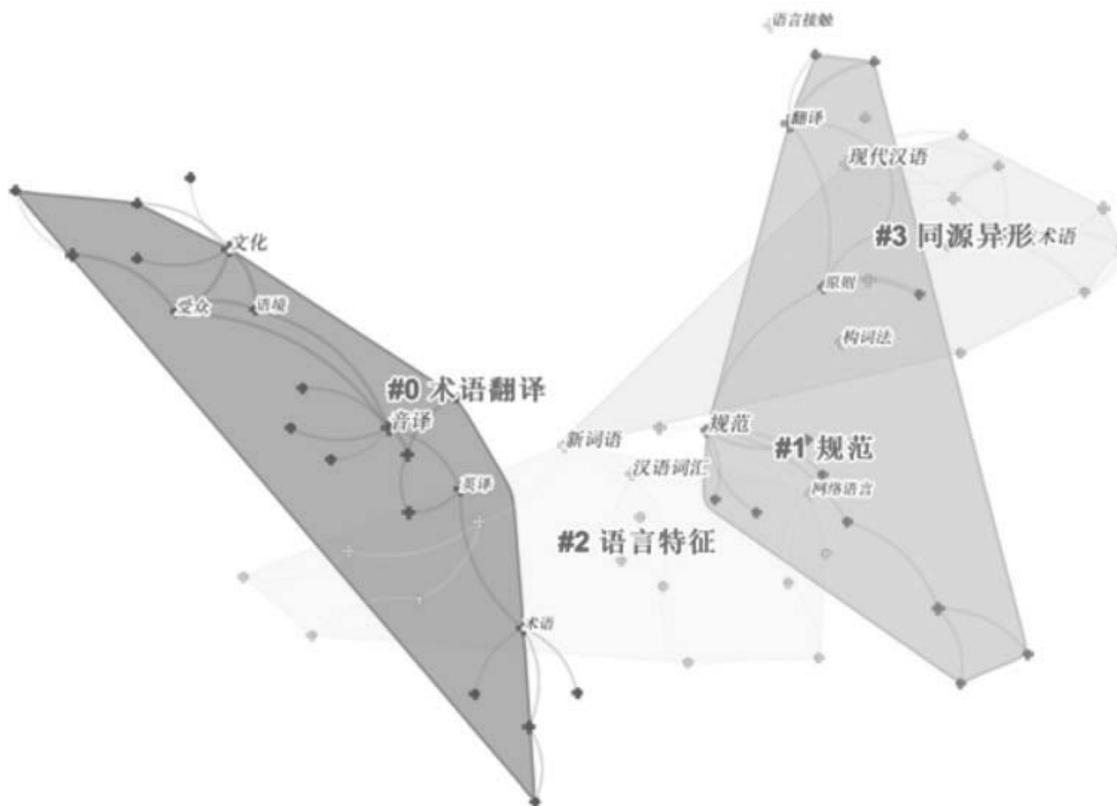

Рис. 4. Карта распространения кластеризации ключевых слов (2000-2020)

Ши Чуньцзян (2014) и Ло Чуаньвэй (2014) предложили стратегии перевода и принципы перевода названий на китайский язык; Ху Кайбао, Чэнь Цзаичюань (2000) и Лю Яменг (2004) обсудили перевод названий товаров и товарных знаков; Лю Фагун (2002) и Ян Фан (2005) обсудили принципы перевода торговой лексики; Ли Цзянбо (2003) обсудили принципы перевода торговой лексики. Ли Цзянбо (2003) исследовал иностранные слова, используемые в лексических характеристиках юридического английского языка; Ван Цзинбо (2003) и Ли Туванг (2007) проанализировали статус перевода терминов.

С точки зрения методов перевода появились различные стратегии перевода и теории перевода. Ли Яшу и Сюй Шудэ (2016) предложили новый метод перевода примитивных терминов, применимый к существующим лексемам в переведенном языке – “метод поиска перевода”; Ван Чунлей (2006) использовал теорию коммуникативного перевода Ньюмарка для интерпретации перевода названий фильмов; Хуан Сяо, Чжан Сяохан и Шуай Цзяньлинь (2006) обсудили перевод товарных знаков с точки зрения натурализации и отчуждения.

2. Языковая норма.

Нормативные исследования китайских заимствований в новый период в основном были сосредоточены

на нормализации новых слов и имен собственных [9; 10]. Чжан Дексин (2000) внес предложения о нормах новых лексем, утверждая, что необходимо придерживаться толерантного отношения, следует установить принцип гибкости и соблюдать соглашения; Ху Цинпин (2001) предложил, чтобы при переводе иностранных слов на китайский язык предпочтение необходимо отдавать методу “как фонетического, так и семантического перевода”, и обобщил модель регулярности в качестве ориентира для формулирования норм [10, с. 147]; Цзян Ванци (2005) обсудил стандарты перевода терминологии, выступая за то, чтобы внимание уделялось удобочитаемости и прозрачности названия перевода; Ван Пей и Рен Сяофэй (2009) анализировали выбор лексем для китайского перевода иностранных слов из культурного контекста [2, с. 577].

Новые теории и современные научные и технологические методы внесли выдающийся вклад в стандартизацию иностранных слов [17, с. 98]. Под руководством теории языкового контакта У. Фусян (2007), Дай Цинся, Тянь Цзин (2007), Ван Сяо (2009) обсудили эволюцию иностранных слов; Су Синьчунь (2003) отобрал 876 иностранных слов из 16 новых словарей, извлек 186 фонетических китайских иероглифов и проанализировал процесс, посредством которого фонетические китайские иероглифы превратились в фонетические морфемы, а

полифонические иностранные слова в монофонические морфемы, предложил «независимое использование» и «повторение» [14, с. 76].

В области словообразования Чжан Цзишэн (2003, 2006) использует теорию оптимизации для выявления влияния китайских заимствованных слов на структуру китайской фонологии [19, с. 8]. Чэнь Ганфэн (2008) предлагает фонетическое дополнение в качестве примера для анализа теории оптимизации транслитерации заимствованных слов. Юй Хуэй (2012) систематически анализирует фонологию заимствованных слов из китайских и английских источников в рамках теоретической основы фонологии заимствованных слов [24, с. 53]. Се Фэнфань (2014) также изучает заимствования с точки зрения фонологии заимствованных слов. Результаты исследований способствуют дальнейшему продвижению стандартизации китайских заимствований. Лю Юнцюань (2002) подробно обсудил лексическое образование буквенно-цифровых слов и связанные с этим вопросы, такие как методы чтения, письма и сортировки. Пан Сюэлян (2006) считает, что введение и использование буквенно-цифровых слов является удобным и быстрым.

Исследователь Ху Минян (2002) придерживается противоположной точки зрения. Он предположил, что злоупотребление иностранными лексемами может быть связано с чувством неполноценности.

3. Языковые характеристики.

В китайском языке заимствованные слова интегрированы во все аспекты языка и жизни, поскольку они существуют в большом количестве в онлайн-новостях, новых лексемах. Ву Дуньин (2001) указал, что заимствованные из английского языка слова обеспечивают новые аффиксы для современного китайского языка, а также проанализировал явление латинизации китайского языка.

Го Хунцзе (2002, 2007) предположил, что новыми характеристиками современного китайского усвоения заимствованных слов являются: увеличение букв, увеличение транслитераций и морфемизация заимствованных слов, а также обсудил влияние заимствованных слов на грамматику китайского языка. Чжан Юньхуэй (2007) провел исследование лексических и грамматических характеристик онлайн-языков, в котором участвовали 5 типов иностранной онлайн-лексики. Лай Янь (2008) провел прагматический анализ китайских заимствованных слов из английского языка [6, с. 62-64].

Исследования неологизмов в этот период содержат много иностранных слов. Исследовательская группа «Основные принципы неологизмов» Национальной

языковой комиссии (2002) предположила, что введение иностранных слов оказывает положительное влияние на развитие словарного запаса китайского языка [18, с. 18-19]. Современные китайские слова должны впитывать принципы Гонконга и Тайваня и диалектные слова и следовать общим принципам и правилам применения неологизмов, «конвенции и обычаев, постепенной стандартизации» и «конкуренции слов» [7; 12].

Лю Сяомэй (2003) упомянул в исследовании неологизмов, что транслитерированные иностранные слова появились в большом количестве, поскольку английский язык был основным источником иностранных слов; Чжоу Ган и Ву Юэ (2003) проанализировали новые популярны заимствования японского происхождения, классифицировали их, а также исследовали их развитие и изменения; Чжан Ишэн (2007) проанализировал суффиксальный неологизм «X gate», происходящий от английского «X+gate», и обнаружил, что в нем есть такие изменения, как расширение семантической юрисдикции [13, с. 87].

4. «Гомологичные лексемы».

Наиболее очевидным проявлением гомологичных и гетероморфных слов является разница в употреблении иностранных. Цзян Юцзин (2006) исследовал два типа синонимов и антонимов и обнаружил, что необходимо более детально изучать иностранную лексику в китайском языке.

Чэнь Яньцю (2000) проанализировал новые слова из Гонконга и Тайваня, в том числе иностранные слова, с точки зрения социальной культуры и психологии [23, с. 102]; Пак Чжон Хи (2002) провел сравнительное исследование иностранных слов по обе стороны пролива [11, с. 62-63].

5. Достижения и недостатки в изучении заимствованных слов в китайском языке

1. Индивидуальное исследование лучше, чем общее исследование

Изучение китайских заимствованных слов родилось из возможности отслеживания лексики историческими и географическими дисциплинами [5, с. 87]. Изучение и интерпретация индивидуальной лексики всегда были углубленной частью изучения заимствованных лексем. Исследования общего характера иностранных слов несколько слабы, поскольку этим занимаются только отдельные ученые, а крупномасштабная исследовательская группа еще не сформирована [1; 15; 17].

2. Статические исследования лучше, чем динамические исследования

Текущие исследования китайских заимствований в основном сосредоточены на наблюдении за методами заимствования и нормами наименований заимствований в определенный период, а исследования динамического процесса синизации заимствований относительно слабы.

3. Все еще существуют различия в определении заимствованных слов

Проблема определения иностранных слов не достаточно хорошо разработана, поскольку необходимо более детально обсудить атрибуцию таких типов, как перефразированные слова, имитированные слова, опи-

сательные лексемы и заимствованная лексика.

4. Исследования словарного состава китайского языка являются устаревшими.

Словари могут поддерживать «чистоту китайского языка» [8, с. 4]. Однако изучение и толкование словаря иностранных слов является трудной задачей, поскольку работа по стандартизации и унификации является сложной и требует создания сильной исследовательской команды. В современной лексикографии необходимо более детальное изучение заимствованной лексики в китайском языке, поскольку данная проблема все еще не теряет своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Ли. История китайской лексики. Пекин: Коммерческая пресса, 1993. 140 с.
2. Ван Пэй, Рен Сяофэй. Выбор китайских слов при переводе иностранных слов с точки зрения адаптации культурного контекста // Журнал Чанчуньского технологического университета. 2009. № 4. С. 576-578.
3. Ван Юньлу. История среднекитайской лексики. Пекин: Коммерческая пресса, 2010. 120 с.
4. Ван Юньлу. Экспериментальная дискуссия о влиянии иностранной культуры на лексику среднекитайского языка // Языковые исследования. 2004. № 1. С. 66-73.
5. Дяо Яньбинь. История современного китайского языка. Фучжоу: Народное издательство Фуцзяни, 2006. 340 с.
6. Лай Янь. Характеристики и прагматика китайского заимствования английских заимствований // Изучение китайского языка. 2008. № 3. С. 62-66.
7. Ли Жун. Словарь современных китайских диалектов. Нанкин: Издательство образования Цзянсу, 2002. 138 с.
8. Ли Синцзянь. Стандартизированный словарь современного китайского языка. Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 2010. 230 с.
9. Ляо Дунмэй. Произношение уйгурских заимствованных слов в синьцзянских китайских диалектах // Национальные языки. 2005. № 1. С. 58-60.
10. Ляо Дунмэй. Языковые и культурные обмены, воплощенные уйгурскими заимствованными словами в синьцзянских китайских диалектах // Журнал Синьцзянского университета. 2005. № 5. С. 148-150.
11. Пак Чжон Хи. Сравнительное исследование заимствований с обеих сторон Китайского пролива // Журнал Шаньдунского института образования. 2002. № 2. С. 61-67.
12. Син Сяндун. Мысли об углублении изучения лексики китайского диалекта // Журнал университета Шэньси. 2007. № 1. С. 117-122.
13. Словарное бюро Института лингвистики Китайской академии общественных наук. Современный китайский словарь. Пекин: Коммерческая пресса, 2005. 130 с.
14. Су Синьчунь. Количественное исследование словарей и словарного запаса. Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2013. 210 с.
15. Сян Си. Краткая история китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2010. 130 с.
16. Тан Хайшэн. Непризнанный гласный на диалекте Гуанчжоу и о влиянии транслитерированных иностранных слов на эволюцию произношения диалекта Гуанчжоу // Журнал Южно-Китайского педагогического университета. 2007. № 5. С. 146-148.
17. Фу Хуайцин. История китайской лексики. Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 2012. 320 с.
18. Цзоу Цзяян, Ты Руджи. Тенденция диверсификации современных китайских неологизмов и региональная конкуренция // Преподавание языков и научные исследования. 2003. № 2. С. 12-21.
19. Чжан Цишэн. Теория оптимизации и приемлемость слога китайских заимствований // Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии. 2003. № 4. С. 7-12.
20. Чжоу Цзянь, Ян Шитье. Столетняя история исследования китайской лексики Пекин: Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса, 2006. 120 с.
21. Чэнь Юэ, Чэнь Чаомэй, Ху Чжиган, др. Принципы и приложения анализа Cite Space Практическое руководство по пространству цитирования. М. Пекин: Научно-техническая пресса, 2014. 243 с.
22. Чэнь Янь. Исследование диалектной маркировки китайских заимствованных слов. Исследование словаря. 2014. № 3. С. 23-28; С. 94.
23. Чэнь Яньцю. Новые слова из Гонконга и Тайваня в новую эпоху и их психосоциальные перспективы // Журнал Наньтунского педагогического университета. 2000. № 1. С. 102-104.
24. Ю. Хуэй. Отличительные характеристики и фонологические категории в фонологии китайских заимствованных слов // Изучение китайского языка. 2012. № 1. С. 53-61.

25. Myers-Scotton, Carol. Contact Linguistic. Oxford University Press, 2002. 126 p.

© Сюй Ян (xuyangdl@sina.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ляонинский педагогический университет

КОММУНИКАТИВНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ АНГЛИЦИЗМОВ В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБЩЕНИИ

THE COMMUNICATIVE RELEVANCE OF ANGLICISMS IN EVERYDAY COMMUNICATION

**N. Chernova
E. Borodavko**

Summary: The vocabulary of any language is constantly enriched. A lot of words have taken root in the Russian language, we actively use them in everyday communication. At present, the process of foreign borrowing, especially Anglicisms, has become more active. The purpose of our article is to summarize the results of research on the use of Anglicisms in everyday communication among various age groups of the population of a small rural district center.

Keywords: anglicisms, foreign borrowings, research, history of borrowings, communicative relevance, various age groups.

Чернова Нина Михайловна

Старший преподаватель, Нижегородский
государственный инженерно-экономический
университет

ninachernova090359@yandex.ru

Бородавко Елена Ивановна

Нижегородский государственный инженерно-
экономический университет
lenochka-shimina@yandex.ru

Аннотация: Словарный запас любого языка постоянно обогащается. Очень много слов прижилось в русском языке, мы их активно используем в повседневном общении. В настоящее время более активизировался процесс иностранных заимствований, особенно англицизмов. Цель нашей статьи – подвести итоги исследования по использованию англицизмов в повседневном общении среди различных возрастных групп населения небольшого сельского районного центра.

Ключевые слова: англицизмы, иностранные заимствования, исследование, история заимствований, коммуникативная актуальность, различные возрастные группы.

Методы

Исследование коммуникативной актуальности использования англицизмов среди населения разных возрастных групп методом анкетирования.

В одной из статей нами анализировались причины использования иностранных слов в повседневном общении студентами нашего учебного заведения. В связи с этим был проведён небольшой социологический опрос по данной теме среди населения посёлка.

Вывод

Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Не будем опасаться того, что русский язык исчезает с появлением в нем заимствованных слов. Это неверно. Ни одна волна заимствований – ни французская, ни немецкая, ни английская – не привела к деградации русского языка. Напротив – способствовала его развитию.

Цель и методы исследования

Цель нашей статьи – подвести итоги исследования по использованию англицизмов в повседневном общении среди различных возрастных групп населения небольшого сельского районного центра. Метод – проведение анкетирования на территории районного центра.

Многие считают, что иностранные заимствования (слова из иностранных языков) в своём общении чаще использует молодёжь, т.е. население в возрасте от 15 лет до 35.

Верно ли это утверждение?

«История» иностранных заимствований в русском языке насчитывает много веков.

В разные эпохи в исконный язык (русский) проникали слова из других языков: родственных славянских, греческого, латинского, скандинавских языков. Этот процесс можно отнести к VI-VII векам.

Соседство с финно-угорскими народами, хазарами, половцами, печенегами, монголо-татарское иго привело к появлению в русском языке многих слов, отражающих кочевой быт. Непреложный факт: иностранные слова, в частности английские, в русский язык приходили и успешно приживались с глубокой древности. В наши дни сложно поверить, но слова «князь», «шлем», «кровать», «лошадь», «плита» – когда-то тоже были иностранными.

Что по сути означает слово «заимствовать» - в толковом словаре следующее объяснение – «взять, перенять, усвоить». Заимствованные слова – это слова из другого языка, которые мы переняли. Это закономерный процесс, насчитывающий не одно столетие. Таким образом,

бытующее мнение о приверженности к использованию иностранных слов именно молодёжью неверно. В современных условиях – стремительное развитие IT-технологий, Интернет, телевидение и т.д. иностранные термины, определения, фразы прочно вошли в наше общение.

Результаты и их обсуждение.

Самое большое количество заимствований утвердилось в русском языке из английского языка. Ещё со времён Петра I большое значение стало уделяться изучению этого языка. И уже в XVIII веке в русский язык прочно вошло много английских слов. Эти слова в дальнейшем получили название «англицизмы», т.е. слова, фразы, обороты речи, пришедшие из английского языка. С развитием капиталистического производства, индустриальной революцией, колониальной политики, в основном в Англии, развитием торговых связей и превращением Великобритании в Морскую державу, утвердилась роль английского языка как языка международного общения. Из языка дипломатов, деловых людей он (английский язык) стал средством повседневного общения для большей части населения Земного шара и устойчиво вошёл в обиход языков практически всех народов нашей планеты. В XVIII- XIX веках в результате международных, торговых и экономических отношений между Россией и Европейскими странами, англицизмы начали проникать в русский язык; интенсивность этого процесса возросла в конце XX начале XXI века. Англицизмы, а если быть точнее – их тематика, отличается от периода до периода. Во времена Петра I это была военная лексика и морская терминология, кораблестроение. Примерно с 70-х годов XIX века и в начале XX века в русский язык вошло большое количество англицизмов сферы науки и техники. Это было обусловлено западно-европейским научно-техническим развитием, в котором главную роль играла Великобритания. В отмеченный период времени эту новую лексику в основном использовали инженеры, преподаватели технических учебных заведений; специалисты, имеющие отношение к производству, транспорту, средствам связи, строительству, промышленному оборудованию; т.е. она (эта лексика) не использовалась в общении среди широкого круга населения.

Словарный запас любого языка постоянно обогащается. Включая радио или телеприёмник мы можем услышать, например, «Саммит лидеров стран Большой Семёрки»; «Для получения пышного теста следует воспользоваться блендером»; «Рассмотрим проблемы социализации детей дошкольного возраста» и т.д. В сфере политики мы уже привыкли к новым понятиям – парламент, инаугурация, консенсус, спикер. Иноязычные термины стали господствующими в самых передовых отраслях науки и техники – компьютер, дисплей, плеер; а также в финансово - коммерческой деятельности – бартер, инве-

стиция, конверсия, спонсор, холдинг, трансферт, лизинг. В культурную сферу вторглись бестселлеры, вестерны, триллеры, хиты, блокбастеры. [1]. Быстро меняется бытовая речь с использованием нерусских названий – сникерс, твикс, гамбургер, спрайт, тример, блендер, миксер, стейк и т.д. Обычную лужайку мы называем «газон»; траву на ней (лужайке) косим газонокосилкой или триммером, а не косой или лютовкой. В 90 – е годы прошлого столетия в русский язык широким потоком полились иностранные слова, особенно англо-американская лексика. В процесс использования модных иностранных слов, казалось, подключились все: от известных политиков, телеведущих, депутатов и т.д. до сельских мелких предпринимателей и жителей отдалённой от столицы глубинки. В населённых пунктах с количеством жителей чуть менее тысячи человек появились «мини-маркеты», «супер-маркеты»; в районных центрах обозначились «отели», «сауны»; вместо «парикмахерских» возникли или «салоны барберс», а часто общее название – «барбершоп». Английские слова *hairdressing* – женская парикмахерская и *barber`s* – мужская парикмахерская, с разными значениями, в подобных случаях не рассматривались. В сельской местности на вопрос «Чем сегодня занималась?», часто услышим «Шопинг делала.»! Причём в подобном случае обмен репликами далеко не молодыми особами! Увлечение англицизмами стало своеобразной модой среди различных слоёв населения, не только молодёжи. Да, у молодых людей свои стереотипы и идеалы. Таким стереотипом современной эпохи служит образ заидеализированного американского общества, в котором уровень жизни намного выше, и высокие темпы технического прогресса ведут за собой весь мир. [1]. И добавляя в свою речь английские заимствования, молодые люди (как им кажется) определенным образом приближаются к этому стереотипу, приобщаются к американской культуре и стилю жизни. Очень много слов прижилось в русском языке, мы их активно используем в повседневном общении, совершенно забыв, что оно (это слово) иностранного происхождения: офис, коллега, документ, дискуссия, социализация, калоши, лабиринт, институт, студент, доктор, авто, сервис и т.д.

Список новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, ограничен. Поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующего названия вместе с заимствуемым понятием и предметом. Так как передовые технологии сконцентрированы на Западе, а английский язык международный, следовательно, словарь русского языка пополняется за счет англо-американизмов.

Можно также выделить социально-психологические причины, влияющих на процесс заимствования. Это увеличение количества говорящих и владеющих английским языком в России. Большой поток выезжающих из страны, долго живущих в англоговорящих странах и

возвращающихся обратно является причиной частого переключения на английский язык. Влияние эмиграции на процесс заимствования не в столь высокой степени, как широкое владение английским языком, существенно важно для процесса заимствования. И многим (особенно молодым людям) хочется им подражать, часто не владея английским языком.

Многие лингвисты указывают на престижность английского слова в некоторых ситуациях по сравнению с русским. Это называется «повышением в ранге»: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке относится к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т.д. Например, в русском языке название шоп (shop - магазин) относят не ко всякому магазину, а лишь к тому, который торгует престижными товарами. Это суждение, конечно, спорно, так как в конце 90-х годов этим англицизмом называют обыкновенные магазины, особенно это принято среди молодежи: «Пошли в шоп...»

Среди социально-общественных причин вхождения англицизмов в русский язык относится и «коммуникативная актуальность понятия» и соответствующего ему слова. Если понятие затрагивает важные сферы деятельности человека, то слово, обозначающее это понятие, естественно, становится употребительным, например – automobile, service, printer, steward, military, leader, оно легко образует производные в русском языке и делается объектом сознательного употребления, например, русские варианты приведённых выше примеров: автомобиль (авто), стюард(есса), милитаристический, стиль «милитари», лидерство, сервисный, сервисная деятельность.

[2] В одной из статей нами анализировались причины использования иностранных слов в повседневном общении студентами нашего учебного заведения. В связи с этим был проведён небольшой социологический опрос по данной теме. Были отмечены следующие, как наиболее распространённые, пункты:

- это модно (использование иностранных слов в общении);
- помогает изучать иностранный (в т.ч. и английский) язык;
- отсутствует термин в русском языке.

При этом, многие студенты не знали, что синонимом прижившегося английского слова «менеджер» является слово из русского языка «управляющий», (для них «менеджер» более понятен.) Тем не менее, замена понятий необходима; мало кто из преподавателей экономических дисциплин будет называть «маркетинг» многословным термином на русском языке - «наука, изучающая законы рынка».

Этой же группой студентов нашего ВУЗа был проведён социологический опрос среди жителей нашего Воротынца; причём – среди населения разных возрастных групп, социального и образовательного уровня. Этим мини-исследованием были охвачены: дети – от 7 до 16 лет- школьники; молодёжь (20 – 35 лет); жители от 40 до 60 лет, «старшая группа» 60+ и несколько человек 80 лет и старше. Вопросы мини-исследования были следующими:

- ваш возраст;
- род занятий (школьник, студент, служащий или рабочий, неработающий (отпуск по уходу за ребёнком, инвалидность, домохозяйки), пенсионер, работающий пенсионер, безработный, другое);
- образование (учусь: в школе в ..... классе; техникуме, институте; общее среднее, специальное среднее, высшее);
- какой иностранный язык изучаете или изучали ранее;
- используете ли иностранные слова в своей речи (в общении с друзьями, коллегами, соседями, в служебных целях, домашней обстановке);
- причины использования иностранных слов (по вашему мнению): обогащает речь на русском языке; это необходимость; так модно или принято; другое;
- какие иностранные слова чаще всего вы используете.

Это анкетирование проводилось в период: июнь-июль, октябрь 2021 года. Места проведения различные: около зданий школ – средней и школы искусств; на детских площадках, около магазинов, в Физкультурно-оздоровительном комплексе, в центре социальной защиты населения, около зданий районной администрации, больницы и библиотеки, центральная площадь посёлка, автовокзал; в населённых пунктах, где проживают родители и родственники наших студентов. Этим опросом было охвачено более двухсот человек. По результатам данного исследования составлена следующая схема:

I. Дети – от 7 до 16 лет- школьники; второй-девятый классы; изучают английский язык; используют английские слова в общении с друзьями и дома (братья или сёстры младшие, старшие; молодые родители – до 40 лет); привычнее использовать английское слово; часто используемые английские слова: плеер, коктейль, о'кей (OK), вау (wow), упс (Oops), бай (bye), чипсы (chips), boyfriend (girl-friend), weekend, very good, go, party, super-girl, baby, loser, hi, real, best, blogger, chat, user, smile, sorry, «перентсы», «систер, бразер», тейбл, тайм, фейс, нейборы, «тичеры».

II. Молодёжь (20 – 35 лет); уровень образования – от среднего до высшего; служащие, неработающие (отпуск по уходу за ребёнком, инвалидность, домохозяйки), сту-

денты других учебных заведений; изучают и изучали английский язык; несколько человек – немецкий язык. «Наверное, это модно». Часто используют английские слова в общении с друзьями и дома (с детьми, супругом (супругой)). К перечисленным выше англицизмам можно добавить «дарлинг», My love, With all my heart, mother, father. Из немецкого языка в этой возрастной группе наиболее часто употребляется «арбайтен» (причём с ударением на второй слог), «нихт», «ферштеен», «фрау», «шнеллер», «ауф фидер зеен», «гутен морген».

III. Жители от 40 до 60 лет; уровень образования – от среднего до высшего; служащие – медицинские работники – используют профессиональную (медицинскую) лексику, в основном терминологию; педагоги – на работе «нет необходимости использовать сленг, заимствованный из иностранных языков»; но часто «слетают с языка» о'кей (OK), вау (wow), упс (Oops), бай (bye), hi, sorry; ну и как же без чипсов (chips). Здесь и прохожие, и посетители магазинов, районной библиотеки, пассажиры на автовокзале, работники различных служб районной администрации; работающие и не работающие пенсионеры. В этой группе анкетированных – изучавшие английский, немецкий, французский языки. И – интересная особенность: мужчины этой группы реже употребляют иностранные слова в общении. Неожиданными были ответы нескольких человек с категоричным утверждением «не используем и не знаем никаких иностранных слов!» При помощи наводящих вопросов всё же была получена следующая информация об этих «неиспользуемых» словах: бутерброд, гамбургер, блендер, миксер, birthday, Happy New Year! Respect, clever-клёвый, парламент, коалиция, компьютер, принтер, телефон, смартфон. Люди пенсионного возраста дополнили этот список словами: шузы, интервенция, революция, джемпер, пуловер, мачо, стриптиз, брейк, бокс, футбол, баскетбол и т.д. Сложнее было получить ответ от лиц, имеющих лишь «общешкольное образование»: либо о'кей (OK), вау (wow), hi; либо «не знаю» и проходят мимо собеседника. Более всего англицизмов среди этой группы используют сотрудники служб районной администрации и работники районной библиотеки. Из 32 человек, опрошенных у здания администрации и сотрудников библиотеки – 28 практически постоянно, ежедневно употребляют иностранные слова; имеющийся список заимствований они дополнили словами: гёрлы, стьюдентсы, гастарбайтеры, миделэйчесы, юниоры, старт-ап, френдс, шеф, ассистент, маркет (если планируется поход в «Магнит» или «Пятёрочку»), мадам, сэр.

IV. «Старшая» группа» 60+ и несколько человек 80 лет и старше. Уровень образования: среднее, среднее специальное, высшее. Образование получено в 40-е – 70-е годы XX столетия, изучавшие английский, немецкий, французский языки. Владеют информацией об иностранных заимствованиях в русском языке. Используют

в общении бытовые термины, спортивные названия, политическую терминологию; владеют также терминами из Интернета; из средств массовой информации. Сленг перенимают от детей и внуков. Представители более старшего поколения мало используют иностранных слов в общении; исключение – когда их навещают внуки и правнуки. «Не понятно, иногда, о чём говорят. Вроде слова русские, ну уж больно «назаковыристые».

Среди I группы опрошено около 70 человек; каждый из них использует постоянно английские слова в повседневном общении в общем контексте с русским языком, т.е. – 100%.

II группа – опрошено 40 человек; используют постоянно иностранные слова в повседневном общении – 100%.

III группа – опрошено около 90 человек. Используют профессиональную лексику – преподаватели иностранного языка; терминология по другим учебным предметам; медицинские работники – профессиональная терминология; Из общего количества опрошенных в этой группе лишь 12 человек не используют иностранные слова в общении. Это примерно 12% от общего количества в группе.

IV группа – в анкетировании приняли участие 30 человек. Имеют знания об иностранных заимствованиях в русском языке. В повседневном общении используют в основном «давно прижившиеся» термины бытового плана, которые уже не рассматриваются как иностранные; 90% не используют.

Результаты социологического исследования отображены в следующей диаграмме: из 230 человек, участников анкетирования – 180 или 85% используют иностранные слова в повседневном общении; 50 человек или 15% – не используют.

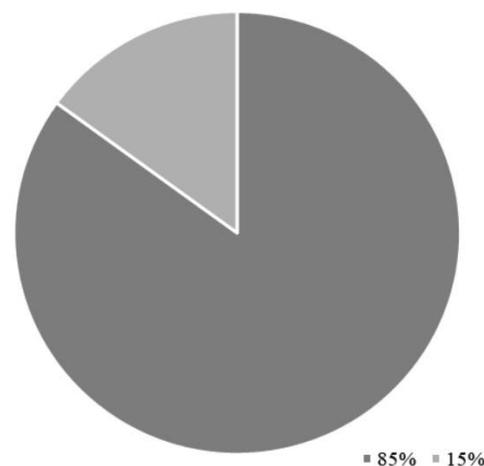

Рис. 1. Использование иностранных слов в повседневной жизни

Примечателен следующий факт: в конце девятнадцатого-начале двадцатого столетия (отмечалось выше) иностранные слова были в общении узкого круга специалистов. В наши дни их использует в повседневном общении практически каждый умеющий говорить, и не только представители молодёжи.

Вывод

Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Не будем

опасаться того, что русский язык исчезает с появлением в нем заимствованных слов. Это неверно. Ни одна волна заимствований – ни французская, ни немецкая, ни английская – не привела к деградации русского языка. Напротив – способствовала его развитию.

Кроме того, русский язык благодаря огромному количеству суффиксов и приставок дарит любому заимствованию совершенно новую жизнь. Даже простое английское *Hi*, в русском языке может быть «хаюшки»!

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумцова, О.В. Причины использования англицизмов в русском молодежном сленге / О.В. Сумцова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2012. — № 4 (39). — С. 247-250. — URL: <https://moluch.ru/archive/39/4539>
2. Чернова Н.М., Лабаева Т.А. Иностранные заимствования в повседневном общении студентов. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки", 2020г. №2, С. 116 - 119

© Чернова Нина Михайловна (ninachernova090359@yandex.ru), Бородавко Елена Ивановна (lenochka-shimina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный инженерно-экономический университет

Наши авторы

Our authors

Aleeva G. – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

Alieva S. – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Dagestan State University (Makhachkala)

Alkhlavova I. – Ph.D., Researcher, IYALI DFIC RAN

Ampleeva V. – Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Borodavko E. – Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics

Bryzzheva N. – Ph.D., Institute for Advanced Studies and Professional Retraining of Educators of the Tula Region

Chernova N. – Senior Lecturer, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics

Demidov A. – Graduate student, Moscow Region State University

Dominic Iurie – PhD researcher, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russian Federation. Moscow

Ershova Yu. – Postgraduate student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Feldman M. – Doctor of Sciences (History), Professor, Ural Institute of Management is a Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg)

Garifullin R. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, FGBOU VO «Kazan state University of architecture and civil engineering»

Gogenko V. – Southern Federal University

Gorskaya E. – associate professor, Institute for Advanced Studies and Professional Retraining of Educators of the Tula Region

Khairullin R. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism"

Kletskaya S. – PhD, Assistant Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Krasovskaya A. – Researcher Institute, Buryat State University

Kulikova T. – PhD, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Levitskaya Yu. – Teacher, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Melnikov N. – Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology Ural Branch Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Mitupov K. – ScD (History), professor, Buryat State University

Nosova O. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Palashevskaya I. – Volgograd State University

Pavlova E. – doctor of philology, associate professor, Lomonosov Moscow State University

Semyonov A. – Cand. philol. Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North-Eastern State University", Magadan

Serebrennikova N. – Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Sevodin S. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, FGBOU VO «Kazan State Energy University»

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolovskaya A. – Kazan (Volga Region) Federal University

Sokolyanskaya N. – Cand. philol. Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North-Eastern State University"

Sorokina E. – Senior Lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Stepanova N. – PhD, Associate Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tumanina N. – additional education teacher, FGK OU "Kazan Suvarov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation"

Xu Yang – postgraduate student, Liaoning Normal University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).